

ДНЕВНИК АПОСТОЛА ФОМЫ

КНИГА ПЕРВАЯ. АПОСТОЛЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Содержание

0.	Выдержка из аналитического отчета.....	2
1.	Отрывок из дневника Фомы. Первый апостольский собор	2
2.	Керим просыпается	4
3.	Керим пошел на раскрутку	8
4.	Отрывок из дневника Фомы. Апостол-аферист, 2 в 1	21
5.	Керим этапируется в Москву	25
6.	Керим беседует с Николаем Ивановичем	29
7.	Керим принимает решение	38
8.	Отрывок из дневника Фомы. След от пощечины.....	53
9.	Керим осваивается на новом месте	65
10.	Курсант Грек приступает к работе.....	74
11.	Отрывок из дневника Фомы. Четыре храма.....	78
12.	Церковный комсомол в действии.....	85
13.	Грек - Полтиннику. Анамнез Иры Барановой (ап. Павел)	92
14.	Отрывок из дневника Фомы. Рукопись как палимпсест.....	103
15.	Грек - Полтиннику. Анамнез Светланы Ростовской (ап. Андрей).....	108
16.	Слободан выходит на связь.....	118
17.	Отрывок из дневника Фомы. Madonna del Magnificat.....	126
18.	Отрывок из дневника Фомы. Рыбы говорят.....	129
19.	Отрывок из дневника Фомы. Венеция, храм Святой Софии.....	136
20.	Слободан встречается с Фомой	144
21.	Отрывок из дневника Фомы. Все еще только начинается.....	151

0. Выдержка из аналитического отчета

Орден святого Николая – секретное совместное подразделение ФСБ и Русской православной церкви. Работает под легальным прикрытием общественной организации «Молодая православная Россия». Цель ордена – решение «проблемы 12».

«**Проблема 12**» - тематическое направление одного из подразделений ФСБ. Разрабатывается ФСБ совместно с орденом святого Николая. Существо направления – идентификация и одновременная нейтрализация всех членов оккультной секты «12», которая управляется так называемыми «апостольскими группами»: «группой 12» (малый круг) и «группой 70» (большой круг). Секта «12» основывается на том, что ее участники якобы припоминают свои прошлые жизни, в которых они были апостолами Христа или их союзниками (последователями).

Технология «Восход» - психотронное оружие, разработанное под эгидой ФСБ. С помощью аппаратуры «Восход» производится чтение мыслей испытуемого, а также встраивание в подсознание испытуемого специальных блоков, которые он рассматривает как свои собственные видения и интуиции, во сне или наяву.

1. Отрывок из дневника Фомы. Первый апостольский собор

Мария из Магдалы (*когда-то - одержимая деревенская шлюха*) пришла на первый апостольский собор. Она принесла нам ту часть учения, которую сообщил ей Христос, и которая не была открыта миру до сего дня.

Слушать это было тяжело. Но я слушал. Потому что я любил ее - тогда, много жизней тому назад, и много жизней тому вперед. Я, ничтожный апостол Фома, - вместо того, чтобы слушать Христа, - тогда, на горе, - сидел и тупо пялился на Марию. И сейчас я ничего не соображал, что она говорит. Просто сидел и пялился.

Мария говорила о ступенях восхождения души. И, по-моему, она говорила о Хокме-Софии. И - о реинкарнации.

Петр и Андрей вскочили со своих мест. Андрей сказал: это совсем новое учение. Петр сказал: почему мы должны ее слушать. Матвей сказал: ее Христос любил больше всех нас, она имеет право, не затыкайте ей рот.

Мария заплакала. Она понимала. Что такое женщина в глазах иудея? Просто животное. Машина для удовольствий, для продолжения рода. Кто родил Исаака? Ясно, Авраам, Сарра не при чем. Говорит-то кто? Самый настоящий иудей. Иуда Фома Дидим. По-арамейски «Фома», а по-гречески «Дидим» означает «близнец» (*сестра-близняшка рано умерла; или Иисус какой-то тайный смысл вкладывал, когда называл*).

Ну и тут я не выдержал. Встал и сказал, что они все - уроды. Что они уже всерьез

настроились пасти народы во всех углах Земли. Что у них есть готовый продукт для продвижения. Что они созрели сесть за мемуары, делить места в Царствии Божьем, собирать урожай. Разумеется, никакое новое слово в этот жесткий каркас не поместится. (*Слова были другие, смысл - тот же самый*).

Я им сказал: вы думаете, что вы - соль земли. Что вы - избранные, что вы - пастыри. Протрите глаза. Мы все - горстка трусов и предателей. У нас не хватило нравственных сил умереть рядом с нашим Братом, мы испугались. Только женщины стояли рядом с крестом. Мать и подруга-спутница, две Марии. И Ванька. Искарот - виноват меньше всех, он шел на задание, и вы все это знали. А будете писать - подонок. Чтобы переложить свою слабость на одного, прикрыться им, как щитом. Кого вы собираетесь лечить, врачи? Исцелитесь сами!

И все это будет так долгие годы вперед. Простая часть учения будет транслироваться, и под эту музыку будет форматироваться стадо. Самая тонкая, самая сложная часть учения - будет вымарываться из всех книг, выжигаться каленым железом. Потому что Спаситель говорил нам еще тогда, до Распятия - "Слово Мое не вмещается в вас". Тогда не вмещалось - и через 2000 лет не вмещается.

Вы смотрите на Магдалину и думаете: вот шлюха. Спал Иисус с ней или не спал, какое ваше собачье дело? Пусть даже и спал. Что вам до того? Я-то уверен - не спал. Вам даже и не понять, что с женщиной можно иметь высокие отношения. Почитать ее близкой Богу, Божьим словом, Божьей ипостасью. Хокмой, сиречь Софией. Любить ее тонко. Исповедовать, что Бог - не только лишь Отец, но и Мать. Эх, не вмещается! Вам Соломон Песнь Песней написал, а вы на эту Песнь Песней дробите. Думаете, что там порнография. А это - лучшее, что в Соломоне было на тот момент. Самое высокое, самое ценное, самое истинное. Перечитайте Книгу Премудрости Соломоновой, там о Хокме. Что, собственно, нового принесла Мария? Да ничего, Соломон уже все сказал!

(Вот и получается, что я слушал Марию не ушами, а сердцем. Я сам был в тех же мыслях, что и она. И потом, мы ведь с ней говорили об этом. И Христос говорил со мной об этом же самом, один на один. Но в меня не вмещалось. Только сейчас мало-мальски встает на свои места, через 2000 лет после событий. А тогда - кто я был? Тупица, такой же деревенский увалень, как и все они, собравшиеся здесь. Такой же сброд, по большому счету. Соль земли. Ха-ха! Сор земли - это будет точнее.)

И тогда я сказал: я ухожу от вас. Пойду благовествовать Евангелие от Марии. Меня от вас тошнит. Вижу, стыдно им стало. Как-то даже попритихли. Но потом они устыдились своего стыда и начали меня костерить. Сказали, что я не апостол, а говно. Сказали, что мне надо было путаться с бабами, а не ходить за Христом. Что я ни во что никогда не верил, и что мне надо было даже в раны Христовы ткнуться пальцем, чтобы поверить.

Также они сказали, что у них абсолютно нет времени на дискуссии. Христос воскрес для того, чтобы спасти верующих в Него. Это – главная мысль, ее надо доносить во все углы земли. Тонкости никого не волнуют. Мир лежит во зле, повсеместно происходят страшные вещи. Рим, вместилище порока и скверны, любой ценой должен быть разрушен, и он будет разрушен изнутри, учением. На его обломках встанет новая христианская империя. Всякое разночтение, всякая ересь - ослабляют веру, снижают энергию масс, вносят раскол в ряды. Нужно принимать в расчет, что люди готовы услышать только самое простое. Им нет дела до наших распрей. И более того: они ничего не должны знать о них. Если Магдалина не хочет принимать условия, на которых будет работать вся группа, пусть проваливает. И ты тоже катись, скатертью дорога. К тому же, нас не может устроить, что женщина берется

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

проповедовать и благовествовать. Нас не поймут ни здесь, в Иудее, ни в диаспоре. *(Это вроде бы как Андрей выступает, а Левий ему поддакивает).*

И тут Петр подключается к беседе и начинает орать. За ним вообще водится, что у него крышу срывает конкретно *(по другим жизням мы тоже это отмечаем)*. Бывало, сидит тише воды ниже травы, как бы вникает, что говорят вокруг, - а потом вдруг вскакивает и орет нечеловеческим голосом. Типа, такое: хера ли мы теряем время, какая-то блядь нестроевая учит нас, а мы тут все должны, и все в таком духе. До сих пор простить не может, что Христос любил Магдалину больше, чем его.

Заткнись, говорю, барбос. *(Так, думаю, щас начнется. Ради Марии я был готов его тут же разорвать, как фуфайку Тузик)*. Но Петра уже за руки начали хватать. Говорят ему: хорош, Кифа, не связывайся.

Мария слезы отерла и говорит: Фома, не надо ругаться с ними. Спаситель это все предусмотрел. Тут уж ничего не поделаешь, процесс пошел. Пусть они делают свое. Мы будем делать свое. У нас так мало времени, нас скоро поубивают, а нам еще учение надо сохранить.

И тогда мы встали и ушли. Потом я Нафанаила и Филиппа нашел, закадычных дружков своих. Извинился перед ними. Они говорят: мы сами виноваты, должны были вас поддержать. Куда вы теперь. Я говорю: не знаю пока. Как Мария решит, так и будет. Может, сразу в Рим рванем, к Тиберию. Он, вроде, производит впечатление вменяемого человека. Хоть и император.

2. Керим просыпается

Керим Дадаев, чеченский террорист, взрывотехник по второму образованию, тянул свой срок в одном из мордовских лагерей строгого режима. Досидеть ему оставалось сущую ерунду – каких-то пять с половиной лет *(четыре года он уже отбыл)*.

Керим вовсе не собирался посвятить себя призванию взрывника. Первоначально он готовился на ветеринара. Отец, в то время – депутат Грозненского городского совета народных депутатов, хотел, чтобы Керим поехал учиться в Москву, но Керим предпочел остаться дома. Он закончил медицинское училище, потом женился, какое-то время работал по специальности в пригородном совхозе. Во времена перестройки Керим открыл один из первых в Грозном кооперативов по пошиву обуви. Разбогател.

Потом началась вторая чеченская война. В ходе одного из артобстрелов Грозного под развалинами дома Керим потерял жену и дочь девяти лет. В этот момент ему стало все равно. Керим подался в горы, прибил к одной из групп, освоил военную профессию. Работал он точно и бесстрашно. Полевые командиры его ценили.

Но однажды вышла промашка. Смертница Эльза Учхоева попыталась поднять на воздух общежитие грозненского МВД, куда устроилась мыть полы. В бомбе что-то не сработало. Под нажимом Эльза назвала адрес дома. В ходе молниеносной операции спецназовцы взяли троих, в том числе и Керима. Если бы боевики не спали, с задержанием вышли бы проблемы. Потому что никто из них не собирался доставаться федералам живым.

На суде прокурор просил для всех пожизненного заключения *(Эльзе – 15 лет, с учетом сотрудничества со следствием)*. Но судья Пахомова определила Эльзе и еще двоим

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

подельникам – по 13, а Кериму – девять с половиной (*учли погибших родственников*). К тому же, доказать удалось всего один эпизод (*Эльза рассказала все, что знала, но знала она мало, так как была предназначена всего на один раз*).

Керим отбывал положенное ему тихо, в одиночку, без хлебашей (*то есть без друзей, с кем мог бы делить хлеб*). Его никто не трогал. Биография его была известна всему лагерю. Особого сочувствия Керим не вызывал, но и характерного отвращения – тоже. К тому же, вольные разборки на зоне не канают. Дни у Керима шли, похожие один на другой, как два использованных гондона из одной пачки. Подогрева с воли Кериму не было, поддержки от диаспоры – тоже (*он был один чеченец на всю зону*). Поэтому жил Керим на то, что удавалось заработать на промке (*сущие копейки*) и на то, что по временам перепадало ему из общака (*прежде всего – шмотки тех, кто уходил на волю – и, по зоновскому поверью, откидывался с зоны пустой, без баулов, чтобы не возвращаться*).

Все бы так и шло, если бы не один случай.

Во время обеда в зоновской столовой Керим стоял в очереди за борщом. Он стоял в очереди и думал о чем-то своем. И так глубоко задумался, что замешкался на выдаче. Баландер Вася Воротиллов по кличке «Пенталгин» (*каких только имен не производит дура-тюрьма*), сидящий за зверское избиение своей сожительницы, занервничал.

- Давай живее шевели копытами, террорист хуев, - сказал он Кериму.

Керим очнулся. И, совершенно машинально, схватив шлемку с баландой, оприходовал ее в рожу означенному Василию. Василий заверещал и осел на пол.

К счастью для Керима, борщ оказался негорячим, поэтому дело ограничилось ожогами третьей степени, а глаза не задело. Василия определили на больничку, а Кериму выдали 10 суток ШИЗО. Если бы борщ вышел погорячее, Пенталгин потерял бы зрение, а Кериму бы добавили лет пять поверх срока.

Керим сидел в полутемном помещении, освещаемом лишь убогой лампочкой в зарешеченном оконце над дверью. По инструкции, нары откидывались от стены только на время сна, и поэтому большую часть дневного времени суток Керим сидел на корточках в углу или расхаживал из угла в угол (*«гонял», что называется*), нарезая километры. Лагерь был прогрессивный, поэтому вместо традиционной парашы в углу камеры стоял «дальняк» (*промываемый холодной водой унитаз*). Там же примостилась и металлическая раковина для умывания.

Керим даже обрадовался ШИЗО. Он впервые остался один на один с собою за несколько лет. Рядом с ним в тюрьме сидели одни оперхатовские стукачи. На зоне его окружали люди, с которыми у него не было абсолютно ничего общего. По преимуществу это были колхозники, сидящие за нюркины боты да за шифер с колхозной крыши. Многие из них заезжали на строгий режим уже по третьему-четвертому разу. Половина из них начала свою тюремную дорогу еще по малолетству, прямиком из детских домов и интернатов. Всех разговоров у них было про амнистию и про баб. Это был чуждый, враждебный Кериму мир, с которым он не желал контактировать в принципе. Так что Керим буквально упивался своим покоем. И уже жалел, что придется выходить из ШИЗО на свет божий, снова быть среди людей, терпеть их. И заставлять их терпеть себя.

Ночью Кериму приснился сон. Ничего подобного в своих снах раньше он не видел.

Грозный. Идет артобстрел. Сумерки, дым и гарь. Слева и справа от Керима рвутся снаряды, отваливаются куски от обугленных зданий. Керим бежит, петляя как заяц, между разрывами, он движется перебежками, от воронки к воронке. И вдруг он видит свою дочь Асет, которая, как ни в чем не бывало, играет на улице в мячик. На ней платье в синий горошек, а поверх головы – большой белый бант. В точности как тогда, когда она первый раз пошла в школу.

- Асет!!

Он подбегает к ней, хватая в охапку. И дочь говорит ему:

- Не бойся, папа. Не надо прятаться. Давай с тобой поиграем в мячик.
- Дочка, ты же умерла.
- Нет, папа, я не умерла. И ты не умер, и никто не умирает.
- Как же так?
- Папа, ты всего не знаешь.

И в этот момент обстановка меняется. Керим с дочерью оказываются в цветущем саду. Травы по колени, мерно и сонно жужжат пчелы. Лето. Асет говорит:

- Вот видишь, как хорошо жить. И как плохо все время чего-то бояться.
- Дочка, но ты же умерла. Это все во сне.
- Нет, папа. – Лицо Асет становится серьезным. На глазах у Керима она становится старше. Теперь это – молодая девушка лет двадцати. Такой она стала бы, если дожила. – Это вы думаете, что живете. А на самом деле вы спите. Ты думаешь, что я умерла. А на самом деле я никогда не умирала. Это тебе приснилось, что я умерла.

- Вот смотри, - говорит Асет. – Только что бомбили. Сейчас здесь сад. Мы можем переместиться куда захотим, одной только силой мысли. Сбудется все, что мы задумаем. Разве в твоей жизни так? Ты сидишь в тюрьме за то, что взрывал людей. Ты сидишь и проклинаешь свою жизнь. Ты бы с радостью умер, но тебе не дают умереть. То, что ты называешь жизнью, на самом деле – кошмарный беспросветный сон, из которого никак не проснуться.

- Асет, а где мама?
- Мама на работе, скоро придет.
- На какой работе, она же умерла, как и ты.
- Папа, не глупи. Я же тебе только что сказала, что никто не умирает.

Керим плачет. Но это слезы радости. Он уже и не помнит, когда последний раз так плакал. Наверное, никогда.

- Асет, а Аллах – есть?
- А как ты сам думаешь.
- Нет никакого Аллаха.
- Почему ты так решил?
- Потому что в том мире, где мы живем, Аллаху нет места. Он там не нужен.
- Ты все правильно рассуждаешь, - говорит Асет. – В том кошмаре, в котором вы все спите, Аллаху действительно нет места. Он там и не нужен. Более того: Аллаху в принципе не нравится тот кошмар, в котором вы спите. Но Он ничего не может поделать. Потому что этот кошмар вы придумали себе сами, своими мыслями, своим образом действий. А Аллах не вмешивается в человеческую свободу. Потому что Он создал человека равным себе. А значит – свободным в своем выборе бодрствовать или видеть кошмары в своих снах.

- Я не понимаю.

- Ничего не надо понимать, папа. Ты только верь. Надо проснуться. Сейчас ты уснешь и будешь досматривать свой кошмар. Но однажды ты проснешься, и тогда мы еще поговорим.

На этом сон оборвался. Весь следующий день Керим плакал. Будто бы вышибло невидимую пробку, и излилось наружу все напряжение последних нескольких лет. Керим плакал о себе, жене, дочери, о своей истерзанной родине. К концу дня Керим плакать перестал. Он сидел в своем углу, просветленный, выплакавшийся и тихий, словно арестованный ангел. Он начал понемногу оживать. Просыпаться, как сказала бы Асет.

В следующую ночь сон повторился. Опять бомбили, опять Керим бежал. Но теперь что-то поменялось. Керим бежал и сознавал, что бежит он скорее по привычке бегать, от доверия к тому, что доверия, в общем-то, и не заслуживает. Словно бы снимали малобюджетное кино про войну, а Керим прошел кастинг на главную роль и участвовал в кинопробах. Керим как бы раздвоился. Один в нем, прежний привычный Керим, продолжал видеть сон про бомбежку и ужасаться. Другой Керим, новый и неизвестный Кериму старому, никуда не бежал, ничему не ужасался, а просто стоял в сторонке и наблюдал.

И когда ветхому Кериму надоело бегать от артобстрела, он остановился. И в этот же момент он стал другим Керимом. Раздвоенность пропала. И появление Асет в его сне уже не стало для него неожиданностью. Керим верил, знал, понимал: Асет жива, она вернется, и они будут разговаривать как ни в чем не бывало, словно нет войны и нет смертей.

- Привет, дочка.

Асет и на сей раз уже взрослая, как в конце предыдущей серии. Она идет по разбомбленному бульвару и ест мороженое.

- Папа, мороженое будешь? Я тебе купила крем-брюле.

- Конечно, с удовольствием.

- Давай-ка пойдём в наш сад, а то здесь неудобно разговаривать.

Декорация меняется как по мановению волшебной палочки. Снова лето, сад, пчелы. Из нового – белая скамейка с чугунными боками, как в летних садах сразу после второй мировой войны. Асет и Керим сидят на скамейке, кушают мороженое.

- Асет, а где мама?

- Мама на работе, скоро придет.

- Что это у нее такая за работа?

- Она работает ангелом, папа.

- Это как же? – Керим в полном недоумении.

- Наша мама работает ангелом. Она работает с людьми, которые спят и видят свой кошмар. Она помогает им переносить этот кошмар легче. И еще она помогает просыпаться тем, кто готов проснуться. Кому надоело смотреть свой сон, как одно и то же кино, несколько раз подряд.

- И как же это происходит?

- По-разному. Например, едет человек в метро. Идет по переходу со станции на станцию, а в голове у него разные мысли. Например, про «Братьев Карамазовых», что он недавно прочел. Выходит человек на свою станцию, садится в вагон. И первое, что ему бросается в глаза: сидит девушка и читает книгу. А на обложке книги надпись: «Братья Карамазовы». Человек недоумевает. Сначала ему кажется, что это нелепое, странное совпадение. Потом он думает: нет, в этом что-то есть. Так мама помогает человеку проснуться. Постепенно.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- И что происходит, когда он просыпается?

- В этот момент он понимает, что мир населен ангелами, которые не прочь пошутить. И в следующий раз, когда повторится что-то похожее, человек говорит: спасибо, ангелы, что не оставляете своим вниманием. И ангелы ему говорят: всегда пожалуйста. И улыбаются. А вот и мама!

Как бы из ниоткуда появляется жена Керима Саша. Ничто не указывает на ее ангельский статус, если бы не тонкий кокон света, который ее окружает.

- Здравствуй, Керим, - говорит Саша. И улыбается.

- Здравствуй, Саша, - говорит Керим. И начинает плакать. Хочет обнять жену, но не может. Его руки промахиваются, захватывая свет вместо плоти.

- Не плачь, Керим, - говорит Саша. И тут Керим чувствует, что в него входит радостное тепло и покой. И что плакать нелепо, когда столько света и тепла внутри. Он понимает, что это сделала Саша.

- Мама, он еще не знает, - говорит Асет.

- Сейчас, - говорит Саша. – Керим, ты доел мороженое?

- Да, - говорит Керим.

- Нас ждет Верховный Пророк Иса, - говорит Саша. – Он хотел с тобой поговорить. Я провожу тебя к нему.

- Я недостойн лицезреть Пророка, - говорит Керим. – На мне нет ни клочка чистого места. Моя душа – это ад крошечный.

- Керим, - говорит Саша. – Ты человек или животное для жертвы?

- Я человек, - отвечает Керим.

- Керим, - повторяет Саша. – Ты человек или бездушная машина для войны?

- Я человек, - отвечает Керим еще более уверенно.

- Вот поэтому ты достоин, - говорит Саша. – И именно поэтому Пророк будет говорить с тобой. Как человек с человеком.

3. Керим пошел на раскрутку

Завершался август две тысячи седьмого года. До сего дня Кериму было все равно, что на дворе был за календарь. Теперь это становилось важным. Потому что возвращалась жизнь.

Отсидев положенные десять суток в штрафном изоляторе, словно бы отстояв их на одной ноге, Керим вышел на свет Божий – и первым же делом направился в баню. Лагерь был прогрессивный (*как я уже отмечал*), поэтому баня была вместительная, топилась каждый день, и любой арестант мог пойти и помыться в любое время – в очередь своего отряда или даже без очереди. Смыв с себя все лишнее, Керим двинулся на больничку, где лежал Вася Воротилов, отзывающийся на кликуху «Пенталгин».

Физиономия у Васи была цвета свеклы. Кожа с лица только-только начала сходить мелкими шелушками. Он лежал на кровати (*зоновские именуют ее «шхонка»*) и читал детектив. Увидев Керима, он сел. Керим сел рядом с ним на краешек шхонки.

- Вася, - начал Керим, - я был неправ в своем поступке. Переклинило. Ты меня прости. – С этими словами Керим полез в карман, достал оттуда пачку «Marlboro» и протянул Васе. За десять минут до этого Керим купил это «Marlboro» у местного барыги, на что извел все оставшиеся у него наличные деньги.

Вася сигареты брать не стал.

- Мне твои извинения на хер не нужны, - сказал он. – Я чуть без глаз не остался.
- Я так понял, - сказал Керим, - что ты мне предъяву делаешь и получить с меня хочешь?
- А хоть бы и так, - сказал Вася. – Найду, как получить.
- Ну ладно, - сказал Керим.

С этими словами он положил сигареты рядом с собой, взял алюминиевую ложку, что лежала у Васи на тумбочке, и принялся обтачивать кончик ручки об край шхонаря. На Васином свекольном лице бродили смешанные чувства. Он вообще был парень из деревни, поэтому немного подтупливал.

- Ты чего творишь? – спросил он наконец.
- Сейчас объясню, не гони, - отвечал Керим.

Через две минуты дело было сделано. Из положняковой ложки получилось что-то наподобие пиковины. Керим обтер получившееся изделие об штаны и протянул Василию.

- Можешь начинать получать, - сказал он.
- Я не понял, - сказал Вася.
- А что тут непонятного, - сказал Керим. – Ты сказал, что чуть глаз не лишился. Давай, ткни мне в глаз. Я скажу, что на промке напоролся на что-нибудь. Тебя не заложу, не ссы.

Такого оборота Вася не ожидал.

- Я сейчас не хочу получать с тебя, Керим, - наконец сказал он. – Как-нибудь потом. Когда ты не ожидаешь даже.

Керим вздохнул.

- Слышь, Пенталгин, - сказал он. – Ты знаешь, что баландер – особая порода. Это вроде и мужик по рамке, но по сути это – шнырь. Так что сделать предъяву через блатных ты не сможешь, и ты это знаешь. Как же ты мне будешь вредить? За баней, что ли, с пикой поджидать, чтоб мне ее в бок воткнуть?

- Я действительно виноват, - продолжил Керим. – Ты русский, ты знаешь, что всех чечен надо резать как баранов. Это правда. Чечены думают про русских то же самое, можешь не сомневаться. Только ты *думаешь*, что надо резать, а я делаю - режу. По меньшей мере сто человек ваших на моем счету. И на моей совести. Вроде бы поквитался с федералами за своих.

- Но я больше не могу проливать кровь, - сказал Керим. – В ШИЗО сидел когда, сны видел странные. Видел пророка Ису, которого вы Христом называете. Он мне сказал, чтоб я возвращался с той войны и всех простил. Мне моя жизнь не нужна. Но и твоя жизнь мне не нужна. А ты сейчас своими беспонтовыми заявлениями сам могилу себе роешь. Я ведь ждать не буду, когда ты будешь с меня получать. Я тебя раньше положу – если пойму, что ты действительно собрался получать. Причем у всех на виду. А потом себя порешу. И пусть нас на том свете в аду шайтаны жарят. А ты точно будешь в аду, потому что прощать не умеешь. В ад веришь?

- Не верю, - сказал Вася. Сглотнул комок.

- А я верю, - сказал Керим. – Раньше тоже не верил, а теперь поверил. Наша жизнь тут – это предбанник того самого ада. А в ад мы заберем из этой жизни все свое дерьмо, что мы натворили. И с нас будут за это дерьмо получать по полной схеме. Я видел этот ад во сне, мне Пророк Иса показывал.

- Ладно, Василий, - сказал Керим. Встал с кровати. – Я тебе сигареты оставляю, кури. Зла не держи на меня, и я на тебя не буду. Мне Иса сказал, чтоб я на русских смотрел как на родных братьев, и не делал никакого различия. Неважно, во что человек верит и какой религии придерживается. Важны только поступки. Давай, поправляйся.

И он ушел. Через два дня Пенталгин выписался из больницы, оставив всякую мысль о мщении Кериму. Впоследствии они даже стали хлебничать, перевелись в один и тот же отряд. Керим настрого запретил Василию таскать из столовой остатки еды (*хотя среди баландеров такая практика в обычае*), поэтому жили они скудно, исключительно на то, что присылала с воли Василию его сожительница Дуся (*преимущественно – результаты собственного огорода и чутка покурить-заварить*), и что зарабатывал на промке Керим. Впрочем, с некоторых пор ему стали начислять больше. Постарался бугор, который закрывал наряды.

Через некоторое время после событий на утренней лагерной поверке начальник зоны (*местные уважительно кличут его «хозяин»*) сказал:

- А теперь перед вами выступит заключенный 5-го отряда Керим Дадаев. У него есть важное сообщение для всех здесь присутствующих.

Все наострили уши, потому что ни разу в практике этого лагеря (*да и в практике других российских лагерей, за все время существования российской пеницитарной системы*) ничего подобного на утренних поверках не случалось. Керим вышел из строя и встал рядом с «хозяином».

- Братва, - начал Керим. – Я обращаюсь ко всем достойным, кто таковым себя считает. Мне хозяин разрешил к вам обратиться, спасибо ему. Вы меня знаете. Я ичкериец, вы нас чеченцами называете, у меня в войну жену и дочь убило снарядом, я еле жив остался. Поэтому я пошел в горы и стал взрывником в отряде полевого командира Вахида. На нашем счету – несколько колонн и два блокпоста. В общей сложности, порядка ста человек федералов мы положили. Я не хвастаюсь, просто хочу сказать, что у меня руки в русской крови по локоть, чтоб вы знали, кто перед вами.

- Нас взяли случайно, - продолжал Керим. – Но я еще до того, как нас взяли федералы, понял, что жену и дочку мне никто не вернет. И сколько бы я ваших ни убил, это роли не играет. И я подумал, что надо завязывать мне жить. Думаю, поскорее бы меня Аллах прибрал. В тюрьме жил до суда целый год как во сне, в зоне жил как во сне. А тут получилась у нас эта непонятка с Пенталгином, вы знаете. Дали мне 10 суток ШИЗО. И я, пока в ШИЗО сидел, видел во сне своих, жену и дочь. Теперь я твердо знаю, что они не погибли тогда, под обстрелом, что они живы. И что вообще никто из нас умереть не может, что мы вечные, и только от нас зависит, будем мы в этой жизни радоваться или мучаться. И в этой жизни, и в следующей. Только не надо думать, что у меня крыша поехала. Я видел свою семью, как вижу вас. И они со мной говорили. Во сне человек видит все как в тумане, смутно, - а здесь было все отчетливо, как в кино. И вообще я думаю, что это был не совсем сон, а что-то другое, более реальное. Как будто занавес приоткрыли, и я заглянул туда. Мы в обычной жизни ничего этого не видим, потому что мы словно бы спим в кошмарном сне. А если бы мы проснулись, то увидели бы рай. И тогда бы мы поняли, что надо любить жизнь, которая нам дана. Любить людей, которые рядом с нами. Потому что мы – единое целое. И что надо

прекращать эту войну. Моя родина плавает по горло в крови и смерти, ей уже хватит. Когда говорят, что Аллах разрешает убивать неверных – это наглая ложь, придуманная шайтанами, которые зарабатывают деньги и власть на нашем горе. Никаких неверных у Аллаха нет и быть не может. Аллах не делает различия между мусульманином, иудеем, христианином и индусом, для него все мы – одно и то же, Он всех нас любит. И неважно, как называть Аллаха. Зовите его Богом, Кришной, Иеговой или еще как-то, - Ему это абсолютно все равно. Лишь бы вы чтити Аллаха и исполняли то, что он говорит, без лицемерия. И если наш мулла говорит, что надо идти убивать за веру, – он шайтан. И если ваш священник говорит, что ради спасения души человека его можно насильно выкрестить из мусульманина в православного, – он тоже шайтан.

- Там во сне я видел пророка Ису, - продолжал Керим. – Меня к нему подвела моя жена, она у них там ангелом работает. Вы его еще Иисусом Христом называете. Я сказал ему: Иса, я недостойн обращаться к Тебе, у меня руки по локоть в крови, я убил много людей. Иса мне ответил: Керим, не ты убиваешь людей, а Аллах. Ты только орудие в руках Аллаха. Но не думай, что они навсегда умерли. Они все продолжают жить, как и твои жена и дочь. У Аллаха все живы. Эта нынешняя их жизнь закончена, начинается следующая. Не казни себя, а постарайся изменить свою жизнь. Я спросил: что мне делать. Иса сказал: перестань воевать, уходи с войны, прости своих врагов. Нет верных, нет неверных, нет русских, нет чеченцев. Вы все – одно для Аллаха. Просыпайся и начинай жить. И тогда сам поймешь, что тебе делать. И еще он показал мне ад. Мы как бы стояли над пропастью, а внизу под нами кипело огненное море. В нем горели люди, а шайтаны помешивали это горящее месиво вилами и хохотали. Иса сказал мне: посмотри, Керим, как люди уничтожают себя своей злобой, своими грехами. Они делают себя добычей шайтанов и заживо варятся в огне своих страстей еще в этой жизни. В следующей жизни они продолжают гореть. Оставь всю свою горечь, всю свою ненависть к русским, всю свою злобу и всю свою боль. Я призываю тебя, Керим, научиться любить этот мир и радоваться в нем.

- И я верю, - завершил Керим свое обращение, - что все это был не сон. Это было более чем реально. Доказательство тому – я сам. Мне незачем было говорить вам все это сейчас, незачем подставляться под мусорскую раскрутку. Но пророк Иса мне сказал: ты будешь говорить, и тебя будут слушать. Я посылаю тебя работать там, где у любого другого опустились бы руки – в лагере. Я посылаю тебя действовать во имя Господне. Тогда ты найдешь мир в своем сердце, так Он сказал. Поэтому я пошел к хозяину и все это ему выложил. Сказал, что мне надо говорить к людям. Он сказал, что не может это решить в одиночку, что ему нужно посоветоваться с руководством. Он посоветовался, и вот я стою перед вами. Спасибо, что дослушали до конца. Мира вам всем – и скорейшей золотой воли.

Керим закончил свою речь и встал в строй. И еще целую минуту, пока не скомандовали «разойтись», лагерь – более тысячи человек, десять отрядов – стоял и молча думал над словами, сказанными Керимом.

С этого момента начинается очень короткий (*по зонавским меркам*) и очень плодотворный этап в жизни Керима в мордовском лагере. Люди полностью переменялись к нему: прежнее отторжение сменилось полным приятием. Керима полюбили, оценив его достоинство и мужество его поступка. То один, то другой отряд приглашали его чифирить – и всегда просили еще раз пересказать его сны в ШИЗО. Много было споров вокруг услышанного, в которые Керим, впрочем, не влезал. «Я рассказал вам, что видел, а выводы вы делайте сами», - говорил он в тех случаях, когда разгоралась полемика.

Надо было ожидать, что Керима потянут на раскрутку – вывезут в Саранск, посадят в следственный изолятор, начнут допрашивать, устанавливая новые обстоятельства его

преступлений против центральной власти. Однако, на удивление Керима и всех остальных, было тихо.

Лагерь был прогрессивный (*еще раз отметим это обстоятельство*), поэтому в нем работала местная православная церковь, которую в свое время арестанты построили в свободное от работы время. Деревянная церковь была богато украшена пожертвованными в зону иконами. Там служил отец Филимон, который раз в две недели приезжал на службу из самого Саранска.

С радостным удивлением отец Филимон отметил, что внезапно число его зонавских прихожан удвоилось. Более того: на службу стали приходить и штатные сотрудники лагеря (*прежде такого решительно не наблюдалось*). Многие пожелали креститься. И все в один голос рассказывали батюшке про чудеса, которые совершились с Керимом Дадаевым, как он уверовал, и как вместе с ним уверовали и они. Отец Филимон пожелал говорить с Керимом. Они встретились. Керим еще раз, наверное уже в сотый, пересказал отцу Филимону свои сны. Отец Филимон умилился и возблагодарил Бога. Тут же он припомнил благочестивую цитату из Апостольских Деяний: «видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь» (Деян 11.18). Перед тем, как воротиться в Саранск, священник подарил Кериму толстую православную Библию на полторы тысячи страниц.

Керим поблагодарил - и принялся штудировать подарок изо всех сил, в поисках уточняющих формулировок для того дела, на которое его отрядил Христос. Читал он взахлеб - и быстро схватывал суть прочитанного. Ничто в Библии не осталось без его личной оценки. Когда они хлебничали с Васей Пенталгином, Керим пересказывал содержимое Библии Васе, а тот только удивлялся и кричал по-деревенски.

- Ты подумай, какой урод этот Давид, - говорил Керим Васе за пустым чаем (*на тот момент у них кончились все съестные припасы, Дуся запаздывала с «дачкой», а деньги на расчетном счете Керима иссякли, так что в ларьке отовариться было не на что*). – Чтобы жениться на Вирсавии, он послал ее мужа Урию на верную смерть. Не понимаю, для кого писалась эта заповедь – «не пожелай жены ближнего своего». Ведь если даже иудейский царь, которому вверено беречь закон, первым его фаршмачит.

- Видимо, у него сильно зачесалось, и крыша съехала, - заметил Вася. - Когда шняга дымит, голова перестает работать. По себе знаю. Сбегал за баню, передернул – вроде как опять жить можно. А так – туши свет.

- Вася, а ты пидора когда-нибудь жарил? – спросил Керим.

- Не, я скотину не ебу, - с деревенской прямоотой отвечал Василий. – Так, дал на клыка одному, еще по первоходу. Парень попался нервный, чуть не откусил мне. С тех пор обхожусь старым дедовским способом. Знаешь, крем для рук – втирать в ладонь правой руки, специально для работников Крайнего Севера.

Или еще такой разговор:

Керим. Прикинь, апостол Петр как облажался! Трижды отрекся от Христа. Я честно не могу понять, почему Христос сделал на него такую ставку, поставил его камнем всей Церкви. Как можно было доверить Церковь этому баклану.

Вася. Он потом, вроде, принес извинения. Его еще вниз головой распяли, нам отец Филимон рассказывал на службе.

Керим. У нас в горах за такое давно бы голову отрезали, как барану распоследнему. Близко бы не подпустили к делам. Кстати, Вася: ты вот все бегаешь драть за баню. Тебе отец Филимон прощает рукоблудие?

Вася. Да, он говорит так: ваше арестантское положение понятно, поэтому обходитесь как сможете. Если можете не блудить – удерживайтесь так, молитесь. Но, если согрешили с рукой – добро пожаловать на исповедь. Обычно накладывает епитимью по 50 земных поклонов и 1 акафист Пресвятой Богородице в день в течение недели. Заниматься сексом с опущенными – категорически запрещается, потому что содомия. Вроде бы как компромисс. А ты как обходишься?

Керим. Да никак. Во-первых, уже возраст не щенячий, гормоны не те. Во-вторых, голова работает быстрее шняги. Все под контролем. Просто не думаю об этом, не допускаю мыслей. Журналы с порнухой не смотрю. Иногда ночью неудачно прищемишь, – и обкончался. Ну это уже не в моей воле, тут природа.

Так прошел еще месяц. В очередной свой приезд в лагерь отец Филимон вызвал к себе Керима.

- Тебе надо креститься во Христа, - сказал он Кериму. – Пора становиться на дорогу, приступить к своему служению.

- Но я – мусульманин, - сказал Керим. – С какой стати я должен отречься от веры своих отцов?

Отец Филимон был продвинутым молодым батюшкой (*«из новых», как сказали бы в девятнадцатом веке*). Поэтому он знал, как отвечать на подобные вопросы. Приходилось ему крестить и мордву, и бурят, и выкрещивать из лютеран. Правда, делал он это по доброй воле последних, а не так, как это вытворяли в девятнадцатом веке его коллеги (*за подробностями можно обратиться к источнику <http://foma.ifel.ru/fr/1003.htm>*).

- Я хочу поговорить с тобой открыто, Керим. – начал отец Филимон. - Вне зависимости от того, в какой вере рожден человек, он однажды встает перед выбором – действовать Бога ради или оставаться так. Вера твоих отцов нисколько не помешала тебе сделаться наемным убийцей. (*«Это было на войне», начал было Керим оправдываться, но батюшка его перебил*). Я тебя не обвиняю. Ты сам раскаялся в том, что творил, сам дал оценку. Я общаюсь со многими людьми, исповедую по тридцать-сорок человек в неделю. Печальная картина складывается. Большинство моих прихожан как бы заснули в своем грехе. Делают одну и ту же мерзость, потом приносят ее в храм, от всего сердца каются, я им отпускаю икономию ради, они выходят на улицу и продолжают творить то же самое. И так продолжается сказка про белого бычка. Человек застрял в пустоте между адом и раем, завис. Прироста в Боге не совершается. И чем такому человеку помогает родовая вера? Ничем. Какая разница, крестился человек во Христа или нет, раз душа не спасается? Иной язычник много больше добра делает, чем иной так называемый православный. Родовая вера дает только шанс, некоторый инструмент для спасения. Свою половину пути к Богу человек должен пройти сам, потому что Бог свою половину пути уже прошел, явив нам Христа. Человек должен научиться взрослеть в Боге. Становясь мужем, оставить младенческое (*батюшка успешно ввернул цитату из Первых Коринфян*).

- Твой случай, - продолжил отец Филимон, - совершенно особый. С тобой говорил Христос. Он призвал тебя действовать, причем действовать именно в лагере. Я лично, как и ты, глубоко верю в то, что это был никакой не сон, а именно Богоявление. Христос позвал тебя на проповедь во Имя Его. Но ты не будешь услышан христианами, если сам не станешь христианином. Честно скажу: мы, православные священники, требуем отречения от веры Магомета по чину, совершаемому при присоединении мусульман. Но я, если ты соберешься покреститься, возьму на себя персональную ответственность – и такового отречения от тебя не потребую. Отречешься от дьявола и дел его, как и все крещаемые, и этого будет достаточно. Можешь продолжать удерживать пророчество Магомета, если оно будет тебе во

спасение. И Коран читай, если будет охота. В конце концов, я бы не взял на себя сегодня смелость давать оценку тому, какие пророчества и писания – от Бога, а какие – нет (*тут отец Филимон многозначительно подмигнул Кериму*). Я всего лишь человек, как и ты.

- Есть еще одна проблема, - сказал Керим. – Мусульмане верят в Пророка Ису. Но именно как в пророка, а не как в Бога. Почему я должен почитать Христа Богом? У всех нас один Бог – Аллах.

У отца Филимона сразу нашелся ответ.

- Да, Аллах один, - сказал отец Филимон. – Но во времена Христа Он явил себя как Троица: Отец, Сын и Святой Дух (*с этими словами отец Филимон перекрестился*). Бог – не монолит, не цельная глыба. Он сложен, потому что он - Живой. И выражение этой жизни состоит в формуле: Троица в Единице, Единица в Троице. И тайна Его сложности теперь открыта человеку. Христос – не просто пророк, но одна из ипостасей Божьих. Он – Сын Божий, Богочеловек. Перечитай еще раз начало Евангелия от Иоанна. И Воскресение Христово как раз это доказывает. Ни один человек не воскресал доселе из мертвых. Нет на то у простого человека ни сил, ни полномочий. А у Христа такие полномочия были. Множество пророков было побито камнями, они убиты, и известно, где расположены их могилы. У Христа могилы нет и быть не может. Ибо «Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» - вновь процитировал отец Филимон Апостольские Деяния (2.24).

- И еще, - сказал отец Филимон, - принимая новую веру, ты должен быть готов к преследованиям со стороны своих прежних единоверцев. Они не поймут твоего поступка, объявят неверным. Для них ты сделаешься хуже распоследней собаки. Вероятно, будут мстить. Но, полагаю, твоя вера это все одолеет. Я на тебя рассчитываю.

Через две недели, в очередной свой приезд, отец Филимон покрестил Керима (*крещение приурочили к Николе Зимнему*). При этом отец Филимон крестил Керима совершенно необычным способом. Каждый свой шаг, каждую свою молитву отец Филимон сопровождал кратким пояснением происходящего. «Вот после этого, - говорил он Кериму, - ты должен был бы, облаченный в белые одежды, некоторое время ходить среди людей, привыкая к своему новому крестному обличью, к своей неожиданной белизне, которую мученики первых веков очень скоро закрашивали кровью, проливаемой во имя Спасителя. Но теперь мы только упоминаем об этом обычае первых христиан». Таким образом, служба продолжалась часа три. Наконец, отец Филимон макнул Керима в крещальную купель – и держал его голову под водой значительное время, пока Керим, захлебываясь, не начал вырываться. «Это тебе на память, - пояснил отец Филимон. – Мы крестимся во Христа, как крестимся в смерть. Рождение нового человека сопряжено с умиранием человека ветхого. Весь нас физический состав сопротивляется смерти, протестует. Однако ему суждено умереть, ибо как иначе сквозь ветхую тварь прорастет тварь новая?»

Заведя Керима в алтарь, отец Филимон отдельно подчеркнул, что этой чести – пребывать в алтаре по крещении – сподобляются только мужчины, женщине вход в алтарь закрыт. При этом отец Филимон не забыл упомянуть о случае с Богородицей Марией, когда священник Захария, по наущению Божию, ввел Марию в святая святых храма. «Из всякого правила должны быть и исключения, - резюмировал он. – Христос лечил и учил в субботу. Ибо ныне мы не под законом, а под благодатью» (*опять-таки процитировал Павла*).

Керим вышел из крещального таинства совершенно обновленным, в том числе и с новым православным именем: Николай. Дары, подаваемые человеку при крещении, стали

действовать в Кериме самым очевидным образом. Керим начал молиться Аллаху по-православному – и чувствовал, что молитва доходит и воспринимается с благоволением. Керим и до крещения молился Аллаху (*как всякий родовой мусульманин*), но теперь что-то изменилось. Это уже не было молитвой мытаря, обремененного тяготами жизни; молитва Керима, выражаясь аллегорически, не стелилась по земле, как дым от костра, зажженного Каином. Это была молитва человека, внутренне свободного, не мотивированного неволей, – и готового жить дальше, даже жить очень трудно, но Христа ради. У Керима обострилась память. Он читал Ветхий и Новый заветы по кругу, запоминая наизусть сначала отдельные фразы, а затем и целые куски. Так, Новый Завет Керим осиливал за неделю, а Ветхий – за месяц. В любимые тексты Керим записал себе: из Ветхого завета – Книгу Иова, Книгу Премудрости Сираховой и Екклесиаста; а из Нового завета – Евангелие от Луки и Первое послание к Коринфянам апостола Павла.

Еще раз сделаю акцент. Если бы Керим отсидел не четыре года, а меньше, то и молитва его была бы бездейственной. Первые годы в неволе православный человек только привыкает быть свободным по-новому, нащупывает контуры такой свободы. Поэтому часто в молитву «свежезасиженного» арестанта вкрапляются жалобы, уныние, ропот. И только потом арестант хорошо осваивает воровскую формулу «не верь, не бойся, не проси» – и перестает кланяться у Бога свободы и безопасности. Пастор Дитрих Бонхоффер (*его повесили в тюрьме Флоссенбург 8 апреля 1945 года*) тоже высказывался в том смысле, что в тоске и унынии у Бога ничего не допросишься. Керим интуитивно это понимал.

История пребывания Керима в мордовском лагере завершается необычно. О произошедшем до сих пор судачат местные сидельцы. Одни называют Керима тупым чеченом, у которого с горя поехала крыша. Другие – тайно зачисляют в святые. Третьих мнений нет. Судите сами. Но сначала небольшая справка.

Как хорошо известно специалистам, вся лагерная публика подразделяется по рамкам (*кастам, мастям*). Наверху пирамиды расселись блатные, которые поддерживают воровской ход. Они рулят всей погодой в лагере, если зона «черная». Главное: блатные формируют и распределяют зоновский общак (*в малявах пишется **О**, все понимают*). Общак наполняется из взносов арестантов, а распределяется на внутренние нужды: на больничку, на подогрев карцеров, на сбор этапов. В стопроцентном ведении блатных также находятся азартные игры и процедуры получения долгов по ним. На вершине зоновской пирамиды располагается вор в законе, который держит зону, ставя своих положенцев из блатных во все бараки. Все в зоне движется на воровском ходу, беспредел не допускается. Хозяин смотрит на этот ход, но ничего изменить то ли не может, то ли не хочет. Хозяин не заставляет блатных работать на промке (*потому что и без того работы на зоне меньше, чем желающих повкалывать – заработать копейку, разогнать тоску*). Часто хозяин находится у блатных на содержании. Если зона «красная», то воровской ход находится под гнетом. Блатные по преимуществу запираются в ШИЗО, воры в зону не заходят (*в том числе вскрывают себе вены на этапах*). В «красной» зоне всеми порядками рулят менты во главе с хозяином. В союзники себе менты берут отможенных спортсменов-бандитов, которые ломают воров и блатных об колено (*калечат, убивают, пытаются в специализированных пресс-хатах*). В «красных» зонах царит жесточайший беспредел, особенно на общем режиме. Бандиту не запахло отобрать передачу у мужика, даже пайку. Чем дальше зона от центра России, тем она, традиционно, «чернее», правильнее в человеческом отношении. Зона, где отбывал Керим, была 50 на 50. Ею рулил твердый, но умный хозяин, который понимал, где следует остановиться в своих устремлениях к порядку. Оперхата в зоне работала как полагается (*круглые сутки*), но спортсмены к управлению не привлекались, а сидели у своих тумбочек тише воды ниже травы, на правах мужиков. По нелегальному соглашению между блатными и спортсменами, никто никого не трогал. В ответ саранские бригады, действующие по своему бандитскому

усмотрению вне воровских установок, делали на зоновский общак хороший «подогрев» *(а также отдельно отправляли на хозяина строительные материалы, тем самым обеспечивая своим бандюкам, попавшим в зону по недоразумению, надежное условно-досрочное освобождение, сокр. УДО)*.

Ниже блатных в зоновской иерархии располагаются мужики. Они, в отличие от блатных, не имеют прав вмешиваться в чью-то судьбу, разбирать какие-либо споры. Все так называемые «предьявы» в зоне решаются через блатных, и именно блатные выносят решение по конфликтам *(в том числе по случаям, когда один зэк оскорбил или ударил другого зэка, находясь под набором)*. Мужики сидят от звонка до звонка, работают на промке, держатся поближе к своей тумбочке, ни во что не вступают. В принципе, им не запахло и на УДО уйти, если за этим нет какого-то «козлячьего» хода *(о «козлах» еще скажу)*. Вася Пенталгин и Керим числились мужиками.

Все масти, которые стоят ниже мужиков, являются стремными. Уровнем ниже находятся «шныри», которым не запахло постирать мужику, прибрать за ним, помыть пол в бараке или сделать еще какую-то работу. Но всегда со шнырем идет твердый расчет в валюте: чай и сигареты. Обычно, постирать пару килограмм белья стоит пол-пачки «Примы» или 50-граммовую пачку чая «со слоном». Впрочем, в разных зонах по-разному; мониторинг, я полагаю, никто специально не проводил.

Ниже шнырей находятся черти. Это такая промежуточная стадия между человеком и животным, когда зэк перестает следить за собой, мыться, стричься, стираться. Часто это связано с психическими отклонениями. Такому не поручишь постирушку, он все изговняет. Разве что пол помыть в бараке, да и то стремно, потому что черт, по устройению своему, не в состоянии распознать, что такое чистота. Бывает, шнырь берется помыть пол, а затем подтягивает черта, вручает ему в руку тряпку и надзирает за тем, как чертила возит грязь из угла в угол. Шнырь покрикивает на черта, заставляет его чаще менять воду в ведре, чаще выполаскивать тряпку. Чертила часто не догоняет или ленится. Тогда шнырь начинает давать черту тумачков – обычно с ноги, чтобы не пачкать руку. Часто дело заканчивается ничем, и шнырь, подписавшийся на работу, домывает пол сам, предварительно дав черту в рыло. Черт ходит и постоянно чешется. Потому что у него в голове и в швах одежды – вши, которых он не трудится выводить, скажем, отдавая вещи в прожарку, как делают это нормальные люди, если приходится им случайно подцепить подобную дрянь. Черт, если захочет помыться в бане, то ждет, когда помоются все остальные. В столовую черта тоже не пускают: обычно чертовскую пайку ему приносит шнырь.

Где-то сбоку от всех зоновских мастей находятся козлы. Это – постоянные посетители оперативного отдела зоны *(на сленге – «оперхаты»)*, где они стучат на ближнего своего, портя тому - судьбу, а себе – карму. Если козел этапируется, то его стараются возить отдельно от всех остальных *(чтобы ненароком не придружили)*. Козлы, обычно, легко вычисляются. У них всегда есть покурить и заварить; при этом козел на промку не выходит и передач из дома обычно не получает. По нелегальному соглашению между хозяином и блатными, козлов в зоне не мочат *(а на этапе козла задавить – это пожалуйста, зона ответственности хозяина заканчивается)*. Ну и чифирить козла рядом с собой не сажают, знамо дело. Новенькому, прибывшему в отряд, показывают на козла и говорят: когда этот рядом, рта не раскрывай. Козел – это всегда смертник. За ним ходит богатая история благодарностей от МВД, но мусорское «спасибо» – это не кольчуга из мифрила, как у Фродо Бэггинса. Когда козла ходят ликвидировать *(потерял профпригодность или слишком много стал знать лишнего)*, менты козла отправляют на этап через большую пересылку *(например, в Екатеринбургском СИЗО есть этапные камеры и по 300 человек)*. А вместе с козлом посылают нормального мужика, чтобы он этого козла мог блатным показать. Краткий разбор

полетов, затем козла душат, а потом стучат в кормушку коридорному: командир, тут мужику поплохело, мотор заклинило, стоял вот, а потом за сердце схватился и упал, срочно зови медсанчасть. А что там медсанчасть, груз 200. У козла обычно ни родины, ни флага. Поэтому дело не заводится. Был козел – и нету козла, земля отдыхает.

Точно так же, сбоку от зоновской вертикали, находятся барыги. Они, имея подвязки на воле, подкупают мусоров, чтобы им нормально заходила в зону наркота, тряпки, мобильные телефоны, наличные деньги, продукты. В зоне можно достать все, в зону можно затащить все. Разумеется, хозяин в доле. Также барыга регулярно листает откат на зоновский общак. Играя на разнице наличных и безналичных рублей, на ценниках, барыга имеет достаточно приличный гешефт. Но этот гешефт – шальной, потому что добывается в нестабильных условиях. И у блатных, и у мужиков барыга не пользуется ни малейшим уважением, на него смотрят как на полезное, но довольно противное животное. В большинстве случаев такой взгляд – верный.

Экзотическая масть – масть крысы. Бывает, человек с голодухи или с дурья начинает таскать из баулов у своих сокамерников покурить и заварить. Крысу, чаще всего, ловят. Для ума крысе дают пить раствор хозяйственного мыла, от которого крыса полдня потом блюет. Обычно, если крысой был мужик, то далее выше шныря ему уже не подняться – из-за потери лица.

Не менее стремной мастью является фуфлыжник – человек, севший играть в карты на интерес без денег и не вернувший должок к расчетному, заранее установленному часу. Фуфлыжник очень часто вынужден терять очко, то есть становится пидорасом. Фуфлыжник обычно становится рабом того, кому задолжал, пока не отдаст всего долга. Может его обстирывать, бегать за пайкой в столовую и т.д. В общем, шнырить. Часто фуфлыжник не хочет расплачиваться по своим долгам и начинает «гаситься»: в ШИЗО, на этап. Часто просит помощи у мусоров – и становится козлом. Поэтому часто говорят: фуфлыжник – это хуже пидораса. Отсюда вывод: господа и дамы, кто читает сии строки! Если вы попали в тюрьму – ни в коем случае не садитесь играть в азартные игры, ни под какой интерес, и даже без интереса не садитесь.

И уже на самом низу иерархической пирамиды находятся опущенные – неприкасаемые. Опущенные бывают двух видов: проткнутые пидоры и непроткнутые пидоры. Проткнутые – это те, кто совершил половой акт на воле, по согласию, или в тюрьме (*вне зависимости, по согласию или так*). При этом под пидором понимается только тот, кто подвернул очко. Мужик, пользующийся услугами опущенных и имеющий в связи с этим отметку в карточке «ПА» (*недераст активный*), по рамке пидором не является. Непроткнутые – это те, которые подцепили фаршмак от пидора, обычно по незнанию. Дело в том, что от пидора нельзя брать сигареты и еду. И уж давно, с пидором нельзя чифирить. А как узнаешь? Очень часто в тюрьме пидор не объявляется, что он пидор. Сидит вместе со всеми в хате, чифирит, как положено. А потом за ним приходит малява: такой-то – пидор. Вся хата автоматически переходит на положение непроткнутых пидорасов. Скрывать этот статус нельзя, потому что могут и убить. Так и приходит на зону масса народу с отметкой непроткнутых пидорасов, и дальше их жизнь превращается в сплошной ад.

Все опущенные тусуются отдельно, обычно на самых худших местах в тюрьме или в бараке. Очень часто они являются объектом любовных пожеланий. За отказ от любви пидора полагается избить. Пидоры едят в столовой за отдельным столом. В их мисках и в ручках ложек делается сверлом отверстие (*чтобы можно было отличить от посуды нормальных арестантов*).

Бывает, повезет какому-нибудь пидору, и его возьмет себе в жены некоторый хорошо засиженный арестант (*обычно практикуется в отдаленных северных лагерях*). Мужа зовут Петр, а жену, скажем, Иван. Петр первым делом называет Ивана по-своему, например, Настей. Настя за Петром начинает ухаживать. Стирает ему, готовит нехитрую еду, обшивает, ну и любит по ночам, как положено: рукой, ртом и попой. Петр, что зарабатывает на лесосеке, с Настей делится, покупает ей что-нибудь вкусенькое в ларьке.

В зонавских церквях вопрос участия опущенных в богослужении решается своеобразно. В ходе причастия используются два богослужебных набора. Из основной чаши причащаются блатные и мужики. Затем батюшка выгружает оставшееся Тело Христово и Кровь Его в другую чашу (*в ее основании предусмотрено просверлена маленькая дырочка*), потом берет ложку с просверленной ручкой и начинает причащать опущенных. При этом он вытирает губы опущенных после причастия, опять же, специальной тряпочкой, на которой в углу вышита буква «п». Таким образом, блатные и мужики не фаршмачатся во время богослужения. Пока опущенные причащаются, уже причастившиеся мужики, братской любви ради, продолжают петь традиционное: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите». Поют гнусавым голосом мимо нот, а сами себе думают: «Поем для пидорасов – стремная ерунда, братва».

Завершился Филиппов пост, наступило Рождество. К сожалению, отец Филимон не смог служить рождественскую службу в зоне, так как сослужил архиерею в кафедральном соборе. Но уже через неделю приехал в зону на праздничную литургию, прихватив дьякона Алексея и двух певчих из своего прихода – помогать. Народу в зонавской церкви набилось уйма, даже многие не смогли войти и стояли на улице. Сам хозяин решил посетить службу, хотя обычно по выходным он не работал и в зону не заходил.

Литургия протекала парадно, восторженно. Многие в зоне в этот раз постились как положено, исключив из скудного своего рациона даже яйца и молоко (*хотя отец Филимон специально разъяснял, что арестант постится уже по определению, по условиям жизни, поэтому усердствовать в плане еды совершенно незачем*). Все постоянные прихожане готовились причащаться, поэтому на исповедь к отцу Филимону столпилась приличная очередь. Так что дьякон Алексей был вынужден вдвое дольше, чем обычно, читать псалмы. Причащались и Керим, и Вася Воротилов.

Наконец, наступил момент причастия. Запели «Тело Христово примите ...», арестанты сложили ручки ладонь в ладонь и образовали две очереди: из нормальных пацанов и из опущенных. Прошла очередь из нормальных. Отец Филимон вкладывал причастие в рот зэка, диакон Алексей обтирал ему рот тряпицей. Последним в очереди на причастие стоял Керим.

И вместо того, чтоб принять причастие и отойти в сторону, Керим задал вопрос.

- Извините, отец Филимон, что встречаю в службу, - начал он. – Можно спросить?

Отец Филимон смотрел на Керима, лишившись дара речи, и ничего не отвечал, застыв с причастной чашей и ложкой в руке. От изумления диакон Алексей чуть не выронил из рук платок. Приметив что-то неладное, сводный хор из певчих и опущенных замолчал. И уже через мгновение в храме установилась мертвая тишина. Все взгляды были прикованы к Кериму.

- Скажите, батюшка, - наконец спросил Керим. - Вот, мы причащаемся из одной чаши. А сейчас опущенные будут причащаться из другой. Для Христа есть разница, кто из какой чаши будет кушать?

- Керим, - сказал наконец отец Филимон. – Понимаю, о чем ты говоришь. Но есть место для службы, и есть место для проповеди. Не надо мешать одно с другим.

- Тогда, батюшка, - сказал Керим, - я пока причащаться не буду. Пусть сначала опущенные. – С этими словами он отошел в сторону.

С окаменевшим лицом отец Филимон начал перегружать остатки Святых Даров в чашу для опущенных. Пение не возобновилось. Взгляды присутствующих перемещались: на отца Филимона, с него – на опущенных, которые потянулись на причастие (*всего человек пять, если не ошибаюсь*), потом на Керима, который мрачно стоял в углу, и, как казалось, к чему-то готовился, потом опять на отца Филимона. Опущенные причастились. В этот момент Керим вышел на центр храма, встал спиной к алтарю и заговорил. Он поднял руку, привлекая к себе внимание и как бы прося тишины, но и без того все внимание церкви было на нем.

- Братья, - сказал Керим. – Мы знаем, что Христос пришел, чтобы спасти мир. Он пришел как для иудеев, так и для эллинов, как для вольных, так и для арестантов, как для нормальных зэков, так и для опущенных. А сейчас получается, что для Христа есть разница между нормальными и опущенными зэками. Поэтому Он Свои Тело и Кровь раскладывает по разным баночкам. Но это не Он так делает. Это мы делаем за Него. Это называется – лицемерие.

- Послушай, Керим, - перебил отец Филимон. – Я тебя остановлю по праву служителя здесь, ты уж извини. Церковь не вмешивается в устройство мира. Она принимает мир таким, каким он сформировался на настоящий момент. Апостол Павел говорит в Послании к Римлянам (*тут отец Филимон возвысил голос*): «Все существующие власти от Бога установлены». И еще апостол Иоанн говорит: «Мир лежит во зле». Да, власти и начала мира – злы, и это зло – у нас перед глазами, никуда ходить не надо. Но, с другой стороны, если бы не было двух чаш, опущенные вообще не смогли бы получить причастие. А это разве по-Божески?

- Отец Филимон, - перебил Керим. – Вы вот все цитируете Писания. Иногда это даже смешно. Послушаешь Вас и апостола Павла – Гитлер, вроде бы, тоже от Бога установлен. Чего ради, спрашивается, мы так осуждаем Освенцим? От Бога все добро, от дьявола все зло, по попущению Божьему. Но на кой ляд тогда человеку париться, давать какие-то свои оценки происходящему? Зачем устраивать движение сопротивления в том же Освенциме, ложиться на пулеметы? Хавай ты свою баланду, смотри в рот хозяину – и дожидайся, когда тебя, как барана, поволокут на убой, в газовую камеру. Но мы-то – под благодатью, а не под законом, так ведь?

С этими словами Керим обернулся и подошел к отцу Филимону.

- Батюшка, - сказал Керим, - причастите меня, я готов.

- Ты пропустил свою очередь, Керим, - сказал отец Филимон холодно. – А из чаши для опущенных причащаться тебе нельзя. Сам станешь опущенным (*тут отец Филимон поморщился. Видимо, пропустил через себя*).

- Да, - сказал Керим. – Я только сейчас понял, что в лагере нельзя остаться христианином иначе, как стать опущенным. Все остальное – это лицемерие. Христос не приходил к богатым и здоровым, он приходил к самым униженным и самым несчастным. Если мы

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

заодно со Христом, то мы заодно с опущенными, и сами должны стать опущенными. Христа ради.

- Не надо этого делать, Керим, - сказал отец Филимон, чеканя каждое слово. – Я тебя причащать не буду.

- Ну тогда давайте сюда посуду, - сказал Керим.

С этими словами он вынул из оцепеневших рук отца Филимона причастную чашу (*с дырочкой в основании*) и причастную ложку (*с дырочкой в ручке*). Зацепил кусочек Тела Христова. Выдохнул, как будто бы собрался опорожнить стакан с водкой. Положил себе частицу причастия в рот. Проглотил.

Церковь ахнула.

- Может быть, кто-нибудь еще хочет перестать лицемерить? – спросил Керим. Подошел к только что причастившимся мужикам с чашею в руках. Те отшатнулись от него, как от прокаженного.

- Я так и думал, - сказал Керим. Бережно вернул чашу с причастием и ложку в руки отцу Филимону. И пошел на выход из храма. Пробрался сквозь толпу на входе (*они еще не знали, что произошло*). За Керимом сквозь толпу прорвался Вася Пенталгин. Он толкнул Керима в спину, тот упал на снег.

- Урод ты, Керим, - сказал Вася Пенталгин. – Что ты натворил, охувшая чеченская рожа! Баран, блять. – С этими словами Вася Пенталгин заплакал и пошел в барак. Керим поднялся с земли. Посмотрел вослед Василию. Догонять его не стал.

Керим стоял на лагерной площади - пустом заасфальтированном центряке, где каждое утро и вечер собиралась поверка. Он стоял и думал о том, как жить ему дальше. Что сначала? Ясное дело, шхонку надо освобождать, перебираться поближе к пидорасам. А что потом? Об этом думать как-то не хотелось.

- Дадаев!

Керим оглянулся и увидел у себя за спиной хозяина лагеря.

- Давай, Керим, собирайся на этап, - сказал хозяин. – Через 10 минут чтоб был у КПП с вещами.

- Что, на раскрутку? – спросил Керим.

- Да, - отвечал хозяин. – Из Москвы пришел запрос на тебя. В этап тебя утром заявили, но я не стал тебя забирать. Думал, пусть парень постоит в храме перед дорогой. Ты, конечно, молодец, - сказал хозяин и посмотрел на Керима с уважением. – Я за тобой в церкви наблюдал. Честно скажу: я бы так не смог. Но обратно в свою зону я тебя не приму, сразу говорю. И хоронить я тебя не собираюсь. За твой поступок у блатных на тебя зуб. У меня оперативные данные, что ты эту ночь не переживешь. А мне эти ваши рамсы на хер не сдались. Так что отправляйся с глаз моих долой. И без того ты тут намутил, полгода разгрести придется.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

Хозяин двинулся в направлении КПП, а Керим отправился в барак. Вася Воротилов сидел на своем шхонаре, подперев голову руками.

- Все, Пенталгин, - сказал Керим. – Мне на этап, с вещами, хозяин только что озвучил. В Москву, за допсроком. Чифирить отвальную не будем, сейчас это лишнее.

Пенталгин посмотрел на Керима.

- Прости, что толкнул тебя, - сказал он. – Но чифирить не будем, это правильно. Иначе я зафаршмачусь, а мне еще два года досиживать. И из баландеров меня попрут, это уже ясно. Потому что непонятка с тобой получилась, а мы хлебничали, и чтобы не было вопросов, вдруг я тоже зафаршмачился. Чтоб весь лагерь на положение не небаных пидорасов не переводить. Вопросы ко мне будут, это точно. Но я как-нибудь отобьюсь, за это можешь не гонять.

Керим начал молча паковать свой этапный мешок, сшитый им загодя на промке для такого случая. Мешок был вместительный, так что все нехитрое барахло, что нажил Керим за четыре года тюрьмы, превосходно туда уместилось. В самом верху, поверх пары белья, лежала полуторатысячестраничная Библия.

- Я ничего своего тебе не оставляю, - сказал Керим. – Чтобы не было вопросов.

- Да я понял, - сказал Василий. – Я тебе тоже ничего не даю. Потому что один хер от тебя это все отберут на этапе. Ты теперь пидор Христа ради.

- Скажи, Вася, - спросил Керим. – Мне твое мнение интересно. Если бы Христа, перед тем как избить и распять, еще и изнасиловали, - стало бы в Него меньше или больше верить народа, чем сейчас, как ты считаешь?

- А с чего бы им Его насилловать? – спросил Вася вопросом на вопрос.

- А с того, Василий Петрович, - отвечал Керим, - что тогда в Римской империи царили такие нравы. Особенно в регулярной армии. Тогда с пленными вообще особенно не церемонились. И солдаты предпочитали мальчиков, а не девочек. Все, давай, я пошел. Желаю тебе скорейшей золотой воли. Не грусти.

Керим вышел из барака и направился в сторону КПП.

4. Орывок из дневника Фомы. Апостол-аферист, 2 в 1

Всю цепочку своих бурных жизней я хожу под пятью буквами А:

А – апостол

А – аферист

А – академик

А – аналитик

А – архитектор

Если я был когда-то Соломоном, сыном Давидовым (*это возможно, но подлежит уточнению*), - то пятиконечник – это от меня. Пять «А», по букве на каждую вершину пятиконечника. И где-то еще порылось волшебное число Фибоначчи: 1.618 – как некая магическая пропорция отрезков в самой звезде. И – указание на Вечную Женственность данной симметрии. На магию Природы, которая на числе Фибоначчи – базируется (*читаем Бэна Драуна*).

Парадоксально. Из жизни в жизнь я что-то проектирую, обычно – в духовной сфере (мою изрядно перевернутую биографию можно прочесть здесь: <http://foma.ifel.ru/fr1001.htm>). Иницирую строительство храмов. Образую секты и ложи. Пишу музыку, стихи, пьесы, новеллы. Консультирую по вопросам организационного развития. Руководжу театром. Убалтываю рыб на проповеди у моря. И в это же самое время, теми же самыми белыми руками – постоянно замахиваюсь на построенное другими людьми. Подрываю основы дискредитировавшей себя веры. Жгу города. Проворачиваю аферы, от которых страдает множество людей в различных городах мира. Сажу в тюрьму. Какое-то тотальное беспокойство, а не жизненная цепочка. Я бы сказал – гемор.

Как же это совмещается: апостол и аферист? А запросто. Возьмем индийский случай.

Святитель Дмитрий Ростовский с умилением описывает (<http://foma.ifel.ru/fr1002.htm>), как я развел индийского царя Гундафора на бабки, якобы на строительство дворца. Меня рекомендовали как известного палестинского архитектора (*в сегодняшнем контексте звучит примерно как «монгольский технический гений»*). Два года парил мозги бедолаге. А сам все вырученные деньги передавал нищим и убогим (*такой вот я гуманист*). Дальнейшее предсказуемо: меня сажают в тюрьму (*хорошенько поколотив при этом*) и собираются содрать кожу живьем. Причем не только с меня, но и с моего поделщика купца Авана, который по глупости своей пригласил меня в Индию на заработки. В общем, ничего хорошего. Грустно.

Но внезапно – о чудо! - царь видит сон о том, что и брат его и он – уже построили себе по дворцу на небесах, с участием известного палестинского архитектора Фомы. Нас с Аваном выпускают на волю. Все счастливы. Общее ликование. Танцы. На этом эпизод обрывается.

Святитель Дмитрий деликатно умалчивает о том, что было дальше.

Я прихожу к царю Гундафору и говорю:

- О царь! Во усиление эффекта от моей проповеди – позволь мне еще раз говорить к народу.

Царь дозволяет. Он уже весь в раю, он вальяжен, благодушен, умиротворен. Рыхлый, что твоя ватрушка.

Созывается общее собрание на привокзальной площади города Мадраса (Ченнаи), штат Тамилнад. Я выхожу на балкон. Рев народной любви. Возгласы: «Фому – в президенты!». В меня летят куски лотоса, медные монетки, конфетты. Я подымаю руки, воцаряется молчание. И я говорю:

- Друзья! Многие ли из вас получили благодеяние от царя при моем участии?

Громогласное «ура!». Вижу – почти все собравшиеся так или иначе поправили свои дела. Традиционно, нищих и беспомощных в недоразвитых странах, подобных Индии, всегда численно больше, чем самостоятельных экономических агентов.

И тогда я говорю:

- Во имя Христа, которого я здесь проповедую, - **прошу Вас по возможности все деньги, что вам были переданы, - вернуть в царскую казну.**

Восхитительная пауза. Громче молчат только мертвые в своих могилах. Затем понемногу начинается ропот, типа «да что же это такое, товарищи», «да как же это, хлопцы» и т.п. Злое гудение. Я стою и думаю: а, может, зря я все это затеял. Ведь порвут на тряпочки, и даже памяти не останется.

Наконец, из толпы выходит очаровательная нищенка Радхарни Мамбасупатра (*очень похожая на певицу Зару, бывшую невестку губернатора Санкт-Петербурга Валентины Матвиенко*) - и тоненьким голоском просит разъяснить ситуацию. Публика замолкает. Ждут.

И я спрашиваю у народа:

- Братья и сестры! (*Я говорю именно «сЕстры», чтобы звучало более ортодоксально*). Верите ли вы во Христа?

Крики «да!». Как на первомайской демонстрации – волнообразно, докатываясь от задних рядов собравшихся до передних. Колышется народное море, украшаясь попеременно то кумачом, то гирляндами из полевых цветов. Странное бульканье поодаль: то пукают и серют припаркованные неподалеку от вокзала слоны.

- А верите ли вы в карму?

Еще более единогласно. Тема кармы – ходовая, ее уже несколько тысяч лет впаривают индийскому народу местные колдуны-политтехнологи.

- А вот теперь смотрите, - говорю я. (*Я передаю мой спич не дословно, т.к. это было давно, и я уже подзабыл текст. Но по смыслу все точно*). Я брал у царя Гундафора деньги и передавал их вам, служа Христу. Я от всего сердца полагал, что действую Богоугодно. Да и последующие сонные видения царя и его брата подтверждают мою первоначальную логику. Но, сидя в тюрьме, братья и сЕстры, я многое понял. То, что легко прокатило бы, скажем, в Швеции, стране сонной и тупой (*прости господи*), - совершенно не подходит для Индии – страны с обостренным кармическим восприятием действительности.

- У нас ведь как, - продолжаю я, – всю дорогу: одно лечим, другое калечим. Мы избавили царя от избыточных накоплений - и тем самым основательно прочистили ему карму. Дворец в видениях царя – это не химера, он действительно стоит на своем месте, на одном из тонких планов. Но, раздав накопления царя на якобы благие цели, мы, товарищи, не побоюсь этого слова, изговняли карму народную.

- Ведь что получилось? – задаю я риторический вопрос, безо всякого ожидания ответа. – Люди начали рассматривать выплаты из царского кармана как некоторый положняковый эффект (*слово «положняк» я позаимствовал в индийской тюрьме. Так называлось то, чем нас там кормили изо дня в день*). Создалось впечатление, что у нас тут в Мадрасе образовался некоторый виртуальный санаторий ВЦСПС, этакая общенародная кормушка,

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

где на полдник обязательно подают стакан кефира и печенюшку «Юбилейное». То, что служило неотложным нуждам действительно несчастных людей, со временем превратилось в источник халявы для слишком многих здесь.

- За примером далеко ходить не надо. Возьмем хоть известную нам очаровательную нищенку Радхарни Мамбасупатру. – Я указываю на нее пальцем. – Скажи, Радха, - спрашиваю я у нее, - сколько раз ты нырнула в партийную кассу?

- Пять раз по 10 рупий, - незамедлительно отвечает Радха. – Хотела понравиться моему жениху, Говинде Бхопаху. Он работает в местной столовой, моет посуду. Он часто брал у меня деньги на пиво.

- И каков же результат сего? – спрашиваю я уже как врач у пациентки. – Удалось выйти замуж?

- Нет, - отвечает Радха. Она чуть не плачет. – Когда я исчерпала установленный тобою, Фома, лимит 50 рупий на одну попрошайку и лишилась возможности покупать пиво для Говинды на средства партийной кассы, Говинда назвал меня грязной потаскухой и оттолкнул от себя, женившись на девушке из столовой, где они вместе работают.

- Sic! – завершаю я свое рассмотрение, задрав указательный палец в пустые небеса. – Вот верный признак обосранной кармы. Даровые гроши, не заработанные поденным тяжким трудом попрошайки, не идут впрок. На них не купишь себе состоятельного будущего. Все идет по-прежнему: деньги кончились, все тебя юзают и в хвост и в гриву, а замуж никто не берет. Ведь так? Так, по глазам вижу. Но ты не расстраивайся, Радхарни, - утешаю я ее. – Сей Говинда, которого ты угощала пивом, - он тебя не стоит. Он пренебрег любовью очаровательной нищенки, променяв это чувство на сытое счастье с работницей деревенского общепита. Тоже будет наказан: в следующей жизни ему предстоит убирать туалеты на центральной площади столицы африканского государства Ботсвана, город Ебангу. Ты же свою хреновую карму своим безвинным страданием излечила, так что можешь возрадоваться.

- Ко всем остальным это не относится, - говорю я народу с присущей мне прямоотой. Я холоден и встревожен. – Сердцем чую: царские денежки вам не в кипеж. Вижу здесь большую проблему для будущих ваших жизней. Сейчас вы бедные и несчастные, сырые и убогие калеки. Но вы живете в стране, где круглый год светит солнце. Какое у вас тут море! в Палестине такого нет. Джунгли навевают прохладу. А слоны! А коровы! Вы попали в сказку, на курорт ВЦПС, так и знайте. А представьте себе: за все натворенное нами вас задвинут на кармический этап, и всю следующую жизнь вы будете убирать снег где-нибудь в Подмоскovie, и на обед у вас не будет ничего слаще соленой рыбы. А платить вам будут за это 50 рупий в месяц, т.е. столько, сколько здесь у вас стоят 3 кружки пива и набор из сухеных кальмаров. Вам это надо?

- Так что сдавайте валюту, - говорю я. И умолкаю. Мониторю зал. И понимаю: проповедь удалась. Стоят эти нагие горемыки понуро, но просекают: надо рассчитывать. Они бы, может, вместо того, чтобы возвращать денежки, лучше перегрызли мне горло, и все дела. Но их страшит слушать каждый вечер песню «Подмосковные вечера» в своей дворницкой, да замерзшее собачье говно отскребать от тротуаров. Вот они и смиряются. Слава тебе карма!

На этом митинг и завершился – минутой молчания. Все разбрелись. На следующий день публика хмуро потянулась в специальный киоск, где принимали валюту. На кассе сидела Радха: ее чистая карма послужила ей лучшей рекомендацией при приеме на работу в качестве кассира.

Бюджет проекта оказался таков:

- выдано различным нуждающимся из расчета 50 рупий в одно лицо – всего на 1.5 миллиона рупий;
- возвращено в течение 2 лет в порядке трудовой дисциплины и прочистки кармы – 252384 рупии. Невозврат составляет 1247616 рупий, или 83% от исходного объема инвестиций.

Царь Гундафор посчитал, что операция по изъятию валюты у населения прошла успешно. «Ты знаешь, Фома, - говорил он мне потом, - даже 50 рупий, своевременно возвращенных в кассу, могли спасти чью-то будущую жизнь». И я не мог с ним не согласиться в этом.

Чтобы не марать себе карму, мы с царем решили пристроить возвращенные сбережения на что-нибудь социально полезное. Тогда началась инфляция, и денюжки начали таять. Поэтому было принято экстренное решение разбить на окраине города большой парк культуры и отдыха. 10 рядов пальм, купание в бассейне, катание на дрессированных слонах, викторины, летняя эстрада на 2500 мест. Царь предложил назвать это ЦПКО имени апостола Фомы, я возражать не стал. Правда, где-то через 500 лет город захватили кочевники и все сравняли с землей. Так что даже фотографий не осталось.

А очаровательная нищенка Радха – она не до конца прочистила свою карму, где-то еще накосячила вдобавок, - и поэтому нирваны достичь не смогла. Поэтому сейчас она реинкарнировалась в Петербурге, работает в турбюро, часто летает в Индию с группами. Зовут ее Галя. Галя Петренко. Муж у нее – алкаш Коля Петренко, безработный. Раньше его звали Говиндой. В общем, чего Радха хотела, то и получила, и не на кого жаловаться.

5. Керим этапируется в Москву

Керим летел в брюхе военно-транспортного самолета ИЛ-76 в сторону Москвы. По обе стороны от него сидело два СОБРовца с автоматами. Керим был пристегнут наручниками к одной из выступающих железяк, в шапочке без разреза для глаз, натянутой по самый кадык (*типично ФСБшный вариант конвоирования*). Лететь было не очень комфортно, но удивительно.

Чему удивлялся Керим, можно понять еще из одной справки, которую я позволю себе привести.

Что такое этап? Мутное, долгое и противное для всех участников занятие. Зачем возят на этап? Во-первых (*что самое частое*) – к месту отбытия наказания. Во-вторых, на следственные действия по месту совершения преступления. Ну и так, по мелочи.

Возьмем, к примеру, этап из тюрьмы. Обычно о нем известно арестанту заранее, неизвестен только день и час. Обходит все камеры корпусной, вызывает зэков на этап (*обязательно со всеми вещами*). Зэков заталкивают в камеру-этапку; там они, бывает, по полдня парятся. Уже и курить все выкурено, и за амнистию все говорено-переговорено, и у кого какая делюга, и у кого в какой хате подельники. Наконец – забирают конвойные зэков по одному на шмон. Шмонают детально. Иногда заставляют оголяться и приседать (*если засунул маляву в жопу себе – непременно вывалится*). Зэков, которых обшмонали, загоняют в другую этапку. И уже только оттуда, по мере готовности конвоя к этапированию - выгоняют людей на «привратку» (*так в тюрьме называется КПП, где караулит дежурный помощник начальника смены, сокр.*

ДПНС), мужчин отдельно, женщин отдельно. ДПНС держит в руках стопку с личными делами арестантов. Называет фамилию: «Иванов!». Зэк откликается: «Иванов Иван Иванович, 1981 года рождения, статья 159-2» (*мошенник, стало быть*). Наконец, всех опросили. ДПНС честно предупреждает, что любая попытка к бегству будет пресекаться огнем на поражение. Открывается железная дверь, и арестантов по одному загоняют в заблаговременно стоящий во дворе тюрьмы автозак (*машина такая, без окон без дверей, до дурья везет людей*). При этом на всем протяжении маршрута стоят менты, чтобы заключенные не разбежались. Иногда какой-нибудь спецконтингент возят отдельно; если, скажем, в личном деле написано «склонен к людоедству» (*а чего, и такое бывает*).

Затем автозак едет на железнодорожный вокзал. Где-то на запасных путях приготовлен столыпинский вагон. Идет смена конвоя: менты уступают свое дело внутренним войскам (*обычно это – чистые звери; особенно славен своими зверствами вологодский конвой*). Зэки выскакивают из автозака, тут же садятся на корточки, - и, по-гусиному, волоча за собой баулы, движутся в сторону вагона, под прицелом автоматов и под собачье гавканье (*если смотрели фильмы про войну, так вот это туда, не хватает только брани на немецком языке*). В вагоне зэков принимают и распределяют по купе (*иногда угощают прикладом автомата по спине, если нет надлежащей резвости*). Продуманные зэки берут с собой много целлофановых пакетов. Неизвестно, сколько еще будет стоять вагон, когда его подцепят. А по нужде все не выводят и не выводят. Поэтому приходится мочиться в пакет. Кто пакета не захватил, ссытся себе в штаны, а что делать.

Обычно столыпинский вагон цепляют последним к почтово-багажному поезду. Такие поезда, как известно, останавливаются у каждого фонаря. Поэтому, чтобы проехать километров триста, тратится часов, скажем, восемь. А больше чем по 300 км за один этап обычно и не покрывается.

Когда поезд прибывает в очередной город назначения, все разворачивается в обратном порядке. Вагон отцепляется, отгоняется маневровым тепловозом на запасные пути, там отстаивается, пока не прибывает автозак. Дальше – по-гусиному от вагона до автозака, затем на автозаке до тюрьмы, там – привратка, камера-этапка, потом карантинная камера для этапников. Если в тюрьме приличный хозяин, то этапников сразу загоняют в душ – мыться (*чтобы не плодить вшей*). Если хозяин – урод (*в 80 случаях из 100*), то зэки сидят на общих основаниях (*моются холодной водой, как умеют*), пока их не соблаговолят помыть вместе с остальными. Очень часто зэк переходит с этапа на этап, не мывшись и не стирившись. Зарастает вшами и грязью в этом случае, вестимо. Поэтому продуманные зэки перед этапом бреют голову под ноль (*и не только голову, но подмышки и лобок тоже*).

В этапной камере зэки сидят дня три. Потом их растусовывают по общим камерам, вплоть до очередного этапа. Так что между этапами у зэка проходит минимум неделя, а то и две. Керим добирался от места совершения преступления (*Грозный*) до места отбывания наказания (*Саранск*) четыре месяца, через пять пересыльных тюрем. От бескормицы и этапной нервотрепки Керим весь высох и почернел, чуть было туберкулез не подхватил (*туберкулез – это болезнь не только заключенных и бедных, но и людей отчаявшихся, загнанных в угол*). А если говорить о коричневых гнойниках на ногах (*верный спутник тюремного авитаминоза*), то они выскочили у Керима уже через месяц после начала этапа – и полгода не проходили, даже после заезда в саранскую зону и перехода на более-менее ровное питание. Чем только Керим не мазал эти пятна, – ничего не помогало.

Вот почему удивлялся Керим. Он рассчитывал на длинный железнодорожный этап с новыми приобретенными ужасами, которые окружают жизнь опущенного. А тут все было иначе. На КПП Керима уже поджидали два здоровенных откормленных СОБРовца. Они натянули

Кериму на лицо черную тонковязаную шапку (*«шапка-невидимка» называется*), скрепили ему запястья наручниками спереди и так поволокли его через железные скрипучие двери зоновской привратки – на вольный воздух. Керим осознавал, что его сажают в легковой автомобиль и на всей скорости куда-то везут. Вырулили с призоновской дороги на трассу, дали по газам, нигде не притормаживая. Слышно было из-под шапки, как проносятся по встречной полосе тяжело груженные фуры. Затем повернули, и постепенно, неожиданно, зашумел аэродром. Керима доставили прямо к трапу грузового самолета. По эстакаде его заволокли на борт, перепристегнули, самолет заправился, с ревом выкатил на взлетную полосу, разогнался и взмыл.

За весь полет никто из троих (Керим, СОБР1, СОБР2) не произнес ни слова. Керим продолжал удивляться. У него было ощущение, что его доставляют в Москву персональным этапом. Краем уха Керим слышал, что Ходорковского тоже в свое время доставляли в Читу то ли самолетом, то ли в отдельном вагоне. Но что такое Керим, чтобы его так обхаживать? Ничтожный террорист, который не смог даже одинокой зомбированной дуре-смертнице собрать прибор. А теперь еще и пидор Христа ради. Непонятно!

Наконец, приземлились. СОБРовцы кое-как выгрузили Керима из самолета, сняли с него шапку-невидимку, наручники – и передали его милицейскому конвою (*автозак уже нетерпеливо дожидался Керима в стороне от посадочной полосы*). И, пока менты вели Керима от самолета до автозака, он успел как бы украсть и заложить себе в вечную память кусочек вольного неба и вольной земли (*четыре года ничего этого Керим не видел и видеть не мог*).

Автозак ехал долго, часто останавливался, из чего Керим заключил, что в столице очень плотное дорожное движение. Наконец, часа через два автозак прибыл на место. Это был Лефортовский изолятор ФСБ: по слухам, самая замороженная тюрьма России.

Что такое замороженная тюрьма? Опять справку надо давать. Представим себе, к примеру, централ в городе Рига. По слухам, заключенные там долбали в полу и в стенах здоровенные дыры в человеческий рост. Существует даже такая профессия – канатчики, - чтобы человека доставлять из одной камеры в другую. Один подъем – канатчику прибыль: сигарета. Так человек, который хочет встретиться с подельником – сговорить показания, - или с кем-нибудь разобраться, - перемещается по всей тюрьме таким вот образом, туда и обратно, как горнолыжник на фуникулере. Это, как бы, одна крайность. Другая крайность – Лефортовская тюрьма. Можешь, сидя в камере, хоть обстучаться, хоть обкричаться – никто не услышит, никто не отзовется. Из свитера думаешь сделать канатик – забросить его в соседнюю хату, сделать дорожку – будет оборвана через 15 минут, даже если умудришься скрутить удочку для заброса из газетной бумаги. Можешь долго обследовать шхонари – свой и соседский – в надежде найти кусок приваренного металла, который можно выпилить с помощью «мойки» из сдвоенных бритвенных лезвий, чтоб сделать из этого куска «монтажку» для долбежки «кабуры» в стене (*во, сколько новых слов*). Но ты ничего такого в камере не найдешь. Тюрьма старая, но постоянно подновляется. Взамен изломанных зэками шхонарей в бетон монтируются новые, вместо устаревших сеток на шхонари навариваются цельнометаллические короба. Не то чтобы очень комфортно, но искривления позвоночника не будет точно.

На галерее (*зовется «галерой» или «продолом»*) заключенных рассаживают в шахматном порядке, чтобы добиться полной изоляции. По обе стороны от фигуранта находятся камеры, в которых сидят люди, перемешанные со оперскими стукачами. Когда, в непонятно каком случае, вдруг кто-то из заключенных найдет что-то наподобие монтажки и начнет тихо скрести кабуру – стукачок ломится в кормушку: типа, командир, открой чутка подышать, а

то в хате душняка. Коридорный «цырик» для вида поворчит: не положено, так сидите. Стукачок, естественно, кипешнет: ну командир, ну чего тебе, жалко что ли. Потом поворачивается к соседу: цырик сегодня беспонтовый; был бы Михалыч, он бы открыл. Кормушка, естественно, не открывается (*есть такие тюрьмы в России, где цырики жарким летом, из жалости к осужденным, по временам открывают кормушки, а то окна в камерах зарешечены «ресничками», и воздух поступает плохо; но это не правило*). На самом деле это стукачок дал «цинк» мусорку, что по соседству кто-то скребется. Через 10 минут в камерах по краям начинается шмон. Естественно, находят и кабуру, и монтажку. За межкамерную связь – 10 суток карцера получите пожалуйста, арестант Иванов, приведенный здесь в качестве примера.

Керим прошел привратку, этапку (*в этапке Керим стоял у унитаза и мочился, наверное, минут десять кряду – накопилось*), шмон. Наконец, его завели в кладовую. Кериму выдали матрас, ложку и кружку.

- Нет, - сказал Керим, - эти не годятся. Выдайте с дырками.

- Недопонял, - сказал кладовщик, стареющий прапорщик. – Ты что, опущенный? Отметки в твоей карточке нет.

- Опущенный, - подтвердил Керим. – Сегодня опустился. Еще не успели отметку сделать.

- Быстро это у вас, - сказал кладовщик и поморщился. – Пословица есть такая: береги честь смолоду, а жопу – весь срок. Жопа – это самое дорогое, что есть у человека. А ты, получается, не уследил за своей жопой.

- Да это ерунда, командир, - отшутился Керим. – Один раз – не пидорас, два раза – не система.

Керим шел по продолу, со свернутым матрасом под мышкой. За ним шел выводной. Цырик на продоле зазвякал ключами, отпирая хату. Керим зашел, дверь за ним захлопнулась.

Камера оказалась одиночной. В ней стояла ровно одна шхонка, забранное решеткой изнутри и ресничками снаружи масипусенькое грязненькое оконце (*в которое шши чего увидишь*), стол в углу, унитаз и раковина, - типичный набор, никаких излишеств. Керим вздохнул с облегчением. Он ожидал, что в карантине начнется разбор его полетов, последствия неясны. Но пока пронесло. Надолго ли? Содержат как строжайшего преступника. Лефортовский централ, спецконвой. Раскрутка по старым делам, поэтому числюсь за ФСБ, тут вопросов нет. Сам на себя показал, так что удивляться не приходится.

Отворилась кормушка. Баландер привез ужин, шесть часов тридцать минут. На ужин в Лефортово в этот день была сечка. Баландер накладывал сечку из котла в положняковые миски (*«шлемки» называются - потому что похожи на шлемы, в которых воевали средневековые пехотинцы зарубежных армий*). Рядом стоял цырик: присматривал, чтобы арестант часом не бросил баландеру маляву. Мне в дырявую клади, сказал Керим. Баландер ухмыльнулся, выбрал шлемку с отверстием из отдельной стопки и вертанул в нее каши (*хотя какая сечка каша, это еще вопрос – каша ли это, еда ли это вообще*).

- Слышь, братан, - сказал Керим баландеру. – Я только что с этапа, с Саранска, с утра не жрал ничего. (*Причащался, хотел добавить он - но понял, что этот момент воспринят баландером не будет*). Спецконвой ФСБ, сухой паек не давали. Принес бы ты мне черняшки полбубна пожевать.

- Мы хлеб с утра развозим, - сказал баландер с высшей степенью безразличия к судьбе ближнего своего.

- Понятно, - сказал Керим. – Закрывай тогда, что ли.

Кормушка захлопнулась.

Керим наскоро умял свою сечку, попил воды из-под крана. Лег на шхонарь, накрылся ватником (*одеял у кладовщика не оказалось*), уставился в потолок, задумался. В тюрьмах свет не выключают 24 часа в сутки, поэтому человек, спавший четыре года подряд в бараке с выключенным светом, вынужден заново привыкать к этой коллизии. Ну да ладно.

Керим стал молиться. Он просил у Аллаха и Его Сына Исы Христа для себя мужества – жить той новой жизнью, какую сам себе уготовил на многие, надо думать, годы вперед. Случилось то, что случилось. Это не было запланировано, получилось как бы само собой, как естественная реакция на неправду, на неправоту человеческую. Другие православные арестанты жили как умели, по заведенному, хавали причастие в две очереди, из двух шлемок, из года в год, с тех пор как разрешили богослужения на зонах. А ему понадобилась правда. «Ищите Царствия Божьего и правды Его». Вот и нашел. Главное – не унывать. Христу было гораздо хуже. Эх, помогай Господь.

В этих мыслях Керим уснул.

6. Керим беседует с Николаем Ивановичем

Кормушка с грохотом откинулась в пять тридцать утра. В прямоугольном проеме появилась физиономия выводного.

- Дадаев! - сказал выводной.

- Я, - буркнул Керим спросонья.

- Головка от хуя, - сказал выводной. – Совсем нюх потеряли блять пидорасы. Дадаев!

- Осужденный Дадаев Керим Ахмадович, 1963 года рождения, статьи двести пятая часть вторая и двести восьмая, девять лет шесть месяцев лишения свободы, - сказал Керим и встал со шхонаря.

- Выходи без вещей, - сказал выводной. Кормушка захлопнулась.

Керим быстро подбежал к унитазу, отлил, наскоро умыл лицо, расчесался пятерней. Через две минуты в замке залязгал ключ, потом откинулась щеколда. Дверь отворилась, Керим вышел. «Лицом к стене, руки на стену». Выполнено. Поверхностный шмон, ничего не найдено. «Руки за спину, вперед». Выполнено.

Одно только непонятно, думал Керим, куда выводной, периодически ставя его лицом к стене, одну за другой открывал-закрывал тюремные двери своими ключами. Что это у них за мода – допрашивать по ночам. Еще не хватало мимо завтрака пролететь. Но тут я закипешую, тут положняк, обязаны выдать – и полбубна черняшки, и чай с бромом.

Опять стандартный порядок: этапка, шмон, привратка. Только на сей раз все очень быстро, по-деловому. В тюремном дворе Керима подждал «Мерседес» с тонированными стеклами и синей мигалкой на крыше. Двое мужчин в штатском одели на Керима наручники, посадили на заднее сиденье. Но шапку-невидимку надевать на него не стали. Так что Керим мог наслаждаться видом из окна, вольными картинками. «Мерседес» выехал из дверей Лефортовского изолятора, помчался по полупустой Москве. Как хорошо жить, думал Керим, разглядывая занесенные снегом деревья на бульварном кольце, редких прохожих, огни витрин. Это было как в кино. Ехали недолго. Наконец, машина выехала на Лубянскую площадь, обогнула знаменитый дом, заехала в открывшиеся ворота. Керима доставили в Главное управление Федеральной службы безопасности.

Керим и охранявшие его люди поднялись на пятый этаж на лифте. Прошли по широкому коридору, завели Керима в кабинет. Это была приемная какого-то начальника, как показалось Кериму. Наручники с Керима сняли. Один из людей зашел в кабинет, потом вышел и сказал Кериму: «Проходи». Керим прошел. Дверь за ним закрылась.

В большом кабинете (*приемная генерала, не ниже, смекнул Керим*) все было устроено как в беспонтовых фильмах про советскую милицию. Портреты Дзержинского и Путина, шкаф с книгами, большой стол, за которым сидел хозяин кабинета и что-то высматривал в своем компьютере, длинный стол поперек, к которому были приставлены кресла. Мягкий кожаный диван. Платяной шкаф с выдвигаемыми дверями на роллингах.

- Здравствуй, Керим, - сказал хозяин кабинета. Это был человек невысокого роста, седеющий и лысеющий, не старше пятидесяти лет, с военной выправкой, гладко выбритый, одетый в хорошо покроенный штатский костюм. Он встал из-за стола, подошел к Кериму и протянул ему руку, Керим машинально ее пожал. – Вот ты какой. Проходи, садись, где тебе удобно. Давай свой зипун. Сейчас будем завтракать.

Керим, изумляясь оказанному приему, снял свой ватник и отдал. Хозяин кабинета открыл платяной шкаф, повесил туда Керимов ватник, закрыл шкаф. Жестом пригласил Керима садиться. Керим сел за длинный стол. Хозяин подошел к своему столу, нажал кнопку селектора: «Слава, сделай нам два завтрака». Потом он сел напротив Керима.

- Давай сначала познакомимся, - сказал он. – Меня зовут Николай Иванович. Если тебе нетрудно, обращай ко мне на «вы», так будет комфортнее. А я, с твоего позволения, буду обращаться к тебе на «ты», не будешь возражать? Отлично. Я хочу сразу извиниться, что мы так рано тебя выдернули. Но в Москве сейчас пробки прямо с утра, поэтому не хотелось тратить на это время. А у нас с тобой длинный разговор будет, может, даже на целый день, как пойдет. Сам не курю и тебе не предлагаю, потому что знаю, что ты не куришь.

- Сразу тебе хочу сказать, - сказал Николай Иванович, - что это у нас не допрос. Ты, наверное, думаешь, что мы тебя из Саранска на раскрутку вытащили, чтобы лет тебе добавить?

- Именно так и думаю, - сказал Керим.

- Именно так и ошибаешься, - сказал Николай Иванович и улыбнулся.

В дверь постучали. «Войдите!». Вошел человек в штатском с большим подносом в руках. На столе появились: фарфоровый кофейник, две чашки, две тарелки, корзиночка с печеньем, четыре сваренных вкрутую яйца, две булочки с джемом, сахарница, сметанница, сливки в

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

пластиковой упаковке, мисочка с творогом, приборы, завернутые в две салфетки. «Спасибо, Слава, можешь идти, мы тут уже сами».

- Давай я за тобой поухаживаю, - сказал Николай Иванович. С этими словами он открыл мисочку с творогом, выложил из нее некоторое количество Кериму в тарелку, затем взял кофейник, налил Кериму чашку душистого кофе. – Ешь, не стесняйся. Со вчерашнего ведь не ел нормально. Наши олухи в Саранске забыли тебе этапный паек выдать.

- Откуда Вам это известно? – спросил Керим.

- Давай так, - сказал Николай Иванович. – Мне известно о тебе абсолютно все, я за тобой с 2003 года наблюдаю. С тех самых пор как вы с Эльзой Учхоевой решили общежитие грозненского МВД поднять на воздух. Ты обо мне не знаешь ничего, а я о тебе – все. Вот такая между нами разница.

Николай Иванович положил себе творог, сметану, налил кофе. Они начали завтракать. Николай Иванович ел непринужденно, ибо был у себя дома. Керим ел, находясь при этом в полной растерянности. Он не ожидал такого поворота событий.

Николай Иванович разломил булочку с джемом, одну из половинок положил себе в рот.

- Чтоб ты знал, Керим, - сказал он. – В ведении нашего отдела, назовем его так, до недавнего времени находились все спецоперации по линии Чечни, в том числе разведывательная работа по предотвращению терактов и создания незаконных вооруженных формирований. Поэтому я детально изучил подноготную каждого фигуранта по делам о терроризме, в том числе и твое личное дело. Когда я узнал, что у тебя семья погибла при артобстреле, меня, честно говоря, кольнуло. Я подумал: вот ведь что натворили эти негодяи – Ельцин и компания, сколько судеб поломали. Жил себе человек, никого не трогал, сначала в совхозе ветеринаром работал, потом шил обувь в своем кооперативе, растил дочку. И вдруг все это потерял в один день. Только потому, что одни шайтаны решили превратить Чечню в халифат, а другие шайтаны решили пойти у них на поводу и заключить позорный Хасавюртовский мир. И те и другие получили по заслугам, продолжают получать и будут получать в перспективе, в том числе и при моем участии.

- Яндарбиев, - это наша работа, - сказал Николай Иванович. – Вышло не очень гладко, но задание выполнено. Ребята получили Героев России, мы им поменяли внешность и биографию. Сейчас продолжают работать на Контору. Масхадов и Басаев – это тоже мы. Там были спецоперации, каждая по три года готовилась. Мы потеряли людей, некоторые умерли мученической смертью, но дело сделано, десять человек представлены к государственным наградам, получили пожизненную пенсию. Из премии по 10 миллионов долларов на каждую голову создали себе премиальный фонд. Литвиненко – это тоже наш отдел. Сейчас готовим к отправке Березовского и Закаева. Лондон это будет или Улан-Батор – нам без разницы, мы их везде достанем. Когда увидишь в новостях по телевизору, что Березовский по время фуршета подавился копченой колбасой и умер, - считай, что кто-то из наших вертит на погоне дырку для новой звезды. Вот чем мы примерно занимаемся здесь. Но чеченская тема отходит, сейчас постепенно переходим на идеологию, я чуть попозже объясню.

- И, конечно, Лебедь, - продолжал Николай Иванович, закусывая. – Человек был смелый, но тупой. И чрезвычайно амбициозный. Поэтому сговорился с Масхадовым, поставил Ельцина перед фактом. Подписал позорный мир, предал массу людей, погибших за Россию в первую войну. Так что пришлось починить ему вертолет перед вылетом. Ты понимаешь, что мы рихтуем уродов с двух сторон и на национальность с вероисповеданием не глядим.

Березовский – ушлый крученный еврей, но, как говорится, на хитрую жопу и хуй с винтом. Причем сейчас мы уже не прячем концы в воду. Наоборот: мы оставляем визитные карточки на месте событий. Полоний – это не просто экзотика, это почерк. Все должны понимать, что мы ничего не прощаем. Мы – карающий меч правосудия, как сказал некогда наш отец Феликс Эдмундович Дзержинский. И еще нас очень сильно научили евреи, когда они начали мстить за своих по всему миру после мюнхенской олимпиады. Мы вдруг поняли, что такое артистизм в профессии. Проломить голову товарищу Троцкому ледорубом – это не артистизм, а так, грубая работа. Хотя тоже Героя Советского Союза получил товарищ Меркадер. Задание-то выполнено!

- Ты воевал в отряде Вахида, - продолжал Николай Иванович. – На Вахида у нас все есть. Много помогла Эльза Учхоева, назвала имена, явки, пароли. Вахид пока бежит по горам, но это ненадолго, скоро мы его возьмем, теплым или груз 200 – от него зависит во многом. Мы с ним ведем переговоры, обсуждаем условия сдачи. Нам точно так же надоело проливать кровь, как и тебе. Мы не какие-нибудь кровожадные америкосы, которые вздернули Хуссейна только для того, чтобы показать, кто в Ираке главный. В Чечне сейчас налаживается, Кадыров-младший рулит, с нашей помощью, разумеется. Поэтому показательные расстрелы там не нужны, нужны примеры деятельного раскаяния и возврата к мирной жизни. На Вахиде много крови, как и на тебе. Но нам принципиально важно его желание сотрудничать с новой властью во имя долгосрочного мира. Тогда ему многое зачтется. Потому что если он выйдет из леса – за ним подтянутся и остальные. Значит, и мы побережем своих людей, это важно.

- Пойми одно, - сказал Николай Иванович. – Чечню просто использовали как плацдарм для исламской экспансии. Воспользовались нашей перестроечной деморализацией, постсоюзной разрухой, нашим рыхлым морально-нравственным состоянием, нашли брешь. При этом спровоцировали федеральные власти, которые наломали дров и развязали кровавую месть. Вы ведь, пока всех своих кровников не перережете, не успокоитесь. Правильно? Они это знали. И армия оказалась не готова, и контрразведка. Проспали мы Чечню, нечего и говорить. Теперь лет пятьдесят будем эту ситуацию пролечивать, не меньше. Вот такая заказуха на вашингтонские деньги. Только америкосам эта исламская карта вышла боком, судя по 11 сентября. Сами виноваты. Мы тоже хороши с Афганом – разбредили осиное гнездо. Ну ничего, теперь они имеют свой Ирак, так им и надо.

- У меня на языке вертится один вопрос, - сказал Керим, - но я боюсь Вас перебить, чтобы не показаться невежливым. Можно мне узнать, что я здесь делаю, в кабинете чиновника столь высокого ранга, в столь ранний час? Если это не раскрутка, то что все это значит?

- Мы вызвали тебя из Саранска, - сказал Николай Иванович, - чтобы вместе положить конец русско-чеченской войне и подумать, что нам делать с Россией дальше. Вот так, не меньше и не больше. Я тебе все объясню, потерпи. Здесь надо рассказывать все или ничего. Потерпишь? Хорошо. Еще кофе будешь? Или, может, чаю хочешь? Кофе, отлично.– Николай Иванович подошел к селектору и заказал еще кофе. – Если хочешь в туалет – ты говори, тебя проводят.

- Ну, я продолжу, - сказал Николай Иванович. – Все террористы, бегающие ли, сидящие ли, мертвые ли, семьи живых, семьи мертвых – находятся у нас на плотном контроле. Это очень хлопотная работа, потому что террористов много, в том числе и потенциальных, в том числе и тех, которые еще и не догадываются, что вскоре встанут на эту дорожку. Просто в силу причастности к тому или иному тейпу, к той или иной семье. В зоне нашего внимания – несколько десятков тысяч человек. Всех сидящих террористов и их контакты мы отслеживаем традиционными методами, через оперхату. Если ты посмотришь свой профайл

в нашем банке данных, то ты увидишь там регулярные отчеты о том, как ты проводил время в лагере, какие книжки читал, что обсуждал и с кем. Например, что сделал Давид, чтобы заполучить Вирсавию.

Керим чуть не упал со стула.

- Неужели и Вася? – спросил он.

- Капитан Воротилов, - отвечал Николай Иванович, - выполнял на зоне спецзадание и параллельно курировал тебя. Ты думаешь, он все время дрочить за баню бегал? Нет, он за баней контейнер оставлял с отчетами. Мы его попросили записаться к тебе в хлебаши – после того, как ты ему шлемку с борщом на голову одел. Честно сказать, мы подумали, что потеряли работника. Но нет худа без добра. Кстати, он сам питерский, а в деревне у него дачный участок шесть соток.

- Я не понял, - сказал Керим с нарастающим изумлением. – Значит, жена Дуся, статья за избиение, деревенские манеры – это все липа?

- Липа, - ответил Николай Иванович надменно, - это когда в «дачку» нашему человеку кладут резаную колбасу разных сортов, заблаговременно вынутую из передач других арестантов. Или когда у человека, у которого нет ни родины ни флага, вдруг появляется немеренно курева и чаю. Вот что такое липа, и на этой липе мы много потеряли людей. Пока у нас не появились собственные нормальные фонды на эту деятельность, и работники в оперотделах по всей системе тюрем и лагерей перестали партачить. Одно дело – завербовать человека, уловив его на каком-нибудь косяке. Очень часто мы вербуем людей по малолетке, а потом они крутятся в нашей системе долгие годы, пока не сгорят как свеча. Потому что именно на малолетском беспределе ковать кадры легче всего. Ведь малолетка – это обезьянник, там нет здравых понятий, там много несправедливости творится. Но у нас еще есть люди – наша элита, которая во имя самых высоких задач садится в тюрьму и в лагерь, рядом с такими, как ты. Это у них вроде производственной практики перед выходом в свет. Если они прошли такую боевую школу и не раскрылись – значит, и за рубежом могут нормально работать. Год выслуги в этих условиях идет за три. И воинские звания, соответственно. Так что Вася Пенталгин в Скандинавию поедет уже майором.

Принесли кофе.

- Ну хоть Воротилов-то – это настоящая фамилия? – спросил Керим. Его вдруг стало забавлять все происходящее. Утреннее напряжение ушло. Керим почувствовал себя сидящим на лекции в обществе «Знание» или на политинформации в военной части. Ему вдруг показалось, что бояться и напрягаться уже не нужно, что самое страшное, что произошло в этой жизни с ним и с его семьей, уже произошло, и дальше будет все только хорошее. Определенно, и Николай Иванович все больше и больше нравился Кериму. Возможно, потому, что они воевали на одной и той же войне (*хоть и по разные стороны*) и оба были профессиональными убийцами. Определенно и потому, что Николай Иванович не казался Кериму лицемером или негодяем. Просто он действовал в зоне своей ответственности, действовал профессионально. Его присутствие в любой армии мира сделало бы честь такой армии и предопределило бы ее военные успехи.

- Побойся бога, - отвечал Николай Иванович на вопрос. – Еще чего не хватало. Верх тупости – посылать человека в лагерь под своей фамилией. У воров ведь контрразведка тоже неплохо поставлена. Одна малява с воли – и нет человека. По понятиям он мент, ты пойми. Значит, с точки зрения лагеря – смертник, если сидит с уголовниками. Мне тут недавно прислали

съемку с мобильного телефона, как ээки в камере насилуют нашего агента. А могли просто подрезать. На ерунде спалился человек. Ну ладно, мы отвлекаемся. Давай ближе к делу.

- Тебя не будет шокировать, если я немножко погуляю по кабинету? А то я засиделся. – Николай Иванович встал из-за стола и начал ходить по кабинету из угла в угол. – Итак. Мы прекращаем русско-чеченскую бойню. Что мы имеем? Есть Керим Дадаев, который сидит за терроризм. Но это не вся правда об этом человеке. А правда в том, что он чудесным образом переосмыслил свои поступки. Он увидел сон, в котором Иисус Христос отрядил его на служение. Оговорюсь сразу: я ни в какого Бога не верю. Это чтобы не было недопонимания. Я атеист, член КПСС с 1980 года, партбилет не сжигал, не выбрасывал. Но я уважаю чужие убеждения как свои. И человек проявил себя с самых лучших сторон. Он принял крещение. Он начал проповедовать покаяние, отход от ненависти, от межнациональной розни. Он простил своих гонителей, простил федеральную власть за гибель своей семьи. И, наконец, самое последнее событие вчерашнего дня: Керим Дадаев добровольно себя зафаршмачил через причастие из чаши для опущенных. Он это сделал во имя Христа, которого проповедует. Он доказал силу своей веры таким поступком, который выглядит как подвиг, с учетом всех обстоятельств времени и места. Спрашивается: что этот человек делает в местах лишения свободы? Зачем он там сидит? Было преступление, было наказание, и было главное – деятельное раскаяние. Зачем нам держать Керима Дадаева в тюрьме? А может, освободить его, например, указом Президента о помиловании – и направить в Чечню, под начало к Рамзану Кадырову, для построения мирного чеченского завтра? К тому же, мы всегда сможем доказать, что Керима Дадаева взяли по ошибке, что он никакой не террорист, а просто потрясенный горем человек, который под влиянием обстоятельств кругом оговорил себя, как бы совершил самоубийство. И случай с причастием всецело это доказывает. Ну поехала крыша у человека, он не бандит, он – жертва злых смутных лет. Во многом, кстати, так оно и есть. Значит, есть основания для пересмотра приговора.

- Вопрос только в том, - продолжал Николай Иванович, - чтобы и все остальные участники событий простили Керима Дадаева. Например, Галя Сотникова, муж которой Боря Сотников, мой друг еще по Академии, погиб в Чечне в 2001 году. Он шел с колонной, которая была уничтожена под Алханкалой. Сначала взорвались фугасы спереди и сзади, как по теории, а затем начался перекрестный обстрел из стрелкового оружия и гранатометов. Никто не выжил. Галя Сотникова теперь вдова, воспитывает одна дочку 10 лет и мальчика 5 лет. Достоверно известно, что колонну приговорили люди Вахида. И, скорее всего, именно ты, Керим, закладывал фугасы. Мы получили по своим каналам видеозапись, где Вахид отчитывается перед своими заказчиками за работу. Тебя там не видно, но доказать твое присутствие можно без труда. Надавим на твоих поделов, Зелемханова и Джамшиева, они все нам выложат, что требуется. Галя тебя не простит точно. При этом Гале будет до безразницы, что и ты на этой войне остался сиротой. Свое горе всегда ближе к телу. И дети ее – не простят. Нужно время, чтобы вся боль утихла, чтобы пыль улеглась. Не меньше полувека надо. Мы, думаю, не доживем.

- А тут нечего и доказывать, - сказал Керим. Благодушие, которое в нем развилось за последние десять минут разговора, разрушилось, как картонный домик. Теперь Керим снова был собран. Он вдруг понял, что все эти игры в кошки-мышки, вся эта показная чекистская ласковость в сочетании с показной же отеческой заботливостью, - все это не более чем правила вербовки. Эту кость надо было ломать. Как? Показать доброму волшебнику из сказки Николаю Ивановичу, что вся эта его херовая магия – не работает. – Транспорт под Алханкалой – моя работа, - сказал Керим, - можете в протокол так и записать. Фугасы заложил, 30 человек уложил. По 100 баксов за скальп. И мечеть четырнадцатого века тоже я развалил, - процитировал Керим под конец «Кавказскую пленницу».

- Могу сказать одно, - продолжал Николай Иванович, как бы не слыша пассажа Керима. – Керим Дадаев сурово изменился с 1999 года. Война и лагерь испытали его на прочность, он сохранился в этих условиях, и сохранился человеком. На второй войне я тоже много отгрузил вашего брата, так что ты можешь свои папуасские зарубки на томагавке засунуть себе в жопу и пальцы тут не гнуть. Подумаешь, какой террорист охеренный выискался! Возьми свой послужной список и помножь его на десять! Получишь мой результат. Извини, сорвался. – Николай Иванович, завершив свою тираду, сел за стол, опять напротив Керима. – Но я так скажу: чем больше я ваших валил, тем больше во мне росло скрытого уважения к твоему народу. Это – бойцы. Как сказал царь Приам в фильме «Троя», и врага можно уважать. А тебя я уже не рассматриваю как врага. Я рассматриваю тебя как товарища по партии, соратника по борьбе, несмотря на все твое нынешнее шипение. И именно поэтому я подтянул тебя сюда из Саранска. У меня есть работа для тебя, Керим. Эта работа не будет в ущерб твоей совести. Это никакое не стукачество, не оперская работа, не подрыв колонн и блокпостов, не диверсии в тылу врага. Это спецзадание во имя твоей страны, по результату которого ты можешь быть представлен к Герою России. И это задание можешь выполнить только ты, по совокупности тех профессиональных и морально-волевых качеств, которыми ты располагаешь на настоящий момент.

А, смекнул Керим, ну вот и оно.

- Вы говорите какими-то загадками, - сказал он. – И с чего бы вдруг вы решили, что я, порядочный арестант, вдруг встану на ваш тухлый мусорский ход? Думаете, угостили зэка кофе с булочкой, он размяк от хорошего отношения – и сразу принялся шпилить на вашу контору? У вас неверные данные, генерал, вы попутали баню с вахтой.

- Генерал-лейтенант, если точнее, - сказал Николай Иванович. – Зря ты заводишься, Керим. Можешь мне не верить, но я от чистого сердца тебя угостил. Я мог ведь не заморачиваться - и сам бы приехал в следственное управление Лефортово с тобой пообщаться. И тебе не надо было бы ехать по Москве на «Мерседесе». Просто из здания в здание перешел бы по переходу. Никакого кофе с булочкой, никакого гламура. Только стенка, выкрашенная в защитные цвета, привинченный к полу табурет и кнопка для вызова.

- И потом вот еще что, - продолжил Николай Иванович. – Ты тут назвал себя порядочным арестантом. Но это ведь не игра слов, не эпитет, это – вполне понятная воровская рамка. Ну а какой ты, нах, порядочный арестант теперь? Ты *был* порядочным арестантом до вчерашнего дня. А сегодня ты – пидор Христа ради, и тебя любой блатной может подтянуть к себе для совершения развратных действий в форме орального секса. Ты совершил свой поступок во имя самых высших целей. Но, с точки зрения блатных, с точки зрения обычного здравого смысла, твое действие – это диверсия, это подкоп под систему истинных ценностей. Ты был в лагере на хорошем счету, и этот хороший счет возник у тебя по причине перемены веры, перехода в новое, разделяемое большинством, человеческое состояние. Теперь же из твоей веры следует: чтобы остаться порядочным во Христе, необходимо стать пидором. Представим себе: вор в законе, верует во Христа. Он по-своему верит, и его веру тоже можно уважать. А теперь приходит Керим Дадаев и говорит: босота, твоей веры недостаточно. Чтобы стать христианином в лагере, надо быть пидором. Можешь себе представить, что он с тобой сделает. И будет прав.

- Ты не учел одной вещи, - сказал Николай Иванович. – Ты не учел такое понятие как дхарма. Это из индийской философии. Дхарма – это взгляд на рамку с позиций Бога. Вот рамка вора. Богу нужно, чтобы вор был вором, в этом миссия вора, его дхарма, его ценность. Таким он нужен для мироздания. Вор должен руководить движением, блатной – поддерживать движение, мужик – сидеть у тумбочки, шнырь – стирать, козел – козлить, пидорас – сосать.

Все, ценности определены. Твой путь альтернативный, это - путь святости. Но это – исключительно твой персональный путь. Призывая всех остальных идти твоим путем, ты замахиваешься на промысел Бога о твари. Правильно тебе отец Филимон сказал: «Все существующие власти от Бога установлены». Что это означает в переводе на русский язык? Есть определенное временно достигнутое равновесие, баланс сил. В результате этого баланса складывается система властей, иерархия ценностей. Но вдруг приходит какой-то святой хрен с горы и начинает все это ломать. Льются реки крови. Вот, пришел Лютер менять веру. В результате – тридцатилетняя война, кровь и страдания. Ты не до конца осознаешь, чем она пахнет, твоя инициатива. Если все будут, как ты, брататься с опущенными, рухнет весь зоновский воровской порядок, как он складывался последние 50 лет. Подымут голову бандиты, и воцарится самый жесточайший беспредел, который только можно себе представить. Благими намерениями дорога в ад вымощена, братец Керим.

- Вы так рассуждаете о Боге, - сказал Керим, - как будто бы точно знаете, чего именно Бог действительно хочет от людей. Вы, атеист и такой же нулевщик, как и я, рассуждаете о Боге. Это же балаган, кино и немцы!

- Я рассуждаю, - перебил его Николай Иванович, - с тех позиций, как будто бы Бог есть. Как говорят специалисты по НЛП, с позиций твоей карты. По мне так никакого Бога нет, но это моя карта, и я ее никому не навязываю. Вот почему, ты думаешь, родился и набрал силу нынешний воровской ход? Ты не знаешь. А я знаю, потому что изучал вопрос. На волне беспредела, который чинился в сталинских лагерях, необходим был противовес – третья сила, чтобы снизить давление на массы, защитить мужика. И тогда воры взяли на себя ответственность за движение в лагерях. Потому что все прочие элиты начисто дискредитировали себя. Те беспредельные варианты, о которых пишет Шаламов, в основном применялись против сидельцев по 58-й статье. То есть преимущественно против тех негодяев, которые, собственно, и замутили октябрьский переворот или были его активными проводниками.

- Я опять ни хрена не догоняю, - сказал Керим. Он уже плавно перешел на повышенные тона. – Кто говорит про октябрьский переворот? Член КПСС с 1980 года! Заросли чертополоха, какая-то клоунада беспонтовая!

- Да, представь себе, - сказал Николай Иванович. – Я вступил в партию по убеждению. На тот момент в стране это была единственная элита, от которой хоть что-то зависело. Понимание существа произошедшего в 1917 году пришло ко мне намного позже. Парвус, немецкие деньги, опломбированный вагон, в котором Ленина доставили в Петроград, и все такое. Но нужно отдавать себе отчет, что провела индустриализацию, выиграла войну, сделала атомную бомбу, запустила человека в космос именно КПСС, а не народ или товарищ Сталин. Потому что Россия, взятая с высоты птичьего полета, - это ресурсы. Нефть и газ. Поля и огороды. Население. Заводы и колхозы. Этим всем нужно управлять. Людей нужно учить, за ними нужно смотреть, им нужно давать указания. Кто все это делал до конца двадцатого века? КПСС. Любой стране нужна элита, нужна пружина. В начале двадцатого века такая пружина в России была разрушена. Дворянство, аристократия перестали выполнять функцию элиты, ибо развратились, деградировали и изговнялись до последней степени. Возьми Николашку, последнего царя. Вместо того, чтобы воевать на фронтах первой мировой войны, он мчится с фронта к семье – поддержать жену и большого царевича-гемофилика. А в это время армия проигрывает одно сражение за другим. Это разве поступок? Это деградация. Рыба гниет с головы. И неизбежно власть должна была взять в свои руки новая элита. Те, кто замутил октябрьский переворот, - это была еще не элита, а так – авантюристы, шантрапа, недовольная режимом и желающая скроить его под себя. Они тоже умели только гадить, им ничего не было дорого в этой стране. Но уже те, кто пришли

им на смену и определили всю старую шантрапу по лагерям и могилам, начали строить – и построили. Правда, дорогой ценой.

- Это все к тому, - продолжал Николай Иванович, - что воры – это тоже элита, поддерживающая равновесие на невидимой миру стороне этой луны. Сегодня моя Контора и все, кто с ней связаны – это элита. Передовой бизнес – это элита. Страна и мир – это баланс элит. Ты – взрывник, тебе ничего не дорого из построенного, ты умеешь только разрушать. Поэтому тебе особо нет дела до элит. Но, как бы там ни было, ты – это тоже элита. Элита людей, которым дорого человеческое. Поэтому мы с тобой сейчас беседуем как представители двух элит, хотя бы и полярных. Мы еще можем разговаривать. А с ворами тебе уже не о чем говорить. В их глазах ты потерял лицо, перестал быть элитой, с которой они, возможно, захотели бы считаться. Я это достоверно знаю, сегодня смотрел отчеты из Саранска. Вот поэтому блатные глубоко возмущены твоим поступком. Они раздосадованы потерей тобою лица. Им нет дела до твоей святости, но им есть дело до рамки, из которой ты своими поступками вывалился.

- И в результате, - подытожил Николай Иванович, - ты превратился в совершеннейшее ничто. Ты был отец семейства, бизнесмен, - лишили тебя и бизнеса, и семьи. Ты был мусульманин – стал христианин (по мне так это шило на мыло). Был террорист – стал экз. Был порядочный арестант – стал пидор. Ты остался человеком, но это еще надо доказывать, и соответствующей спецодежды для профессии «человек» нет, чтобы ее пошить и в ней расхаживать.

- Не понимаю, что вы со мной цацкаетесь, - простодушно сказал Керим. – Напели мне тут целую лекцию о международном положении. Давайте определимся. Если хотите крутить меня на дэпэ – пожалуйста, как положено: опись, протокол, отпечатки пальцев, положняковый адвокат. Не хотите – дело ваше: отправляйте в зону. Но работать я с вами не хочу – и не буду.

- Керим, - ласково сказал Николай Иванович. – Все, что ты хотел решить за себя, ты уже решил. Теперь твоя судьба целиком определяется нами. Взгляни на документ.

У Николая Ивановича на столе лежала бумага. Он взял ее со стола и передал Кериму. Керим с подступающим к сердцу холодом прочел. Это было свидетельство о смерти, датированное 14 января 2008 года. Согласно документу, Дадаев Керим Ахмадович, 1963 года рождения, скончался в городе Москва по причине огнестрельного ранения брюшной полости в институте Склифосовского.

- Ты помнишь, как умер Салман Радуев? – спросил Николай Иванович. – У него на теле не было ни одного живого места, все было в кровоподтеках. А написали – от тяжелой продолжительной болезни. Ребята на Вологодском пятаке не справились со своими эмоциями. У нас, может, плохо учат человека жить. Но паковать человека после смерти наши научились в полный рост.

- Я не собираюсь тебя запугивать, Керим, - сказал Николай Иванович. – Я мог бы дать тебе допрос, отправить тебя в зону и дожидаться, пока ты сам наложишь на себя руки. Потому что тот крест, что ты решил на себя взвалить, - неподъемен человеку твоего склада. Ты еще мог пройти школу войны и смерти. Но школу перманентного унижения, причем долгие годы, что тебе осталось досиживать, - ты не пройдешь, можешь не сомневаться. Есть элементарная психология. Каждый день по два-три раза сосать чей-нибудь плохо вымытый пенис, - в конце концов ты просто устанешь чистить зубы, реально говорю. Вот поэтому я, не желая тебе подобной участи, решил сократить срок твоих страданий. Я поступлю с тобой как

солдат с солдатом. Ты погибнешь при попытке к бегству, и на этом все закончится. Я человек, и ты человек. Поэтому смерть твоя будет человеческой. Ты готов умереть, Керим?

- Меня этому учили последние десять лет, - сказал Керим.

- Да, я это знаю, - сказал Николай Иванович. – Сегодня Керим Дадаев умрет во всех случаях, я тебе обещаю. Потому что этот персонаж исчерпал свои жизненные возможности, он больше не нужен никому на этом свете: ни Чечне, ни ФСБ, ни лагерю, ни церкви. Все отвернулись от тебя, Керим: хозяин лагеря, отец Филимон, хлебаш Вася, блатные. Весь мир. Узнав о таком исходе, Галя Сотникова, например, обрадуется, хотя это будет не слишком-то по-христиански. Но у нее есть уважительная причина: она хочет твоей крови, и она ее получит - на правах кровницы, мы ее обязательно поставим в курс. Око за око, зуб за зуб, как сказал пророк Моисей.

- Спасти свою жизнь ты можешь одним только способом, Керим, - подытожил Николай Иванович. – Арестант Дадаев умрет, и на его место придет другой человек, с новой начисто скроенной биографией. И этот человек под нашим контролем реализует миссию, которую мы ему поручим. Я уже сказал: это достойная миссия, это работа не на Контору, а на страну, по масштабам отвечающая такой личности, как ты. В этой миссии блятства нет. Давай так поступим. Ты меня послушаешь еще час. Если то, что я тебе предложу, будет неприемлемо для тебя, ты так мне и скажешь. И тогда мы с тобой вместе спустимся в подвал, и все будет кончено. Боли никакой ты не почувствуешь: мы сделаем усыпляющий укол, а потом контрольный в голову. Полетишь к пророку Исе, к жене, к дочке, куда ты там еще рассчитываешь попасть. Годится?

- Ладно, - нехотя сказал Керим. Он лихорадочно просчитывал варианты. В конце концов, еще целый час в запасе, можно все взвесить и понять, кого из этих ребят можно будет захватить с собой на прощанье, и каким образом. – Давайте, выкладывайте ваш вариант. Вдруг и правда что-то стоящее, а я тут сию шайтан шайтаном и не понимаю своего счастья. – Заставил себя улыбнуться.

- Мне нравится, как ты держишься, Керим, - сказал Николай Иванович. – Очень нравится. И, если мы не договоримся, я буду рассматривать это как свое личное человеческое поражение. Давай-ка тебя в туалет выведут, а потом мы продолжим.

7. Керим принимает решение

- Итак, Керим, я продолжу эту, как ты ее назвал, лекцию, - сказал Николай Иванович, когда Керим вернулся из похода по малой нужде (*понимая расклады, чекисты не дали Кериму уединиться в кабинке, а заставили его мочиться прямо в писсуар на их глазах. Давай ссы, сказали*). – Нам должны с минуты на минуту принести еще кофе, я заказал. Так что расслабься. Не надо смотреть на меня и крутить в башке, как бы мне вырвать кадык. У меня и у ребят за дверью ежедневные тренировки по айкидо, так что лучше тебе не дергаться. Даже и не думай. Лучше сосредоточься на моем предложении, здраво взвесь все «за» и «против», прежде чем будешь решать.

- Сегодня 14 февраля 2008 года, - продолжил Николай Иванович. – Через месяц, 9 марта у нас выборы. Как, по-твоему, кто победит: Медведев или Иванов?

- Медведев, - отвечал Керим машинально. – Или Иванов.

- Вот именно, - сказал Николай Иванович. – Нет никакой разницы. Потому что оба эти кандидата – люди Путина, а, следовательно, люди Конторы. Бывших чекистов не бывает, Путин правильно сказал. Это в 1996 году было неясно, кто победит: Ельцин или Зюганов. Поэтому в ход шли все возможные технологии: коробки из-под ксерокса, подсчеты бюллетеней и т.д. Потому что там была разница. А сейчас нет разницы, и это хорошо. Будет Медведев президентом – Иванов станет премьер-министром, и наоборот. Безотказная схема.

- Точно так же не было разницы, кто победит на выборах в Госдуму, - продолжил Николай Иванович, - «Единая Россия» или «Справедливая Россия». Тот же хер, только вид сбоку. Когда в Конторе проектировали две эти партии, нам было сказано: одна партия будет биться за наполнение бюджета, другая – за его распил. Одна будет ловить в свои урны голоса тех, кто экономически состоялся, другая – тех, кто нуждается в собесе. То есть, вопрос с самого начала переводится из политической в экономическую плоскость. Заметь: ни одна из этих партий не говорит о миссии России в современном мире, о рациональном соотношении государственного и негосударственного участия в экономике, о внешней политике. Потому что эти вопросы – не по их рамке, не по их, Сенек, шапке. Условно говоря, «Единая Россия» - это партия для мужиков, а «Справедливая Россия» - это партия для шнырей и пидорасов. Бюджетник – это тот же шнырь, как ты понимаешь. Это полупрофессионал, который не может устроиться на нормальную работу. Поэтому эта баба сидит в офисе с 9 до 18-30, с утра до вечера разговаривает по телефону с подружкой, на обеде бегаёт по магазинам и тащит с работы все, что может украсть. У нее есть муж, поэтому низкая зарплата ее устраивает. Родина, Пенсионеры, Жизнь. Тупое название, наши из креативного отдела прикололись. РПЖ – Рот, Пизда, Жопа – три отверстия, в которые можно засунуть волшебный шнягус Гарри Поттера и хорошенько там поелозить. Как будто бы пенсионеры не относятся к родине или к жизни. Или жизнь, типа, это только родина и пенсионеры. Ну ботва же полная! Но, вроде, прокатывает: 20% голосов от коммунистов, ЛДПР и прочего сброда на последних выборах в Думу отжали.

- Что до ЛДПР, то она - партия для профессиональных пидорасов, - продолжил Николай Иванович и улыбнулся. – Ребята с самого начала были настроены на то, чтобы торговать своей жопой, пылесосить голоса, а потом добывая ими чужие портфели до контрольного или блокирующего пакета. Красивый бизнес, Владимир Вольфович – большая умница, клоун в самом высшем смысле этого слова, артист. Работает у нас внештатным сотрудником, за идею. Мы ему за это помогаем торговать на наших связях, временами бронируем под него квоты в регионах. Во Энке, например, дали ему как-то порулить, поставили его человека губернатором. Чисто подкормиться малость. Потому что Энка – дотационный регион, там особенно не разгуляешься. Правда, таможня, консигнационные склады и все такое.

- В общем, мы дали всем мастям - по частям, всем сестрам – по серьгам, - продолжал Николай Иванович. – Но в каждом обезьяннике должен быть альфа-самец, чтобы стая не разбежалась. Этот альфа-самец как раз мы и есть. Контора сегодня – это не просто учреждение. Это – скрытая политическая партия для блатных мира сего, это тайный орден, союз меча и орала, который в этой стране рулит, это церковь или секта (можешь называть как хочешь), это масонская ложа нового образца. Это – новая элита, которая пришла к власти в России после того, как нашу страну чуть не продали с потрохами на Запад Ельцин и другие негодяи из его ближнего круга. Заметь, Керим: когда в стране бардак, власть рано или поздно переходит к военным или спецслужбам. Так сплошь и рядом бывает в Латинской Америке и Африке. Мы тоже пошли таким банановым путем. Честно скажу - в этом нет ничего хорошего. Но для таких недоразвитых стран, как мы, иного выхода нет. Кстати, почему мы недоразвитые? Вроде, нефтяной ручеек течет, газики по трубам бегают, живи не тужи. Мы недоразвиты лишь потому, что у нас есть дефицит гражданского общества, дефицит полнокачественных элит. Вспомни 1992 год. Все, как крысы, бросились добывать благ для

себя. Никто даже не задумывался над тем, куда катится страна. А она катилась в пропасть. Как пароход, который сорвало со стапелей и понесло в открытое море. И, то и дело, кто-то выпадал за борт, а спасательных кругов не было и в помине, и всем было наплевать, как у Высоцкого: «Мало ли кто выпадает, - главное: с дороги за борт!». Все бросились делать дела. Кто-то обналичивал через кооперативы заначку КПСС и на этом рос, кто-то продавал недра, кто-то подбирал ваучеры и пилил заводы под себя, кто-то строил финансовые пирамиды и обувал народ. И только Контора, под натиском разопсевших дерьмократов, пыталась удержать страну в рамках. В итоге, мы позволили подняться и расплодиться поколению крысюков. Но крысюки крысюками и останутся, если их не рихтовать. Это барыги. А для блатных, ты знаешь, барыга – это животное. Точно так же, в глазах Конторы, все нынешние олигархи – это стремная масть барыги, животного, которого нужно рихтовать. Потому что барыга, в терминах НЛП, рассуждает с позиций первой карты: я, мне, мое, Куршевельск, шампанское по 1000 долларов за бутылку, бляди по 2000 долларов за ночь, яхты, бомонд, гламур и прочая ебатория. А мы, как элита, обязаны рассуждать с четвертой карты: мы, нам, наше. Наша страна, наш народ, наша промышленность. К тому же, мы, как разведчики и контрразведчики, еще постоянно должны держать в уме карту «они». К этому еще подойдем. В общем, не мы будем работать на олигархов, а они – на нас. Они будут целовать нас в жопу и давать нам денег на общее в виде налогов и иных обязательных отчислений во внебюджетные фонды, а мы периодически будем их сажать в тюрьму, как Ходора.

- Ходор, кстати, - продолжал Николай Иванович, - мне лично импонирует. И гораздо больше в роли арестанта, чем когда он, разогнавшись на нефтяных деньгах, пытался учудить государственный переворот. Человек 4 года отбарабанил в тюрьме и остался человеком, не расклеился, хотя мы ему там досаждаем, не без этого. Внушает. Кстати, Керим: мы, придя к власти, не пролили ни одной капли крови (если, конечно, не считать Чечни). Так что между нами и Пиночетом – большая разница. Мы действуем методами закулисы, мягкой и плотной рихтовки всего, что движется, прививания духоты. Газеты, которые нам мешают, мы закрываем. Телеканалы – форматируем. Нуждается сброд в хлебе и зрелищах? Пожалуйста. Вот тебе хлеб по 20 рэ за буханку, вот тебе водка по 60 рэ за бутылку, вот тебе бразильские сериалы. Для тех, кто считает себя интеллектуалами – Гордон (чуть не сказал – гондон). Для тех, кто, типа, интеллигент – канал «Культура». Зрелищ до дурья: «Аншлаг» (БыдлоТВ, как я это называю, для особо продвинутых), Пол Маккартни в Москве, ночные клубы. Все есть в ассортименте, только успевай отовариваться. Пирамиды Маслоу, кстати, никто не отменял.

Принесли кофе.

- Итак, мы приступили к форматированию страны, - продолжал Николай Иванович, - к формированию жесткой рамочной структуры, как на зоне. Все дельные продвинутые люди, все перспективные аналитики и управленцы так или иначе группируются вокруг нас. Госсектором в экономике рулят исключительно наши назначенцы, иногда просто выходцы из Конторы: Сечин, например. Это называется - кадровый подбор. Все ключевые позиции в крупных негосударственных монополиях тоже заполняются через согласование с нами. Если там начинают залупаться, мы человека одеваем на хуй, и он на этом хую начинает вертеться, как пропеллер. Методов до дурья, у нас на каждого собран обширный компромат. В общем, рихтуем. Сейчас начали зачистку региональных администраций: достаем компромат, сажаем всех воришек (а они там все воришки, поэтому выбор у нас огромный), на их места расставляем своих людей. Олигархи, естественно, у нас в торбе – потому что на них на всех компромата до дурья. Комсомольцы хреновы. Иногда пытаются откупиться от нас, нам смешно. Вексельберг, вон, затарился яйцами Фаберже, сдал в музей. Так мы же его за эти яйца Фаберже и подвесим, если будет фокусничать. А если мы взяли под себя крупный бизнес, армию, политическую жизнь, масс-медиа, - значит, у нас в торбе находится вся

страна. Так, Керим? Не спи, замерзнешь. Выпей кофейку. Понимаю, что рано встал, но, может, это твой последний день на этом свете, так что проспять его было бы глупо.

- Прошу прощения, - сказал Керим. Встряхнулся, помотал головой. Отпил кофе.

- Тогда я продолжу, - сказал Николай Иванович. – Керим, я не пытаюсь тебе ездить по ушам, я пытаюсь изложить всю затею, как она есть целиком, обрисовать всю поляну. Чтобы было понятно существо моего к тебе предложения. Ты думаешь, что это политинформация. Нет, Керим, это самая что ни на есть реальность. Ты не привык к этому так относиться, потому что ты по телевизору последние четыре года только программу «Время» перед отбоем и смотрел. А мы в этом каждый день варимся, каждый день принимаем какие-то решения. Сегодняшний день я очистил под тебя, а так у меня в приемную очередь на полдня. Причем самые разные вопросы: подобрать человека в «Газпромнефть», найти зарубежного дилера для КАМАЗа (в Африке машины идут на ура), поменять собственника на телеканале ТВС. Но большей частью – идеологические проекты, как раз подошли.

- Все бы и хорошо в этой схеме, - продолжал Николай Иванович, - если бы не одна вещь: полный провал в идеологии. Нация идеологически не отстроена. И более того – начисто дезориентирована. В таком морально-политическом состоянии нам войну не выиграть. Ты знаешь, что нам предстоит война с Китаем через двадцать лет, Керим?

- В первый раз слышу, - сказал Керим.

- Они тоже не знают, - сказал Николай Иванович. – Вернее, так: возможности не исключают, но всерьез не задумываются об этом. Хотя факты говорят сами за себя. Глобальное потепление, перемена климата. Подъем уровня моря, нездоровая геологическая активность в районе Индийского и Тихого океанов. Цунами, ураганы с нарастающей интенсивностью. Огромные территории Китая попадают под затопление и стихийные бедствия, типа ураган «Катрина». К тому же, поднимается температура воздуха. Большое количество районов вблизи 20-й – 30-й параллели становятся непригодными для проживания по климатическим условиям. Население Китая (этак миллионов двести человек) захотят мигрировать севернее. Но их там никто не ждет, там и так люди живут человек на человеке. Вот – первая причина возможной экспансии. Вторая причина – это бурный промышленный рост. Китаю не хватает энергоносителей. Сейчас он их шакалит по всем странам мира. Но в какой-то момент эта лавочка закроется, потому что все остальные тоже растут, и им тоже не хватает сырья. Запасы нефти, как ты знаешь, конечны, добывать ее все тяжелее. Постепенно будет идти замещение бензина и дизтоплива на этиловый спирт, в ход пойдут электромобили. Придется строить атомные станции. Но это длительный производственный цикл, Китай может и не успеть. Третье: гегемонистские устремления, идея Большого Китая как мировой империи. Итак, дефицит территорий, дефицит энергоресурсов, идеологическая экспансия. Что будет делать Китай? То, что он делает сейчас: переезжать к соседям, в том числе к нам. У нас до Сибири и Дальнего Востока руки не дотягиваются – слишком далеко. А у Китая – все под носом. Сначала они выстраивают свои диаспоры. Потом постепенно начинают выдавливать коренное население из всех сфер. Ползучая колонизация. И в час «Х», когда они всерьез будут готовы начать войну, у них будет заряжено две пятых колонны: у нас в Сибири и в южном Казахстане (там, кстати, они уже поставили во власть своих лоббистов). Нападение пойдет по двум линиям. При этом у них будут готовы базы для вторжения, созданные колонистами. Они войдут в Россию и в Казахстан по их спинам. А что мы? У нас нечем воевать. Сколько бы ни было у нас ядерных бомб, Китай ими не забросать. Потому что они гораздо раньше успеют переползти на нашу территорию, а сами себя мы бомбить не станем. Предположим даже, что мы застанем их врасплох, резко ужесточим миграционные правила. Но тогда они поступят по-другому: они будут вызывать к себе наших женщин, делать с ними

детей – и приходите в Россию уже на правах отцов граждан нашей страны. Это будет немножко дольше, но с этим мы уже ничего поделать не сможем. За ближайшие 20-30 лет поколение новых российских китайцев успеет подрасти – и сделается опорой для вторжения.

- Тем самым, - продолжал Николай Иванович, - Россия будет вынуждена сжаться до размеров Древней Руси, потеряв главное – две трети территории, энергоисточники и полезные ископаемые. Это – смерть нации. И главное: Китай – это идеологический монолит, благодаря старику Дэнсяопину, который умудрился сделать невозможное: внедрить в массовое китайское сознание гибрид из коммунистических ценностей, традиционных конфуцианских установок и ставки на модернизацию. Это – базис современной китайской идеологии. Мы, Контора, пытаемся сыграть роль новой КПСС, повторить маневр старика Дэна, но до этого нам еще срать и срать. А они не потеряли свой становой хребет, поэтому их идеологическая эволюция не прерывалась. В этом смысле они имеют колоссальную фору перед нами. Они донельзя пассионарны, в смысле Гумилева. А мы – совершенно обескровлены, морально обессилены, устали от экспериментов над народом. И генофонд изрядно подорван – расстрелами и войной. У них – раннее лето на историческом календаре, у нас – поздняя осень, перед самыми заморозками. Это несмотря на то, что, как этнос, они значительно древнее нас.

- А кто расстреливал-то, я опять не догоняю? – спросил Керим язвительно. – Вы так говорите, будто бы это марсиане прилетели и начали всех мочить из лазерных огнеметов. Гэбуха же и расстреливала. А войну кто проспал? Ваши же холуи.

- На тот момент, - терпеливо ответил Николай Иванович, - мы не играли самостоятельной роли в этих раскладах. Мы служили послушным инструментом зачистки псевдоэлит, при полном одобрении народа, кстати говоря. Что можно было делать по линии внешней разведки, мы делали. Мы выступали в роли подтирающего подразделения. Сегодня у нас самостоятельный выход, и все должно сложиться по-другому. Но вернемся к нашим китайским баранам. Я изложил свою позицию руководству, наверху со мной согласились. Сказали: давай, Николай Иванович, поднажми на идеологию. Вопросы по Чечне и исламу передавай смежникам, а сам начинай ковать идеологическую программу для нации. Сейчас это главное. Я собрал совещание по управлению, провели мозговой штурм, пригласили политологов, историков, культурологов, деятелей церкви. Все в один голос заявляют, что нужно отталкиваться от модернизированного православия как идеологического базиса для постсоветской России. Потому что в отпущенные нам сроки другого идеологического воспитательного каркаса для населения мы создать не успеем. Начали проводить исследования, подняли всю отчетность, что мы имеем по церквям за советский период - и изрядно приуныли. Потому что не на что опереться – одна труха.

- И самый верный здесь индикатор, - продолжал Николай Иванович, - это динамика потребления мясомолочной продукции населением в период февраль – апрель. Идет Великий Пост. По смыслу, размеры потребления молока и мяса должны упасть. Статистика свидетельствует об обратном: устойчивый рост потребления на 10 процентов в год, и никакого сезонного провала. Мечут только шум. Далее. Возьмем празднование нового года. Динамика потребления такая: резкий всплеск по всем основным видам продовольствия. А, между тем, на дворе – опять пост, Филиппов. Старый новый год уже практически не празднуется. Тем самым, мы наблюдаем тотальное игнорирование церковного календаря. Потому что в бытовой практике, во всех офисах, на всех рабочих местах используется григорианский календарь, а не юлианский. Юлианский календарь – это анахронизм, так он народом и рассматривается. Более того: спроси 100 человек на улице, по каким правилам определяется день Пасхи. Можем биться об заклад: никто не ответит.

- Но даже и не это главное, - продолжал Николай Иванович. – У нас тайна исповеди и все такое. Но есть тайна исповеди - и есть аналитическая работа на материалах с мест. По отчетам, которые мы получаем из церквей, усредненный портрет российского верующего сегодня такой. Это человек (назовем его Коля), который ни во что особенно не верит из того, что ему продвигается в качестве официального православного пакета. Но ему нравится ощущать себя православным, сегодня это как бы модно. Коля не так часто посещает службу (некогда, деньги надо зарабатывать), но с удовольствием стоит в храме по большим праздникам. Как Коля постится, я уже говорил выше. Совершенно точно, Коля не верит в ад; рай он еще как-то готов принять, но он не до конца понимает, что ему там делать. Скорее всего, Коля предполагает жить вечно, причем в условиях, сходных с нынешними. Коля имеет жену Машу, дочку Наташу, любовницу Дашу и собаку Глашу. С любовницей он периодически и с удовольствием спит. При этом всякий раз ему бывает стыдно от наделанного, и он несет этот грех на исповедь. Батюшка (если у него есть время) грозит Коле пальцем, но грех все равно списывает. Коля внутренне хочет исправиться, но не может; тем более ему кажется, что Дашу он любит, а Машу – нет. Поэтому нелюбовь к Маше в рамках брака – кажется Коле его священным долгом, его крестом, а любовь к Даше – бонусом за его, Колино, подвижничество. Роза и Крест, едрен батон. Коля, скорее всего, не очень богат. У него есть машина, но это не Лексус (водители Лексусов и их семьи окормляются не у батюшек, а у астрологов и экстрасенсов). Машина часто ломается, поэтому в такие воскресенья Коля проводит не на литургии, а в гараже (обычно просит жену сходить за него). У Коли есть огород, поэтому он практически не бывает на воскресных службах летом. В эти времена по церквям стоят бабушки, у которых нет никакого огорода, и уж подавно - автомобиля. Оплот церкви сегодня – это маргиналы, с которыми каши не сваришь. Конечно, и Лужков крестит лоб. Но это, скорее, московская хохлома, как я это называю. Православие а-ля Зураб Церетели и его поделки, типа Лужка Спасителя. Пелевин написал слоган, я ржал: «Христос – солидный Господь для состоятельных господ». Очень точно приложил. Словом, у Коли есть православная жизнь, которая идет своим чередом, от случая к случаю, и есть родовая жизнь, которая не прекращается ни на минуту. Две эти жизни каждая идут сама по себе, не смешиваясь. По большому счету, никакой Христос Коле не нужен, он и так прекрасно справляется. Когда Коля заболевает, он ищет помощи у Христа наравне с современными лекарствами, экстрасенсорными практиками и шаманским камланием. Потому что в такие времена Коле уже все равно, какому пню поклониться ради выздоровления. До и после смерти Коля получает весь комплекс православных услуг: соборование, причастие, сорокоуст, панихиду, специальные ленты с молитвами на лоб, освященную землю в гробик, заупокойную записку. При этом Коля умирает таким же, по сути дела, атеистом, каким и пришел в этот мир. И его жизненный след, - все, что осталось от Коли, - доказывает это лучше всяких заклинаний. Как говорит отец Филимон, прироста в Боге не происходит. Филимон, кстати, очень хорошо о тебе отзывался все это время. По мне, один из лучших батюшек в мордовском клире, далеко пойдет. Если мы поможем. А мы – поможем.

- В советские времена было все не так, - продолжал Николай Иванович. – Комсомолец не только знал, что он комсомолец, или числился в комсомоле, - он был комсомольцем по своему внутреннему устройству. Он знал, что скоро война, поэтому он готовился встать на защиту Родины, вступал в ДОСААФ и в Осоавиахим, осваивал рацию, парашют, занимался спортом. В первые же дни войны молодежь массово вербовалась в диверсионные отряды для заброски в тыл к немцам. То есть, частная жизнь и убеждения находились в согласии. И вот с такими людьми мы выиграли войну. А теперь подумай, за что Коля и ему подобные готовы будут умирать. Раньше это была Родина, Отчизна. Сталин. Семья. Дом. Теперь же Коля предпочтет не умирать за Родину, а помахать ей ручкой, перемещаясь в более сытые и благополучные страны. Что, разве станет Коля умирать за русские березки? Нет. За Вексельберга и его яйца? Нет. За пидорасов в Госдуме, за ночные клубы, за гламур, за

обдолбанных подростков по подворотням? Ни в коем случае. И уж подавно, никакой Коля не будет умирать за Контору, хотя Контора сегодня – это штаб, вокруг которого группируются все передовые отряды российской жизни. Потому что других полноценных элит в России нет – и не предвидится.

- Сегодняшняя церковь, - продолжал Николай Иванович, - скроена по наихудшим калькам образца девятнадцатого века. У этой церкви начисто отсутствует интерес к злободневной проблематике, к жизни города и мира, *urbī et orbī*. Православная церковь – это вещь в себе, которая дожидается Апокалипсиса уже 2000 лет, и все никак дождаться не может. Протестантские и католические варианты христианства, кстати, начисто лишены этого эсхатологического дефекта. Они стараются научить свою паству жить в полную силу в текущем историческом времени. Такого злободневного, актуального воспитания активной жизненной позиции в православии мы не имеем. У нас учат: надейся на Бога во всем. А я говорю себе строго наоборот: Бог-то Бог, да сам не будь плох. Безо всякого Бога прожил на этом свете пятьдесят лет с хвостом, и еще проживу.

- К этому надо присовокупить проблему священнослужителей, - дополнил Николай Иванович. – По деревням и мелким городам влачат свое жалкое существование священники с минимальными приходами, бедные, как церковные крысы. На них, в принципе, и держится все лучшее, что сохранилось в церкви на настоящий момент. Но у этих людей нет голоса на площадях, нет влияния на церковные порядки (иногда какой-нибудь Диодим Камчатский напишет с перепоя открытое письмо Патриарху, и на этом все заканчивается). Чем ближе к столицам, чем выше по уровню иерархии – тем тоскливее. Сегодня место священника в московском храме стоит 50 тыс. долларов, и это – самый захудалый приход. Отбивается это за пару лет, потом батюшка перестает ходить пешком и пересаживается на «мерс». Парни из епископата все работают на нас, причем по многу лет. Их главный шпилит на нас аж с 1958 года, в этом году отмечаем 50 лет, надо будет чем-нибудь одарить старика. Это позволяет нам сохранять контроль над происходящим. Но это же позволяет нам сомневаться в жизнеспособности всей схемы. Раз от раза всплывают истории с мальчиками из церковного хора. Вовсю идет торговля сувенирами, земельными участками, недвижимостью, сигаретами и бензином. Они все лояльны до безобразия (боятся быть оттертыми от благ), но эта их лояльность – палка о двух концах. Потому что продвинутая публика смотрит на всю эту кухню незашоренными глазами, их начинает тошнить, и они подаются в буддизм. Или формируют скрытую оппозицию духовной власти. По Энской области я хорошо знаю обстановку (недавно приехал оттуда), поэтому приведу пример из региона. Умерли трое старцев, на которых равнялся православный люд, которые уже заочно признаны месточтимыми святыми. Николай Беловский с острова Белов, Иоанн Ладыгин из Песчанского Успенского монастыря и Валентин Анисимов из села Катки. Что в сухом остатке? Архиепископ Евтихий, который абсолютно не воспринимается мыслящей интеллигенцией. Отец Севостьян, иконописец с мировым именем – осмелился причаститься с католиками (формально это, кстати, не запрещено), Евтихий его запретил в служении. Отец Павел Арнгейм написал книгу, где подробно излагает нравы, царящие в местной епархии. Евтихий и его бы запретил, если бы не начала подниматься паства (отец Павел очень популярен в народе; кстати, мы его одно время сажали за строительство православного храма в Бухаре, в лагере он потерял ногу). Журналист Василий Гулькин. Издавал газету «Благосвет», не угодил епископу, уволен. Евтихий – человек заносчивый и мстительный. Между ним и продвинутым православным народом ширится пропасть, а он даже этого не понимает, не желает прислушиваться. И он абсолютно не политик, не чует, какие веяния на дворе. Будем его менять, это уже решенный вопрос. Но таких, как Евтихий, большинство в епископах, и выбирать особенно не из чего. Все они были воспитаны в одних и тех же убеждениях. Им прививались одни и те же установки, сначала в семинарии, потом в

академии. То есть реформы, модернизация – могут просто захлебнуться в этом омуте из единосущия и подобострастного жоповоления младших перед старшими.

- Посмотрим теперь на срез поколений, - продолжил Николай Иванович. – Сейчас умирают так называемые шестидесятники – люди, родившиеся перед войной и сформировавшиеся в хрущевскую оттепель. Застава Ильича, Политехнический музей и т.д. Этот отработанный во всех отношениях пар мы не рассматриваем. Далее. У руля стоят сегодня их дети, которым по 40-50 лет. Но, по состоянию на час X (ориентировочно 2025-й год) этого поколения тоже не будет на свете. Соответственно, наши усилия должны быть направлены на тех, кто родился в конце 80-х – 90-х годов. Эти люди уже не помнят прелестей застоя и ужасов сталинизма, они не нюхали чеченского пороха, не стояли за вкладами очередь в Сбербанк по 4-5 часов, не оставляли денег в МММ. Это все равно что чистые листы: что на них напишешь, то и будет. До сего дня наша молодежь не попадала под прицельную идеологическую обработку, потому что сама идеология в России приказала долго жить. Лучшим воспитателем у наших детей был «Макдональдс», куда их с детства по воскресеньям водили обедать. Но это пора ломать.

- Встает традиционный вопрос, - начал сворачивать Николай Иванович свою лекцию, - «что делать?». Ответ ясен: воспитать молодое поколение так, чтобы выиграть войну завтрашнего дня. Как? На основе модернизированного православия. Что для этого надо сделать? Создать параллельную околоцерковную структуру; потому что, как теперь件нятно, в рамках сегодняшней церкви никакое современное воспитание молодежи невозможно. Это будет что-то наподобие церковного православного комсомола, который плавно перерастет в церковную партию, типа ХДС в Германии. Со временем мы сделаем эту партию правящей, а комсомол – традиционно – кузницей кадров. И тогда все встанет на свои места. В царское время министр народного просвещения граф Уваров сформулировал триаду: Православие, Самодержавие, Народность. Сегодня это звучит так: Контора, Госкапитализм, Церковная Партийность. КГЦП. Малость смахивает на ГКЧП, ну да ладно. В таком формате Россия имеет все шансы на выживание. Обрядившись в православные одежды, новое молодежное движение не будет отринуто околоцерковными массами как нечто чужеродное; тем более, мы сделаем так, что этот комсомол будет иметь благословение и поддержку официальной церкви на всех уровнях. Но это движение будет православным только по букве. На практике, оно вберет в себя лучшее, что есть в мировых христианских конфессиях. У протестантизма оно возьмет публичность и открытость обсуждения, у католичества – практику церковных орденов, действующих на правах широкой автономии от церкви, в рамках собственного устава. Тем самым мы обеспечим надежный стык церкви и мира, веры и дел. Наша церковь, что называется, застоялась, пора на проветривание.

- Таким образом, Керим, - завершил Николай Иванович, - первая половина моего к тебе предложения состоит в следующем: стать одним из руководителей вновь создаваемого церковного комсомола. Учредить движение, написать ему программу, сформировать региональную сеть, разработать устав, бренд и т.д. У тебя есть для этого все данные, кроме биографии. Но биографию мы поправим. Что скажешь?

- Все это очень интересно, - сказал Керим. Он не ожидал подобного поворота дел. В том, что ему предлагалось, не было ровно ничего, расходящегося с его, Керима, сложившимися убеждениями. За исключением одного: все это шло от Конторы, от которой, как полагал Керим, в принципе не может исходить ничего хорошего. – Но я бы предпочел выслушать и вторую половину, чтобы ответить сразу по двум пунктам. Потому что, как я понимаю, несогласие в одном из пунктов влечет несогласие во всем – со всеми вытекающими.

- Да, ты совершенно правильно понимаешь, - отвечал Николай Иванович. – Трезвый ответ. Тогда я продолжу, если ты не против. Или в туалет хочешь?

- Нет пока, - отвечал Керим. – Но, может быть, мы пообедаем? А то, если дело пойдет криво, мне придется отправиться на тот свет не евши, а это плохо. То ли ваша лекция на меня так подействовала, то ли в целом обстановка нервная, но меня что-то на жрач пробило конкретно.

- Это вообще не вопрос, - сказал Николай Иванович. Нажал кнопку на селекторе: «Слава, два обеда». – Мой помощник. На выезде я без него как без рук. Ладно, продолжим. Руководить церковным комсомолом – это задание №1, это публичная часть твоей потенциальной миссии. Есть еще непубличная, абсолютно закрытая тема, в которой тебе предлагается сыграть первую скрипку.

- Недавно и совершенно случайно мы наткнулись на одну фигуру, - начал объяснять Николай Иванович, - вернее сказать, на одну ересь. Если этой ереси дать ход, то все наши благородные начинания по формированию православного комсомола могут пойти прахом. Соответственно, проиграна война с Китаем, а этого допустить мы никак не можем.

Николай Иванович подошел к сейфу, достал из него папку, закрыл сейф.

- Вот, Керим, знакомься, - сказал Николай Иванович. Протянул Кериму первую фотографию, которую Керим с любопытством начал изучать. – Досье на некоего Резанцева Александра Дмитриевича, 1963 года рождения (как и ты, вы одногодки), уроженца города Энска. Русский, беспартийный, доктор экономических наук, кандидат технических наук, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Одновременно – мошенник, аферюга первостатейный.

- У него биография действительно пестрая, - дал Николай Иванович свою оценку. – Рос он, как и все дети застойного времени, был прилежным учеником, окончил школу с золотой медалью. Его дед – заслуженный учитель России, 55 лет отработал в школе, его знал весь город (кстати, по отчетам, работал на нас – правда, без энтузиазма). А его прадед – вообще легендарная личность. В годы войны он возглавлял Энскую православную миссию, ему фашисты передали на сохранение Тихомировскую икону Божией Матери, которую он хранил в своем доме. Саша окончил школу №1 – одну из первых гимназий России, созданных по приказу царицы Елизаветы. В ней учились Каверин, Тынянов, Брадис (помнишь, были в школе логарифмические таблицы Брадиса?). Сашин дед хорошо знал Каверина, они встречались и переписывались. Саша окончил школу с золотой медалью, потом поехал в Ленинград, поступил в политехнический институт, красный диплом, остался на кафедре, женился, защитил диссертацию на спецтему по оборонной проблематике, затем устроился работать в военное училище, у него родился сын.

- Потом наступил 1992 год, - продолжил Николай Иванович. – И что-то там такое сломалось в оборонке, что перестали платить. Саша с семьей был вынужден эвакуироваться во Энск (рос сын, нужен был уход). Перебивался разными смешными заработками, пока не началась ваучеризация всей страны, и Саша понял, что это – его тема. Нашел какого-то папика, они вместе создали инвестиционную компанию «Успешные инвестиции» и быстро раскрутились. По состоянию на начало 1994 года эта фирма была крупнейшей в городе по профилю, и по всей области у нее были открыты представительства. Они пылесосили ваучеры, занимались продажей ценных бумаг, участвовали в приватизации. Саша быстро разбогател, набрал политический вес. Он был очень популярен, потому что вел свою программу по местному телевидению. Начал строить церковь на городском кладбище. Тут он вплотную

познакомился с архиепископом Энским и Волчанским Евтихием, о котором я говорил. Евтихий уговорил его покреститься. Сашу даже хотели выдвигать на мэра города.

- Но потом что-то у них не срослось, - продолжил Николай Иванович. - Они начали продавать товарные векселя фирмы «Водолей», которая через полгода обанкротилась. Пирамида. Я как раз ездил во Энск, изучал обстоятельства этого дела на месте, по следам бременских музыкантов, что называется. Всего пострадало порядка восьми тысяч человек, и куда-то запропало порядка 5 миллионов долларов. Вон было много. Больше всего потерпевших потрясла не потеря денег (хотя и это тоже), а то, что они доверились проходимцу, чья семья во Энске была до сего дня на очень хорошем счету (Энск – город маленький). Саша божился, что он не при делах, но его и подельщицу Дарью Завьялову определили в Энское СИЗО, где они и просидели по 4 года, пока их не выпустили по УДО. Денег, конечно, так и не нашли. Дарья до сих пор торгует пряниками на энском рынке (она и начинала свой бизнес с торговли пряниками, что характерно), я с ней малость пообщался. Саша по выходе тоже, вроде, не озолотился. Так что в этой истории есть пробелы.

- А почему они столько времени просидели в СИЗО? – спросил Керим. – Вроде, должны были в зону ехать.

- Потому что у них суд длился два с лишним года, - отвечал Николай Иванович. - Уголовное дело 200 томов, и вдобавок 200 томов бухгалтерских документов, обозревали полистно, сводили концы с концами. Пару раз на доследование отправляли дело. Вот и набежало.

Принесли обед. Собеседники приступили к трапезе, но беседа не прерывалась.

- После своего выхода из СИЗО в 1998 году, - продолжил Николай Иванович, хлебная рассольник, – Резанцев долго думал, чем бы ему заняться. Жена от него ушла. В Энске, понятно, ему было уже нечего ловить. Он подался в Питер, попросил помощи у друзей. Они его временно трудоустроили. И тут Сашу осенило. Он припомнил, что когда-то был кандидатом наук. И на этом поприще он решил восстановить свои позиции. Он всерьез начал заниматься наукой – применением нечетких множеств в экономических исследованиях. До этого в России этой тематикой не занимался никто, так что у Саши появилось конкурентное преимущество. Снял жилье. Сделал свой собственный сайт в Интернете. Написал несколько книг и опубликовал их. Защитил докторскую диссертацию по профилю. Женился на девушке с квартирой, выправил прописку. Работал в ряде крупных международных компаний – проектировал наукоемкое программное обеспечение. Затем начал работать на себя. Основал международную сеть научных лабораторий по направлению Fuzzy Economics, основал журнал «Риски бизнеса». Это он на фотографии в обнимку с профессором Лотфи Заде, основателем теории нечетких множеств. 2006 год, Беркли, штат Калифорния, 40 лет со дня выхода в свет первой работы Заде. Мы еще будем разбираться, что это за направление такое – нечеткие множества, но по всему миру рынок устройств на этом принципе составляет десятки миллиардов долларов в год. Так что это серьезно. Мы опросили экспертов, они считают, что Резанцев – это крупнейший специалист по направлению, у него создана научная школа.

- Наши люди на него вышли совершенно случайно, - продолжил Николай Иванович, - причем одновременно по двум линиям. Сначала он впрягся в освобождение из-под стражи вора в законе Вячеслава Иванькова, по кличке Япончик. (Кстати, Слава год просидел, а потом его освободили подчистую – дело в суде развалилось, свидетель пошел пятками назад). Опубликовал статью в Интернете: «Простить Сергея Мавроди». Понятно: рука руку моет. Потом наши заметили, что с Резанцевым переписывается Ходорковский. А вот это уже гораздо серьезнее. Тюремная солидарность, единство участи и прочее. Начали подбирать на

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

Резанцева досье. И тут мне ребята из соседнего управления месяц назад присылают профайл Резанцева с припиской: дескать, вроде, по твоей части. И – ссылку на блог Резанцева на портале Mail.Ru. А там Резанцев выложил свою новую книгу (он еще и писатель, оказывается). Называется «Дневник апостола Фомы». Ну, мало ли кто что пишет. Вон, Дэн Браун по теме, в каждом киоске. Но одно дело – абстрактные наезды на Христа (мол, Магдалина от Него беременна была и все такое, мы это уже тоже проходили, в фильме Скорцезе). Но тут – совсем другая песня. Резанцев утверждает, что в одной из прошлых жизней он был апостолом Фомой. На одной из страниц своей книги он приводит полный послужной список его найденных воплощений, можешь ознакомиться.

Керим взял лист, любезно переданный ему Николаем Ивановичем. Прочел:

Александр Резанцев, он же:

- *Соломон, сын Давида, царь иудейский (? - ?)*
- *Фома, апостол (? - ?)*
- *Ориген, еретик (185 – 254)*
- *Арий, еретик (256 – 336)*
- *Теодорих Великий, король остготов (454 – 526)*
- *Максим Исповедник, мученик (582 – 662)*
- *Андрей Боголюбский, князь (1110 – 1174)*
- *Антоний Падуанский, монах (1195 – 1231)*
- *Сандро Боттичелли, художник (1445 – 1510)*
- *Джон Нокс, основатель шотландской пресвитерианской церкви (1513 – 1572)*
- *Якоб Беме, мистик (1575 – 1624)*
- *Симон Ушаков, иконописец (1626 – 1686)*
- *Алексей Петрович, цесаревич, сын Петра I (1690 – 1718)*
- *Карло Гоцци, драматург (1720 – 1806)*
- *Роберт Шуман, композитор (1810 – 1856)*
- *О.Генри (У.С.Портер), писатель (1862 – 1910)*
- *?, русский разведчик в фашистской Германии, расстрелян (1913? – 1944)*

- Но ведь это же дурдом на ветке ведьма, - сказал Керим. – Соломон – это который Песнь Песней, Притчи, Премудрость и Екклесиаст? У него губа не дура, как я погляжу.

- Да, губа не дура, - ответил Николай Иванович. – И не у него одного. Представлю тебе еще двух барышень из его круга, и тогда ты увидишь, что палата № 6 понемногу наполняется. Светлана Ростова и Ирина Баранова, домохозяйки, прошу любить и жаловать. Вот их фото и списки воплощений. Кстати, живут в Зеленограде, в часе езды отсюда на машине. Тоже по прошлым жизням – не последние люди.

Керим прочел:

Светлана Ростова, она же:

- *Моисей, пророк (? - ?)*
- *Давид, царь иудейский (? - ?)*
- *Сократ, философ (469 до н.э. – 399 до н.э.)*
- *Андрей, апостол (? - ?)*
- *Константин I Великий, император Византии (274 - 337)*
- *Владимир Красно Солнышко, киевский князь, инициатор крещения Руси (955 – 1015)*
- *Фёдор I Иоаннович, сын Ивана Грозного (1557-1598)*

- *Лейстер, Джудит, фламандская художница (1609-1660)*
- *Пётр I Великий, русский царь (30.05.1672-28.01.1725)*
- *Вяземский, Александр Алексеевич, генерал-прокурор Екатерины II (03.08.1727-08.01.1793)*
- *Лермонтов, Михаил Юрьевич, русский поэт и руководитель "кружка шестнадцати" (15.10.1814-15.07.1841)*
- *Никса. Цесаревич Николай Александрович, 1-й сын Александра II (8.09.1843-12.04.1865)*
- *Николай II, последний русский царь (19.05.1868-1918)*
- *?, русский разведчик в фашисткой Германии, расстрелян (1920/21-1944)*

Ирина Баранова, она же:

- *Гомер, поэт (? - ?)*
- *Эзоп, баснописец (VI век до н.э.)*
- *Диоген Синопский - (около 404-323 до н. э.)*
- *Гораций, поэт (65 до н.э. – 8 до н.э.)*
- *Павел, апостол (4 – 64)*
- *Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева (Романова), жена Ивана Грозного (1530-1560)*
- *Ирина Фёдоровна Годунова, жена царя Фёдора Иоанновича. (1562/3-1603)*
- *Рембрант Харменс ван Рейн, голландский художник (15.07.1606 - 4.10.1669)*
- *Никита Матвеевич, сподвижник Петра I, не идентифицирован полностью (приблизительно 1673/4 - 1725)*
- *Петр III Фёдорович, русский царь с самым коротким временем правления (10.02.1728 -1762)*
- *? (1765 - 1792). Есть отчётливые воспоминания о пожилой Екатерине II, располневшем Вяземском и собственном мундире*
- *Лермонтова Мария Михайловна, мать поэта (17.03.1795 - 24.02.1817)*
- *Долгорукий Александр Николаевич (нет уверенности в имени) (1819 - 1842)*
- *Эльза, кузина Никсы (1844 – 1863)*
- *Боткин Евгений Сергеевич, лейб-медик Николая II (1865 - 1918)*
- *?, русская разведчица в фашистской Германии, расстреляна (1920 - 1944)*

- В общем, - сказал Николай Иванович, когда Керим завершил чтение, - проходу нет от Наполеонов. Куда ни плюнь, везде одни Давиды цари, апостолы и поэты с мировым именем. Небось, родиться каким-нибудь Сидором Петровичем или Петром Сидорычем ни у кого нет желания, не прикалывает. Не знаю, обратил ли ты внимание, но все трое в одной из жизней были апостолами Христа. Ну, как они утверждают, что были. Я уже сказал, что с уважением отношусь к чужим убеждениям, пусть даже это клиника. Ровно до того момента, пока это не начинает угрожать государственной безопасности.

- А где вы видите здесь угрозу? – поинтересовался Керим.

- Аполитично рассуждаешь слюшай, - с укоризной сказал Николай Иванович, симитировав товарища Саахова из «Кавказской пленницы». – Ты когда-нибудь в православной церкви стоял? Кто главные любимцы русского народа? Богородица Мария с Младенцем и Никола Угодник. Любая старая бабушка крестит свой сморщенный лобик на эти иконы, ставит свечи. А теперь подойди к этой бабушке и спроси: где, бабуся, святой Николай Мирликийский Чудотворец сейчас обретается? Что она тебе ответит? На небесах, милок, а иногда спускается на землю делать свои святые чудеса ради спасения нас, грешных. А ты ей в ответ: у вас, бабушка, устаревшая информация. Ни на каких он не на небесах, а работает он в

Московской областной филармонии, колесит по стране с фортепьянными концертами. Как тебе такая гайка? Оказывается, что небеса пусты, и что святые апостолы – никакие не святые, а сборище интриганов. Почитаешь дневник Фомы – и становишься не по себе. Прикинь, что все написанное Сашей Резанцевым – чистая правда. Исключаешь такую возможность? Я лично – нет. Потому что нас в Академии учили методично прорабатывать все версии, заранее не исключая ни одной. Неважно, откуда Резанцев берет свои интуиции, откуда он вообще взял, что он – Фома. Бывает такая мифология, которая действует убедительнее и точнее любой самой что ни на есть реальности. Потому что когда Резанцев пишет об апостолах, я узнаю *людей* – из плоти и крови. Не святых на тоненьких ножках, как пишут на иконах, не подвижников и не отшельников. А наоборот – лицемеров, злопыхателей, гордецов, трусов и предателей. И это звучит правдоподобно, если поднять подлинную историю церкви и беспристрастно на нее посмотреть. И кто же тогда захочет молиться на иконы святых? Если это будет все равно что драть на Памелу Андерсон в фильме про казаха Бората.

Керим расхохотался.

- Ничего смешного не вижу, - оборвал его Николай Иванович. – Получается, что традиционное православие вступает в конфликт с идеей реинкарнации и кармы. При этом, если на одну чашу весов положить все православные чудеса (а ведь именно на чудеса клюет публика), а на другую чашу – якобы научно доказанные факты переселения душ (объем литературы на эту тему растет как снежный ком), то неизвестно, что победит в массовом сознании. Следующий тезис. Посмотри на данные по Свете Ростовской. Там царь на царе, князь на князе. В России чрезвычайно любят самозванцев. Любой самозванец, как сказал Пушкин в трагедии «Борис Годунов», силен мнением народным. Что, если эта дама или ее дети вдруг примутся претендовать на российский престол, который сейчас, как ты понимаешь, пустует? В русской эмиграции нет согласия по поводу того, какая из ветвей Романовых является престолонаследной. У них там склока. Ельцин в 1998 году позвал великую княгиню Леониду Георгиевну хоронить царские останки в Петропавловской крепости. Многие за границей в этот момент поморщились; тем более считается, что «Кирилловичи» не имеют ни малейшего права на престол, и в эмиграции это всем известно. А тут появляется женщина, которая якобы помнит свое воплощение Николаем Вторым. Расскажет, куда она (он) припрятал (а) часть фамильных драгоценностей и прочих авуаров. И вдруг, как спецом, на счете в Швейцарском банке обнаруживается соответствующая сумма, а в сейфе – те самые бриллианты. И тут выходит, что у нас есть готовая императрица. Красивый мультик про спасшуюся Анастасию имени Уолта Диснея. Потом она начинает вспоминать себя царем Петром. Потом – Владимиром Святославовичем. Потом – апостолом Андреем, что воздвигает крест на Киевских горах, по преданию. А давайте-ка ее на царство, решат все патриотические круги. В результате, у нас проблемы. Мы ведь не собираемся отдавать власть, менять конституцию и государственный строй. Немного подобного пиара, – и мы оказываемся на пороге гражданской войны, аккурат перед самым китайским вторжением. Очень надо!

- Еще одно, - продолжал Николай Иванович. – У Резанцева в списке идут подряд Ориген и Арий, два в одном. Всякому мало-мальски православному известно, что это – злейшие враги веры. Им давно уготован один из кругов ада, самый высокотемпературный, по мнению Данте. А тут получается: вместо того, чтобы жариться на вертеле за свои художества, этот горе-ересиарх проводит международные научные конференции и гуляет по вечерам с собакой. Публика, под влиянием пропаганды г-на Резанцева, задается вопросом: а так ли уж верна модель ада, как она представлена в видениях св. Феодоры Царьградской и в житии св. Василия Нового? И есть ли вообще ад в загробном мире, не туфта ли это? И как выглядит рай, если выясняется, что верные, казалось бы, кандидаты в Царствие Небесное, по факту превосходно разгуливают по Земле и меняют жизни, как перчатки? И многие уже стали

поговаривать, что после Освенцима и ГУЛАГа любой православный ад – это не более чем хреновая литература. Что настоящий-то ад – как раз на Земле.

- Мне нравится такая точка зрения, - одобрительно сказал Керим. – Дочка мне тоже самое говорила. Во сне. Правда, Христос мне показывал ад. Но это можно рассматривать и как аллегорию.

- Я дивлюсь на вас, верующих нового созыва, - сказал Николай Иванович язвительно. – Вам говорят, как надо верить, учат по всем церквям. А вы все порываетесь свое оформить, как вам удобнее. Вот почему я атеист, атеистом и помру. Противно смотреть на все эти выверты. Но это – моя карта, я не навязываю. И самое последнее. Мы имеем трех апостолов, собранных в одном историческом месте: Россия, двадцать первый век. По нашим сведениям, эта троица уже «разыскала» всех апостолов из 12-ти, кроме одного. У них есть какая-то процедура для опознания, - это кстати, очень важно уточнить, какая именно. Вопрос: для чего вдруг 12 апостолов собираются в одно время в одном месте? Какие мысли?

- Они ждут нового пришествия Христа, - сказал Керим.

- Точно, - подтвердил Николай Иванович его предположения.

Тут они замолчали. Николай Иванович сознательно дал Кериму возможность хотя бы немного свыкнуться с тем обилием новой информации, которую только что на голову Керима обрушил.

– И тут встает закономерный вопрос, - продолжил Николай Иванович после паузы. – Зачем Христу являться во второй раз? Из Апокалипсиса мы знаем, что явление Христа – перед концом света. Нас, Контору, эта парадигма не устраивает. Конец света отменяется! как в «Дневном Дозоре». Россия должна жить, поживать и добра наживать. Соответственно, псевдоявление псевдоХриста – того, кого нам в качестве Христа представит эта модная секта, - это диверсия против режима. «Братьев Карамазовых» читал, монолог Великого Инквизитора? Прочтешь еще, мы тебе подгоним. Великий соблазн намечается. Массы жаждут чуда. Представь себе: верующие тысячелетиями ждали второго пришествия и умирали, так и не дождавшись. А здесь есть реальный шанс увидеть Спасителя, дотронуться до Него. Убежден: соблазнятся очень многие. Разумеется, никакой Христос никуда не придет, еще чего не хватало. Но на этой волне, на этом пиаре можно раскрутить любую секту – и любого персонажа, который будет согласен закосить под Христа. И тогда о православном комсомоле можно будет забыть. И о победе над Китаем в очередной мировой войне – тоже, как следствие.

- Итак, Керим, - начал подытоживать Николай Иванович. – Необходимо внимательнейшим образом исследовать новую ересь. Установить всех членов секты, кто на кого претендует по прошлым жизням. Понять, какой расклад политических сил внутри секты, кто чем дышит. Выяснить, кого они ждут. После того, как все станет ясно, и сформируется полное досье на группу, мы их всех обвиним в попытке государственного переворота. Мы докажем, что под видом безобидных психологических и исторических изысканий они готовили почву для смены конституционного строя. Также мы обвиним их в разжигании межконфессиональной розни и в дискредитации традиционной православной веры, в посягательстве на свободу совести. И на этом политическом процессе над бандой «12+1» мы научим наш православный комсомол. Мы продемонстрируем на выразительном примере, кто такие друзья России, а кто – ее злейшие враги. Мы сплотим ряды. И в этой партии первую скрипку мы отводим тебе, Керим. Возглавишь секретное подразделение ФСБ. Если православный комсомол мы назовем «Молодая православная Россия», то твое подразделение – орденом святого Николая.

Ты ведь по крещальному имени Николай, не так ли? Так что название в тему. Будем из деморализованных российских Коль Николаев делать. Для начала поработаешь под легальным прикрытием, в рамках первой задачи.

- Настало время принимать решение, - завершил Николай Иванович. – Какие у тебя мысли?

- Хорошо было бы взять тайм-аут и подумать над сказанным вами спокойно, - сказал Керим. – Но, как я вижу, все мое время уже вышло.

- Так и есть, - сказал Николай Иванович. – Давай выкладывай свои соображения, свои сомнения, свои беспокойства. И попытаемся их разобрать. Последнее скажу: ты можешь умереть сейчас, и ты готов к этому. Но не кажется ли тебе, что твоя миссия, - в сравнении с тем, что тебе отпущено в человеческом отношении, - далеко не завершена? Опасайся сделать неправильный выбор, не ошибись еще раз напоследок. Мне будет искренне жаль тебя убивать, поверь.

Повисла пауза.

- Мне не нравится сама идея работать на Контору, - сказал наконец Керим. – По мне это все равно что сотрудничать с гестапо. После того, что вы сотворили с этой страной и с моей родиной. Сама по себе миссия, как вы ее обрисовали, представляется мне здоровой и благородной. Но, как инструмент в руках Конторы, она видится мне орудием для манипуляций. Благими намерениями дорога в ад вымощена, как вы сами давеча сказали.

- Другого заказчика я тебе предложить не могу, - сказал Николай Иванович. – Научись мыслить в терминах реальной политики. Сегодня в России у руля – Контора. А царей и времена не выбирают. Нам предлагается действовать в тех рамках, которые установлены не нами. Нет никакого желания воевать, хочется всю жизнь просидеть в кресле-качалке у камина в мягких тапочках. Но – не получается. За свою исковерканную судьбу – говори спасибо не нам, а америкосам и их исламским наймитам. Потом: сотворили со страной не мы, а политиканы. Я объяснял: мы – только орудие. Политический сыск в этой стране был всегда, и он вечен, как говорил дедушка Мюллер (раз уж ты гестапо коснулся). Я знаю, что зоновские ненавидят ментов, считают всех нас – гадами. Попытайся абстрагироваться от этой иллюзии, посмотри на все происходящее с позиций работы и миссии. Если ты пойдешь с нами в одной упряжке, то на своих зоновских убогих установках ты должен будешь поставить крест. Ты уже вывалился из всех возможных рамок вчера утром. Не останавливайся на достигнутом. Прекращай быть зеком, арестантом, пидорасом и прочей лагерной ерундой. Посмотри на себя с позиций борца (а мы это в тебе ценим), организатора (это тоже налицо в тебе) и профессионального разведчика. Вон, Вася Воротилов. Для зеков он – гад, которого надо давить. А для России он – гордость и слава, боец невидимого фронта. Почувствуй разницу в оценках.

- А не странно ли будет, что в высшее руководство православным комсомолом затесался чечен? – спросил Керим.

- Конечно, странно, - отвечал Николай Иванович. – Если затесался чечен. А если серб – то в самый раз. Прекращай быть и чеченом тоже, забудь. Керим умер, это уже факт, и бумага имеется.

- Ладно, - сказал Керим. Вздыхнул, нахмурился. – Попробуем поиграть и в эту игру. Выбора у меня нет.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Выбор есть всегда, - сказал Николай Иванович. – Подвал или омут. Вот сейчас ты мне не нравишься. Настрой совсем не тот, который нужен. Соберись, сфокусируйся на результате. Если мы увидим, что ты партачишь, мы тебя быстро израсходуем. Запомни, Керим: Большой Брат следит за тобой. Мы не спустим с тебя глаз. На карту слишком многое поставлено, и проколы нам не сдались. Через двадцать лет Россия должна стать другой страной, идеологически монолитным сплавом наций. Выжить и победить – вот наш девиз. Если Китай увидит в нас новое качество, он и сам не сунется. Они полезут, только когда будут 100% уверены в успехе. Мы должны их такой уверенности лишить. Сделаешь все как надо – получишь Героя России, персональную пенсию, дом в любой точке страны на выбор. Закончишь свои дни человеком, в стране, смонтированной и сбереженной своими руками.

- Дожить еще надо до героя, - сказал Керим. – Ладно, будем работать. Что дальше?

- Вот теперь ты все правильно решил, молодец, - сказал Николай Иванович. Улыбнулся. – Я доволен, день прошел не зря. Сейчас мы отправляемся на нашу базу в Подмосковье. Неделю будем тебя откармливать, отмывать, приводить в порядок. Отдохнешь, соберешься с мыслями. Потом – пластическая операция. Потом где-то пару месяцев – вхождение в образ, обрастание новой биографией. Кстати, поздравляю тебя с досрочным освобождением из мест лишения свободы. Посмертно.

- А можно мне из Лефортово забрать свои вещи? – спросил Керим. - Там у меня библия осталась.

- Нет, нельзя, - сказал Николай Иванович строго. – Примета плохая.

8. Орывок из дневника Фомы. След от пощечины

В 325 году нас собрали в городе Никея на первый вселенский собор. Сначала вроде планировали провести собор в Никомидии, но потом Константин передумал. Дело было летом. Нас было около 250 человек посланников от всех восточных церквей. И тогда меня звали уже не Фомой, а Арием. Арием Александрийским.

Меня осудили на соборе в Александрии, меня осудили на соборе в Антиохии. Но большинство христиан Востока держало мою линию, и решения поместных соборов были восприняты ими в штыки. Чуть было не начались беспорядки. Александр, епископ Александрийский, отказался принять меня в общение. Он боялся, что я займу кафедру и прогоню его на покой. Скорее всего, так бы я и поступил, если бы стал епископом. Потому что Александр к тому времени уже начал впадать в явный старческий маразм, во время служб кадило выпадало у него из рук. Поэтому все дела он передал своему ученику, молодому архидиакону Афанасию, формально оставив за собой кафедру. Я и сам был тогда совсем не молод (70 лет), но держался бодряком – как некогда Растропович, по 200 концертов в год. В Александрии у нас собралась приятная во всех отношениях команда. Богословствовали, писали стихи, играли в народном театре. Даже газету издавали, - пока меня не вытурили в Палестину. Разумеется, после моей смерти все следы нашей бурной самодеятельности были уничтожены Афанасием и его бандой. Ни одной моей книги вы не найдете, все сожжено.

Итак, наша рознь с владыкой Александром дошла до императора. Константин написал нам открытое письмо. «После того, как при помощи Бога Спасителя мы разрушили тиранию безбожников, выступивших открытою войной, - писал он, - пусть дух лукавый не

осмеливается нападать хитростью и коварством на нашу св. веру. Я вам говорю из глубины сердца: внутренние разногласия в Божией Церкви в моих глазах страшнее всех сражений... Известие о ваших разногласиях повергло меня в глубокую скорбь... Служители Бога мира, возродите среди вас тот дух любви, который вы должны внушать другим, заглушите всякие семена раздоров». Константин только что задушил Лициния в Фессалониках. Фактически, на этот момент он стал единым императором Востока и Запада. Ему нужна была новая вера, новая системообразующая идеология. И наши богословские дразги были ему не с руки. Константин разрешил нам добираться в Никею посуху, на общественных мулах и лошадях. На дорогу он дал нам полгода. Также он выписал нам командировочные.

Собор открылся 19 мая и шел уже три недели. До этого мы долго выработывали правила определения Пасхи. Наконец, мы стали выходить на финальные прения сторон по главному вопросу – о Троице. И однажды вечером я собрал в гостинице своих людей, чтобы обсудить сложившееся положение вещей. Пришли мои сторонники-епископы: Евсевий Никомидийский, Евсевий Кесарийский (*Ирка себя узнала в этом персонаже*), местный епископ города Никеи Феогнис, Марий Халкидонский. Сам Евсевий Кесарийский привел на слет друзей: Павлина Тирского и Патрофила Скифопольского. Вестимо, пришли и мои земляки-ливийцы: Секунд Птолемаидский и Феона Мармарикский.

- Ребята, - говорю я им, - давайте еще раз разберемся, какой линии мы будем держаться на завтрашней дискуссии. Я не так наивен, чтобы думать, что мы выиграем процесс - силы слишком неравны. Во всяком случае, полезно будет еще раз проговорить базовые понятия. А также твердо условиться, будем ли мы подписывать орос, и если да, то в какой редакции.

- Я предлагаю держаться последнего моего варианта, - говорит Евсевий Кесарийский. – «Веруем во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех видимых и невидимых. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Слово Божие, Бога от Бога, Света от Света, Жизнь от Жизни, Сына Единородного, Перворожденного всей твари, прежде всех веков от Отца Рожденного, через Которого и произошло все, Воплотившегося. Веруем во Единого Духа Святого».

- Они настаивают на внесении поправки о единосущии Отца и Сына, - говорю я. – И тогда все компромиссы, на которые мы до этого пошли, пойдут прахом.

- В любом случае, - говорит Секунд Птолемаидский, - мы должны настаивать на том, что это должен быть именно символ веры, а не орос. Под анафематизмами не подпишемся, правда, Феона?

- Еще не хватало, - Феона Мармарикский отвечает. – Пусть хоть в ссылку отправляют, с Богом везде хорошо. А анафематизмами своими пусть подотрется Афанасий, эта шавка на александрийской псарне.

- Давайте не будем пороть горячку, - это уже Евсевий Никомидийский подключается. – Я сегодня разговаривал с императором. Он с уважением относится к нашей позиции, но одновременно настойчиво просит нас проявить терпимость - и где-то даже подвинуться, чтобы прийти к вселенскому согласию.

- Я про это вселенское согласие слышу уже лет десять, - говорю я. – Еще со времен Латеранского собора и Миланского эдикта. Когда донатистов начали прессовать по полной схеме, просто за то, что они отказались причащаться из рук предателей-традаторов. Брататься со всякой швалью – это не наш метод (*говорил то же самое, только другими словами. Наверное, хватит уже делать оговорку о стиле. Во-первых, я ничего не помню*

дословно, и не мысль рабская мне подсказывает, но сердце. Во-вторых, нет никакого резона передавать слово в слово. Потому что за 2000 лет мир невообразимо изменился, а темп жизни – ускорился. Слова – не те). Мне рассказывали, что в Нумидии, когда люди Максимиана пришли к епископу Секунду и потребовали отдать все Писания, а он сказал, что не отдаст, ему на это ответили: отдай хоть что-нибудь. В результате он им подсунил две мои книги, которые держал в базилике. Вот, молодец, выкрутился – хотя все равно книг жалко. А другие негодяи – попросту безропотно отдавали Писания на растерзание. И почему я должен с ними обниматься, не понимаю. Здесь то же самое. Что у меня общего с Афанасием, или с этим выскочкой – Николаем Мирликийским? Есть все-таки в жизни вещи, за которые надо стоять насмерть. И никакие вселенские мотивы здесь не катят. Донатисты это понимали – и поплатились. Константин начал их сажать, с конфискацией имущества. На этом Африканской Церкви пришел конец. Да вы и сами это знаете.

- А я знаю еще и другое, - возражает Никомидит. – До тех пор, пока Константин не получит нужной ему формулы, он собор не распустит. Будем до конца года заседать.

- Значит, будем заседать, - говорю я. – Мне абсолютно понятен замысел Константина, зачем он все это замутил. Рассказать? *(Все кивают: давай)*. Константин рвется присоединить себе Рим. Для этого он вырабатывает единый идеологический стандарт для всей империи, с Запада на Восток. Сам он язычник, на христианство ему глубоко плевать. История с горящим крестом в небесах, перед битвой с Максенцием – не более чем сонные видения, да он и сам это признает. Ему удобно верить в свои сны. Он провел маркетинговые исследования – и смекнул, что христианство сегодня – самый продвинутый идеологический формат, сложившийся на костях мучеников за веру. Но ему нужно позиционировать себя отдельно как от единобожия Иудеи *(родины всех хриstopродавцев)*, так и от многобожия Греции, Рима и Персии. Потому что если верить в монолитного Единого Бога, то Христу нет места, а если принять многобожную модель, то Христос – всего лишь один из богов, и Он должен будет конкурировать с другими, более продвинутыми богами Рима за место в пантеоне *(Тиберий, кстати, хотел еще 300 лет назад провести через римский сенат признание Христа земным богом, но сенат это задробил)*.

- И вот тогда Константин придумывает Троицу - продолжаю я – этакий мичуринский гибрид. С одной стороны, Троица - это единый Бог *(вилы в бок традиционному многобожию)*. Но, с другой стороны, Троица - это Бог подвижный, многосоставный, троичный. И Христу вроде как находится место в этой схеме, что очень даже ловко. Чем это отличается от египетской триады Ра – Осирис – Ка? Только деталями. Если кругом одни боги, то где здесь место человеку? Пусть Христос – Бог. Вот, он явился на Землю от Девы *(кстати, расхожий миф в большом количестве культов древности)*, затем Его убили, и Он воскрес. Какое нам дело до этой мистерии? Никакого, потому что мы – люди. Нам никогда не угнаться за богами в умении перевоплощаться и воскресать. Это делает Осирис, это делает Дионис, это делает Геракл. Мы можем только восхищенно цокать языками, как на цирковом представлении. Но это будет только кино, вне всякой связи с нашим персональным спасением.

- Другое дело, если Христос – человек высокой степени посвящения - подвожу я итог. - Он приходит в тленный, подверженный смерти, боли и страданиям человеческий состав, чтобы доказать одно: этот бранный состав преодолим. Он находит в себе силы претерпеть непонимание, отверженность, пытки и казнь. Но Он пробивается сквозь все это, как росток сквозь асфальт, к Небу. И поэтому он становится Богом по благодати, через усилие: «Царство Божие силою нудится, и употребившие усилие восхищают Его» - кому сказано, разве не человеку? И тем самым Христос указывает нам путь – за Ним. Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом. Он указал Путь. И значит, без меня, пока я не пройду все предназначенное мне и не стану Богом, как и Христос, никакая Троица не полна. А раз она

потенциально, вместе со мной и вами – четверица, пятерица и т.д., то в самом указании на Троицу уже нет никакого смысла.

- Так можно зайти слишком далеко, Арий, - говорит Кесарийский Евсевий. – Что не только люди, но и существа с другим составом, те же Ангелы, путем некоего усилия духовного могут стать Богами.

- А Ориген это хорошо понимал, - говорю я. – Отсюда и его апокатастасис. Все спасутся, я тебя уверяю. Но не за один раз. Возьми Сирахову Премудрость: «Ничего не будет в мире проклятого, все однажды будет признано хорошим». Мы движемся из жизни в жизнь, периодически рождаемся на страдание и смерть. Но ведь не только для страдания и смерти мы приходим в этот мир, но и для приращения в Боге, для Царствия Небесного. Возьми и у Иова: «Человек рождается на страдание – как искры, чтобы воздыматься вверх». Или 81-й Псалом: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд: доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость; избавляйте бедного и нищего; исторгайте его из руки нечестивых. Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются. Я сказал: вы - боги, и сыны Всевышнего - все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей. Восстань, Боже, суди землю, ибо Ты наследуешь все народы».

- Ты заблуждаешься, Арий, - вставляет словечко Патрофил из Скифополя. – В псалме 81 под богами понимаются судьи, решающие мировые дела. Подними оригинал на арамейском, и убедишься. Элохим – это судящий по истине.

- Я подымал, Патрофил, - отвечаю я. – И консультировался с иудеями в Палестине по этому поводу. Они говорят: «элохим» – это всякий, имеющий власть. Это относится как к Всевышнему (*т.е. к Личности, находящейся на вершине властной пирамиды, и, по определению, не подчиняющейся никому*), так и к личностям, занимающим промежуточное положение в этой пирамиде. Во втором случае одна и та же личность может, с одной стороны, быть подчиненной кому-либо (*т.е. быть ангелом*), а, с другой стороны, иметь власть над кем-то другим (*т.е. быть богом, но только по отношению к тому, над кем она имеет власть*). Например, в книге Осии (12.3-4) личность, боровшаяся с Иаковом, названа и ангелом и богом: «Еще во чреве матери запинал он брата своего, а, возмужав, боролся с Богом. Он боролся с Ангелом — и превозмог; плакал и умолял Его». Богом - по отношению к Иакову, ангелом – по отношению к говорившему с Осией.

- И потом, - не унимается Патрофил, - что это за пифагорейскую ересь ты тащишь на собор в связи с апокатастасисом? Час от часу не легче! Так, глядишь, и бесы спасутся.

- Никто из внятных богословов, - говорю я, - ничего против оригеновой идеи о восхождении душ из силы в силу возразить не смог. Я не беру всерьез вопли идиота Тертуллиана, которому всюду мерещится ад. Маловменяемый был человек. Он и рад себе наблюдать, сидя на облаке и свесив ножки, как мучаются в вечном аду грешники. А что до бесов, то и им предстоит совершить полный кругооборот и вернуться домой. В противном случае, изрядная часть творения погибнет, а Бог этого допустить не может. Слышал я, что наши палестинские святые отцы плачут и о бесах тоже. Говорят: негодная взбесившаяся собака, а и ее жалко, тварь все-таки. Вот и Христос: пришел, чтобы взыскать и спасти погибшее.

- Таким образом, - подвожу я черту под этим спором, - все духовные субъекты в иерархии вселенских сущностей – элохим. И мы элохим, и ангелы элохим. Даже Афанасий – элохим; хотя из него такой же элохим, как из говна пуля. (*Все хихикают*). И все мы – в процессе

апокатастасиса, сиречь восстановления к исходному своему величию - до катастрофы, когда мы потеряли Эдем. Хотя, может быть, не катастрофа и была. Ладно, не хочу вас пугать своими догадками.

- В общем, я так понимаю, - итожит Евсевий Кесарийский. – Мы стоим на том, что Христос – человек по природе и Бог по благодати. Во всех случаях – Сын Божий, по естеству Божию и человеческому. И единосущие, которое нам навязывает Афанасий – можно рассмотреть только по благодати, равно как и применительно к любому человеку: «И рече Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию». Единосущие как подобосущие. Под такой Троицей еще можно подписаться.

- А можно еще и такую гипотезу предположить, - говорю я. – Я немного фантазирую, идея пока сырая. Что где-то есть Предвечный Логос как ипостась Божества, Бог-Слово, - и есть Иисус, плотник из Назарета, выполненный как бы с матрицы этого Логоса. Предвечный Логос – единосущный Отцу, Иисус Христос – подобосущный. Но так мы только все запутаем, так что я не настаиваю на этой схеме. Будем держаться формулы Кесариянина.

Утром мы собрались в никейском дворце Константина. Сам Константин уже не председательствовал на соборе, перепоручив это занятие епископу Хосе из Кордовы (*кстати, в этой жизни Хосе воплотился телеведущим Владимиром Пичугиным*). Специально для этого заседания кресла расставили таким образом, что зал был поделен надвое. Большую часть занимали сторонники Бога Троицы (*порядка 150 человек*). Меньшую часть отвели моей партии. Мы сидели друг напротив друга. На первые ряды в своем крыле люди Афанасия посадили мучеников за веру. Они как бы говорили нам: вот на веру каких людей вы нападаете, уроды. Сидели в ряд: Павел Неокесарийский с сожженными руками, Пафнутий Фиваидский и Потамон Египтянин с выколотыми глазами. У Потамона, к тому же, были вывихнуты и ноги, и в этом виде он работал в ссылке в каменоломнях. Он известен был как чудотворец и целитель. Я смотрел на этих людей, и мне было совестно, что я не мученик, и от этого не могу разговаривать с ними на равных. Но потом я сказал себе: «В конце концов, Арий, можно пострадать и за ошибочные убеждения. Так что правота веры не определяется силой мук, за эту веру принятых». Такое соображение меня немного успокоило, и я сосредоточился.

- Приглашаю представителей сторон, - сказал Хосе из Кордовы. Протокольная группа принялась что-то строчить в свои блокноты. – Афанасий, кто будет от вас? Ты? Выходи вперед. А от вас кто, Арий?

- Давайте я пойду, - говорит Евсевий Кесарийский.

- Нет, - говорю я. – Я начну, а, если что, вы с Никомидитом подключитесь.

Мы с Афанасием вышли и встали друг напротив друга, спиной к своим партиям. Хосе хлопнул в ладоши: «Начинайте».

- Мы рассмотрели вариант символа веры, представленный Евсевием Кесарийским, - начал Афанасий. – Мы согласны его принять, с той оговоркой, что Сын Божий Христос единосущен Отцу.

- Если слово «единосущный» заменить на «подобосущный», то тогда мы готовы признать ваш вариант как свой, - отвечаю я.

- Перестаньте юлить - ты, Арий, и те, кто стоит за тобой, - начинает повышать Афанасий градус. – Говори во всеуслышание: Иисус Христос – Бог?

Мы с Афанасием полемизировали множество раз, в различных кругах, на поместных соборах в том числе. Поэтому его манера боя мне была хорошо понятна. Он сразу пытается оглушить противника серией ударов, загнать его в угол, навязать свою жесткую линию ведения спора. Меня такой подход не устраивал, и я понимал, что единственная возможность выиграть спор у Афанасия – снижать накал и темп беседы, тормозить его; а когда он, дебатировав в несвойственной ему вязкой манере, вымотается - сразу контратаковать, проводя точечный встречный удар. Тем самым, чем больше заводился Афанасий, тем более я был вальяжен и благодушен. Выматываясь и пропуская встречные плюхи, Афанасий дребезжал, как дырявый кимвал, и шипел, спуская пар, а я лыбился рот до ушей (*зубов во рту почти не осталось*). Зрелище не для слабонервных. Но победа была за мной в большинстве раундов.

- Для начала, - говорю я, - на полтона ниже. Прекрати грубить, я в два раза старше тебя. Итак, Афанасий, - говорю я раздумчиво, снижая темп, делая паузы, как на лекции, растягивая слова, - ты спрашиваешь, Бог ли Христос. – Делаю паузу. Прохаживаюсь. – Чтобы нам это понять, необходимо уточнить, имеет ли Бог нужду в питии и пище, равно как и в отправлении естественных надобностей. Если ты, Афанасий, докажешь мне, что Иисус никогда не мочился, то я склонюсь пред твоим мнением - и немедленно признаю Христа Богом. Вот тебе тогда вопрос на вопрос: мочился ли Христос? Пил ли Он вино с мытарями и грешниками? Плакал ли Он? Гневался ли?

- Старая уловка, Арий, - говорит Афанасий, морщась, как от зубной боли. – За это время могли бы придумать что-нибудь поновее. Что Христос был и человеком – этого никто не оспаривает. По человеческому своему составу, Он имел нужду. Но он был не только человеком во плоти, но и Богом в духе. Сыном Божьим, а, следовательно, Ипостасью Бога, Его частью, неслиянной и нераздельной. Когда Христос говорит: «Я и Отец – Одно».

- Афанасий, давай я тебе вопрос задам, - говорю я. – Ты сам-то считаешь себя сыном Божьим или нет? Спрошу даже так: ты сын Божий или ты хрен в рогоже?

Вижу, заерзал. Сказать «да» - уподобиться Христу, ересь. Сказать «нет» - отказаться от Бога, ересь. Наконец, решается.

- Да, считаю себя сыном, - говорит он. – Но мое сыновство и сыновство Христово – разной природы. Он Богочеловек, я – всего лишь человек.

- Как же тогда ты читаешь слова апостола Павла «Подражайте мне, как я Христу»? – задаю я свой коронный, ударный вопрос. – Как человек берется подражать Богу, - если у вас с Христом две разные природы? На что ты рассчитываешь, следуя за Христом Богом?

- Он рассчитывает, - вдруг раздается громовой голос из зала, - попасть в Царствие Небесное и быть заодно с Богом, тогда как ты будешь гореть в аду, лживая свинья!

Ну вот, думаю, и Мирликийский Чудотворец проснулся. Мутный тип, надо сказать. Колдун.

- Николай, - поднимает руку Хосе из Кордовы, - реплики с места регламентом запрещены. Личные оскорбления запрещены. Есть тебе что сказать – встань на стороне Афанасия и веди диспут пристойно.

- Да уж, встану и подойду, молчать не буду. – Вижу, Николай пробирается по рядам, подходит к Афанасию. – Дай-ка я с ним поговорю по-свойски. – Получивший поддержку, Афанасий облегченно смолкает, Николай обращается к залу, начинает заводить публику. Тоже известный фокус, более уместный для площадной проповеди, нежели для богословского диспута. - Что же мы тонем в бесполезных спорах, братия? Почему позволяем запутывать себя в лживые сети грязных еретиков? Читайте во Колоссянах у Павла: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти». Слышите? Вся полнота Божества – во Христе! А то, чем ты, Арий, здесь занимаешься, - как раз пустое обольщение!

Да, думаю. Когда вам не хватает сил на честный диалог, вы, ребята, прибегаете к демагогии и заклинаниям. Это уже клиника и, по большому счету, это диагноз. Это - приговор всем вам на долгосрочную перспективу. Когда Христос говорит в Апокалипсисе про учение Николаитов, которое Он ненавидит, - не о вас ли Он свидетельствует?

- Нам совершенно ясно говорит апостол Иоанн в послании своем, - продолжает греметь Николай. - «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино.» (1 Иоан. 5:7). А Павел вторит (1 Тим. 3:16): «И беспрекословно — великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе». Какие еще доказательства нужны вам, малoverы?

Ну вот он и попался.

- Я хочу тебя огорчить, Николай, - говорю я. – Цитата 1 Ин 5:7 – это поздняя вставка, в греческом оригинале ее нет. Также в отношении 1 Тим 3:16: слово «Бог» было добавлено ревностными переписчиками, для искажения первоначального смысла всей фразы. В библиотеке Александрийского кафедрального собора хранятся подлинные греческие оригиналы писаний Павла и Иоанна, датированные первым веком. Приезжай, сам убедишься. Так что твои отсылки – это кричащие улики против таких же манипуляторов истиной, как ты и Афанасий.

Это уже нокаут. Смотрю, он стоит, хлопает глазами. И через секунду происходит невероятное. Николай подскакивает ко мне и со всей силы бьет меня кулаком в нос. Я отлетаю в сторону, падаю, потом подымаюсь. Прислоняю руку к носу, а она вся в крови.

Дальше время растягивается, как резиновая губка. Я в замедленном темпе вижу, как все встают и начинают кричать. «Троечники» кричат: «Врежь ему, Коля!». Феона кричит: «Держись, Арий!» А Секунд уже прорывается к нам из третьего ряда, расталкивая моих людей. В этот момент я отрываю руку от носа и поднимаю ее вверх. Кричу что есть старческой мочи: «Феона и Секунд, стоять!». Они слышат, останавливаются. Вот и хорошо, думаю я; а то ребята порвут этого колдуна, как грелку. Еще буквально секунда – и все умолкают. Стоят и смотрят на нас с Николаем. И мы смотрим друг на друга, не отрываясь.

Николай нерешителен. Не знает, добавить или оставить так.

- Даже и не думай, - говорю я.

Тут, наконец-то, власть в свои руки берет Хосе из Кордовы.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Николай Мирликийский! – громко произносит он. – Ты пренебрег всеми писаными и неписаными соборными правилами. Ты нарушил и правила, установленные для епископа, который, по слову апостола Павла к Титу, должен быть не гневлив, не бийца, но воздержан, чтобы был силен в наставлении и обличении, согласно учению. Сегодня ты оказался силен не словом, но одними колотушками. Ты ударил не просто священника, но беспомощного старика, который годится тебе в отцы. Тем самым, ты опозорил свой сан. Полномочиями, данными мне, я временно приостанавливаю действие твоего архиерейства и отправляю тебя под стражу, до решения твоей участи императором. Снимай омофор.

- Мне этот омофор одел Христос, - говорит Николай Мир Ликийских Чудотворец. – Не стану снимать.

- Тогда я прикажу страже, и они сорвут этот омофор с тебя силой, - твердо говорит Хосе. – Испортят вещь. Снимай по-хорошему.

Что-то ворча себе под нос, Николай Чудотворец снимает омофор и передает его Хосе. Хосе делает знак рукой, два соборных пристава выводят Николая под руки из собрания.

- Арий, ты можешь продолжать? – Хосе спрашивает.

- Нет, - отвечаю я. – Кровь прямо хлещет из носа, не остановить.

- Тогда я объявляю перерыв до завтрашнего утра, - объявляет Хосе. Протоколисты прекратили строчить в свои блокноты. Все начинают расходиться, бурно обсуждая случившееся.

Ко мне подходят Феона и Секунд. Секунд достает платок и подает мне. Я прижимаю этот платок к носу, он быстро набухает кровью.

- Зачем ты нас остановил? - спрашивают. – Мы бы ему навалили по первое число.

- Именно поэтому и остановил, - говорю я. – Разве не читали у Павла в Римлянах: "Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию, ибо написано: Мне отмщение и Я воздам, говорит Господь"? Вы не о том думаете. Мы победили сегодня!

Кое-как мы добрались до гостиницы. А кровь все не останавливается. Улегся я на кушетку, запрокинул голову. Льда, конечно, в холодильнике не оказалось. Да и холодильников не было. Вот думаю, глупость какая. Сподобил же Господь помирать вдали от дома. Только это подумал, кровь течь перестала. Спасибо, говорю, Господи! ну, тогда мы еще повоюем.

Стук в дверь. Подымаюсь, открываю. Гонец от императора, просит пресвитера Ария немедленно явиться ко двору. Погоди, говорю, дай я хоть физиономию ополосну. Умылся из кувшина, и мы пошли пешком, благо дворец через дорогу. Никея – город маленький, там все рядом.

Император Константин сидит за столом в своей библиотеке, мрачный, как туча, читает протокол дневного заседания собора. «Здорово, пресвитер. Ну и видок у тебя» - «Да хранят боги Рима твою империю, базилевс». Наконец, он отрывается от чтения.

- Слушай, - спрашивает, - а что, действительно 1 Ин 5:7 и 1 Тим 3:16 – это поздние вставки?

- Да, - отвечаю я. – Подними свои свитки, базилевс, и убедишься.

- Да уже поручил Хосе, - говорит Константин. Мрачнеет еще больше. – Вот ведь какая нездоровая ерунда.

Повисает пауза. Пока император крутит что-то свое у себя в голове, я с любопытством осматриваю библиотеку. Богато. Полный Иосиф Флавий, Ориген в пяти томах (*подписное издание*), монография Ария «Христианство и реинкарнации: опыт философского синтеза», брошюра Афанасия «Грешники как они есть» и др.

- А я тут город новый решил заложить на побережье, - говорит Константин как бы между делом. – У пролива двух морей, чтобы контролировать все торговые пути. Опять же, окно в Европу.

- Здравая мысль, император, - говорю я. – И войну удобно начинать с моря.

- Так что у нас там выходит с Троицей? – спрашивает, наконец, Константин. – Судя по вашим дебатам, воз и ныне там. Никак вы не договоритесь, уже битый месяц заседаете. Одна мышьяная возня и мордобой.

- Есть серьезные методологические проблемы, - отвечаю я. – Во-первых, Христос. Почему Он должен быть Богом, неясно, по крайней мере, мне неясно. Сын Божий еще не есть Бог. И тут надо отличать божественность как атрибут Божества и обожение человеческого существа по благодати. Далее. Со Святым Духом тоже непонятно. Вроде бы, Он действует самостоятельно, и по Писаниям это видно, особенно в Деяниях. Но, с другой стороны, это можно рассматривать и как атрибут Божества, одно из Его свойств. Голубь спускается на Иисуса в Иордане не сам по себе, но посылается Отцом. Потом, явная асимметрия: Христос говорит в Мф 12.31: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем». Почему, если Сын Человеческий и Св. Дух – Оба Боги, то в одном случае хула на Бога проходит, а во втором – нет? Тем более если, как утверждает Афоня, Они – Три в Одним? Здесь надо еще разбираться. А потом: куда-то подевали Софию.

- Софию? – переспрашивает Константин.

- Да, - говорю, - Софию, Премудрость Божию. Она красной нитью проходит через Притчи, Премудрость Соломона, Премудрость Сирахову. Я этот вопрос дебатировал с Афанасием в Антиохии. Он утверждает, что Премудрость и Логос – одно и то же. Я категорически против такой трактовки. Премудрость – это скорее атрибут Божества. А можно я выскажу одну ересь в приватном порядке?

- Валяй, - машет рукой Константин. – Ересь больше, ересью меньше.

- Мне кажется, - осмеливаюсь я сказать, - что Бог – это больше чем Отец. Бог – это одновременно Отец и Мать. Премудрость – это не просто атрибут Божества, это Его Вторая Ипостась. А Логос – Сын. И та Троица, которую мы ищем, на самом деле такая же, как и на земле: Отец, Мать, Сын-Логос. Все Трое – предвечны, нерожденны, несотворенны, неслиянны и нераздельны. В проекции на землю это: Дух как атрибут Отца, Богородица, Иисус. Сейчас мы почти повсеместно отмечаем распространение так называемого богородичного культа (*они Марию начали величать Богородицей, еще не дожидаясь решения собора*). Начали писать иконы, где Мария изображена вместе со Своим Сыном. Мне кажется, это интуитивно правильное направление веры. Но оно совершенно поперек тому, чем мы

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

здесь, в Никее, занимаемся. Я уверен: если мы упустим Премудрость, то выстраиваемая Троица окажется ущербной.

- Да, это действительно ересь, - говорит Константин, размышляя вслух. – И знаешь, почему она бесперспективна? Потому что Мать – это Изида, Астарта, она же Иштар, Деметра. Это те самые культы, которые начал изводить еще Моисей во Святой земле. Соломон, попав под обаяние иноземных цариц, попытался кое-что из этого вернуть в церковный обиход, но ему не дали, и это хорошо. Нам нужна вера для империи, вера для борьбы. Мать – это мягкость, уступчивость, податливость. А нам нужны – сила и мощь.

- Я это понимаю, кесарь, - говорю я со всем присущим мне смирением. – То, что я изложил, это только модель, и она требует осмысления.

- Продолжай свое моделирование, - говорит Константин, - но не печатай и на соборы не выноси. Хватит с нас уже этой полемики, хватит нервировать Церковь, она и без того у нас слишком стала нервная. Николай-то наш Чудотворец вон чего отчудил. Пойми: я не могу начать строить новый город, пока не разберусь, каким должен быть кафедральный собор. А куда вы мне не скажете, какой Троице мы будем поклоняться на перспективу ближайшего тысячелетия, я не смогу дать задание архитекторам. Все, иди и думай. Чтоб через месяц был Символ Веры. Иначе я вас разгоню, как макак по веткам, и поставлю по церквям своих епископов, которых назначу лично. Свободен.

Я шел от императора и размышлял, сколько нужно будет еще потратить церковных сил, чтобы из этого просвещенного язычника сделать христианина.

Утром мы собрались в соборном зале. Долго не начинали. Внезапно заиграли гусли, и, вопреки всем ожиданиям, в дверях соборного зала показался император Константин с частью свиты. Базилевс занял место председателя, все расселись, и тогда Константин встал и, призывая внимание аудитории, сказал.

- В эту ночь произошли странные и одновременно – чудесные события. Я попрошу епископа Афанасия доложить о том, какие сны сегодня приснились братии.

Выходит Афанасий, сияющий, как начищенная дидрахма, и с упоением рассказывает, что этой ночью ему, брату Спиридону Тримифунтскому (*партийная кличка Пастух, так как он продолжал совмещать выпас овец со своими обязанностями епископа о. Кипра, по святой своей простоте*) и брату Маркеллу Анкирскому приснился один и тот же сон. В этом сне епископ Николай Мирликийский чудесным образом был восстановлен Христом в своем звании. Христос лично вручил епископу Николаю толстое Евангелие, а мама Христа Мария возложила на него омофор. Соответственно, нет резона подвергать сомнению позицию Николая на вчерашнем заседании, а также и те методы, которые он применил для доказательства своей правоты (*словав Арию нос*). Я сижу в кресле, как облитый помоями, - и понимаю, что здесь наша миссия окончена. Мы проиграли.

- В связи с вновь открывшимися обстоятельствами, - говорит Константин, - я предлагаю вернуть епископу Николаю знаки отличия. Я рад, что все так обернулось, и епископ Николай возвращается в наше общение. Поаплодируем!

Вновь звучат гусли и цимбалы. В соборный зал заходит Николай, Хосе из Кордовы надевает на него давеча конфискованный омофор, император жмет Николаю руку, а неугомонный Афанасий – бросается на шею. Трогательное единосушие.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Вот видишь, Арий, - говорит Константин, после того, как восторги немного утихли, - сам Бог разрешает наш спор. Ты не должен сердиться на Николая, ибо его ревность была продиктована силой его веры. Это и тебе урок: не всякая правда стяжается многими умствованиями. Иногда надо и сердце приложить к вере, и побыть немного простецом. Ведь сказал же Христос: «Будьте как дети».

- Государь, - говорю я, - я со смирением принимаю совершившийся факт. Позволь мне лишь высказать три соображения.

- Давай, - разрешает Константин, - только покороче. Сегодня мы должны во чтобы то не стало подписать наш орос. Мы долго над ним работали, лучшие умы напрягались, потребен и отдых.

- В какой же редакции будем подписывать орос? – спрашиваю я.

- В редакции Евсевия Кесарийского, - отвечает император, - с оговоркой о единосущии, которое мы все считаем теперь доказанным.

- А что до анафематизмов в редакции Афанасия? – спрашиваю я.

- И их, конечно, тоже, - говорит Константин. – Мы должны четко отделить православные взгляды от неправославных.

- Тогда вот мои соображения, - говорю я. - Первое. Чудесные сны про Николая приснились только людям из группы «Троица». Ни один из моих людей этого сна не видел. Правда ведь? *(Все наши отрицательно мотают головой).*

- Но это же чистая комбинаторика, - благодушно замечает император. – Оцени вероятность того, что в группе из трех человек, случайно взятых из группы в 250 человек *(это же задача о шарах и урнах)* вдруг случайно окажется Арий, или Евсевий Кесарийский, или Евсевий Никомидийский.

- Не так уж она и мала, - говорю я. – Ну да ладно. Второе. Почему мы в нашем богословском споре делаем такую ставку на сонные видения? Разве не сказано у Иеремии: "Я слышал, что говорят пророки, Моим именем пророчествующие ложь. Они говорят: "мне снилось, мне снилось". Долго ли это будет в сердцах пророков, пророчествующих ложь, пророчествующих обман своего сердца? Думают ли они довести народ Мой до забвения имени Моего посредством снов своих, которые они пересказывают друг другу, как отцы их забыли имя Мое из-за Ваала? Пророк, который видел сон, пусть и рассказывает его как сон; а у которого Мое слово, тот пусть говорит слово Мое верно".

Вижу, этот аргумент его задел. Он припомнил свой случай перед битвой с Максенцием. Насупился.

- И третье, последнее, - говорю я. - Какую оценку собор дает тем аргументам, которые я привел в части искажений Священного Писания? Ведь искажения эти – суть натяжки, получившиеся в страстном желании священников определенной направленности выдать желаемое за действительное. Они, эти искажения, как раз и свидетельствуют о недостаточности аргументов в отношении Троицы Отец – Сын – Дух.

- Мы будем исследовать эти искажения, - говорит император, - и дадим им должную правовую оценку. Но сегодня мы считаем всецело доказанным, что Христос, Сын Божий –

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

Сам Бог, Свет от Света, Бог Истинный от Бога Истинного. И на этом работу нашего с вами собора следует считать закрытой. В протокольной группе лежит согласованный нами текст ороса. Прошу всех участников собора подойти и поставить свою подпись. Кто неграмотный (а я знаю, таких здесь много), пусть просто поставит галочку, а секретари уже допишут имя и звание. Сразу скажу: все, кто откажутся подписать орос, будут отправлены моим указом в ссылку в Иллирию, сроком на два года. Желаю вам успешной работы на местах. Копии ороса будут вам разосланы после размножения. Доводите решение собора в церквях и на площадях.

И с этими словами император величественно удаляется. В протокольном углу собирается очередь из подписантов. Мы со своей ватагой занимаем противоположный угол.

- Ну что – спрашиваю, - как будем поступать?

- Я подпишу этот орос, - говорит Евсевий Кесарийский. – Плетью обуха не перешибешь.

- Я тоже подпишу, - подает голос Евсевий Никомидийский. – Нужно быть реальным политиком. Константин на взводе. Дискуссия прекращена. Что мы еще можем поделать? В ссылку я не поеду, у меня пастырское служение, много новообращенных, надо строить кафедральный собор. Без меня они не справятся. К тому же, Константин хочет включить меня в постоянную рабочую группу по формированию корпуса богословия. И мое присутствие в этой группе поможет избежать ненужных догматических споров.

- По крайней мере, это честно, - говорю я. Обращаюсь к своим землякам-ливийцам. – А вы что думаете?

- Мы этот орос видали в гробу в белых тапках, - говорит Феона. – Надеюсь, ты с нами.

- Конечно, - говорю я, – куда же я денусь. У меня же нет кафедры, за которую я мог бы цепляться. К тому же, говорят, в Иллирии очень хорошие грязевые ванны, так что здоровье мы поправим. Правда, там плохо со жратвой, а местные жители – сплошь разбойники, промышляющие грабежом. Ну да ничего.

- А вам, ренегаты, - говорит Секунд, обращаясь к обоим Евсевиям, - я желаю удачных покупок на местном колхозном рынке – и счастливо оставаться. Вы опозорили высокое звание ариан, и ноги моей не будет в ваших епархиях.

Ну вот, собственно, и все о том соборе. Остается досказать, что было потом. Прошло два года, и в ссылку поехал уже Афанасий, а нас вернули и обласкали. Евсевий Никомидит смог доказать Константину правоту нашего учения. Озадаченный, Константин решил назвать вновь возводимый кафедральный собор не именем Троицы, как он первоначально хотел, а именем Святой Софии. Тем самым, Константин проявил себя как мудрец, предоставивший всем нам возможность думать о своем: мне – о Богине-Матери, а Афоне – о Логосе. К тому же, император приказал уничтожить все протоколы заседаний собора. Поэтому от собора в Никее остались только его решения. Но наши интуиции, я уверен, позволят восстановить картину во всех деталях.

Вскоре Константин раскрыл заговор в империи. По результатам расследования он убил своих сына Криспа (*ядом*) и жену Фаусту (*паром в бане*). Константин пережил меня всего на один год, хотя был на восемь лет меня моложе. Перед смертью он наконец принял христианство. Причащал и провожал его в последний путь Евсевий Никомидийский. По аналогии с августейшей благоглупостью царя Николая Первого, сказавшего по смерти Пушкина: «насилу заставили умереть как христианина».

О моей смерти мало что известно. Говорят, что она совершилась святыми молитвами епископа Александра Константинопольского (<http://foma.ifel.ru/fr1004.htm>). Гранмерси тебе, Саша, так держать. Но полагаю, что причина смерти гораздо прозаичнее. Меня просто отравили. Утром я встал, собираясь на литургию. По дороге я почувствовал приступы страшной желудочной рези. Я побежал искать туалет. Еле нашел, заперся в кабинке. Меня понесло. Тут же меня стало неудержимо тошнить. Я начал задыхаться от рвотных спазмов. В конце концов, у меня просто не выдержало сердце. Я сидел мертвый, облеваный, со спущенными штанами. Таким меня и нашли. В итоге, Константин умер как земной бог (*сенат утвердил*) и как равноапостольный христианский святой. Я же умер, как распоследняя собака, на радость всем любителям Троицы.

Елена Блаватская считает, что меня отравил Афанасий или люди с его подачи. Ничего нельзя исключать. Найдем Афанасия в нынешнем воплощении – поинтересуемся. Но мстить не будем, мы выше этого. Константин тоже под вопросом. У меня предчувствие, что Константина мы найдем даже раньше, чем Афанасия. Не Светка ли?

Спустя 1400 лет после Никейского собора великий физик и масон шотландской ступени Исаак Ньютон чуть было не опубликовал свой трактат «Историческое прослеживание двух заметных искажений Священного писания» - но испугался гонений. Подробнее см. <http://foma.ifel.ru/fr1016.htm>. Радуюсь, что аргументы Ньютона полностью воспроизводят аргументы Ария на соборе. В целом, если проследить все искажения и заведомо неправильные переводы Писаний – отдельную книгу можно издать.

Последнее. Драчун Никола совершил много чудес и лег в основу православия. На западе он понемногу деградировал до уровня Санта-Клауса, стал культовым персонажем реклам. В одной из таких реклам (<http://foma.ifel.ru/movie/klaus.mpeg>) итальянская мафия ищет того, кто виноват в новогодней неразберихе. Этим крайним оказывается Санта-Клаус. Мафия прибывает в Лапландию, стучится в избушку. Открывает сказочный дедушка в красном камзоле. Merry Christmas, кричит. В ответ один из бандюков размахивается и бьет Санту в нос. Надпись на экране: «Нокаут. TELE2». Ролик выполнен агентством Partizan. Я специально узнавал, кто автор идеи. Молодой парень, в прошлой жизни был Феоной Мармарикским. Отомстил-таки за учителя, молодец.

9. Керим осваивается на новом месте

Разрез глаз, форма скул, губ и носа – все прошло коррекцию. Керим стоял перед зеркалом в ванной и уже битый час рассматривал свое новое лицо. Рассматривал – и лихорадочно соображал, в какую сказку он попал.

Керима разместили в одной из разведшкол, которые в изобилии представлены на территории Московской области, преимущественно – в ближних пригородах Москвы. В состав школы входили: КПП, гостиничный трехэтажный корпус для курсантов, учебные классы и медсанчасть. Первым делом по прибытии Керима определили на больничку. Обследование показало, что парень в целом здоров, но чрезвычайно истощен. Поэтому о пластической операции через неделю, как это планировалось изначально, речи быть не могло. Керима начали кормить, кормить на убой. Ежедневно он проходил терапию, капельницы, витаминные уколы, плазмаферез, солярий, массаж, финскую баню. Врачи (*военные врачи*) за него взялись по полной схеме, так что уже через три недели пластический хирург Лев Гамлетович Варданян, чрезвычайно известный в очень узких кругах специалист, назначил операцию, которая прошла успешно. Еще через три недели Лев Гамлетович разрешил

снимать бинты и удалять остатки саморассасывающихся ниток из швов. В целом, он остался доволен своей работой: парень перенес операцию хорошо, швы быстро заживали. Выручал иммунитет, приобретенный Керимом в его скитаниях по горам в составе бандформирований – и не вполне растрченный в условиях тюрьмы и лагеря.

Больше всего из назначенных процедур Кериму нравился плазмаферез. Раз в три дня Керим ложился на кушетку в лаборатории, и медсестра Валентина забирала из него до трехсот грамм крови в пластмассовый пакет. Потом медсестра Валентина помещала контейнер с кровью в центрифугу, машина отбрасывала плазму в ведро, а освобожденные эритроциты возвращались Кериму в вену вместе с физраствором. После плазмафереза Керим физически ощущал, как вместе с плазмой в ведро уходит его, Керима, несчастливая история, накопленная горькая тяжесть утрат, унижений и страхов. Выводя из себя шлаки, Керим омолаживался, возвращал себе утерянную чувствительность к новому, понемногу восстанавливал способность радоваться миру, радоваться переменам.

Поскольку Керим пришел в разведшколу пустой, без вещей, Контора позаботилась о его обмундировании. По заранее снятым меркам в день прибытия были приобретены и оперативно доставлены: четыре пары нижнего белья, пять рубашек различного фасона, три пары джинсов, строгий серый костюм (*брюки и пиджак*), спортивный костюм Адидас, пижама, махровый халат, пять пар однотонных черных носков, две пары зимней обуви, две пары демисезонной обуви, демисезонная же куртка, вязаная шапка, домашние тапочки и кроссовки. Также были приобретены: наручные механические часы, полная православная Библия (*Николай Иванович лично проследил за этой покупкой*), набор письменных принадлежностей от компании Эрих Краузе, несколько пачек одноразовых бритвенных станков, набор зубных щеток и несколько тюбиков зубной пасты. Все это добро было аккуратно упаковано в новые баулы. Все вещи, в которых Керим заявился в разведшколу, были у него изъяты и сожжены, чему Керим был несказанно рад. Также в одном из баулов лежала папка с документами. Это был «Дневник апостола Фомы» - подборка текстов, распечатанных прямо из Интернета.

Пока Керим отлеживался в медсанчасти, он находился на полутюремном положении. Керим лежал в одноместной палате, сдвоенной с санузлом, а в холле, примыкающем к этой палате, круглосуточно дежурили люди в штатском. Чтобы развеяться, чекисты крутили на DVD боевики и порнуху, привезенные с собой в большом количестве из города Москвы. Так что Керим засыпал под доносящийся из холла хруст чьей-то сломанной руки; это стареющий Стивен Сигал проводил свой коронный прием в отношении одного из врагов Америки. Однажды Керим проснулся от дикого ржания: чекисты отсматривали фильм «Борат».

Сразу же после снятия бинтов Керим был переведен из медсанчасти в корпус для курсантов. Фактически, это была система одноместных номеров, оборудованных всем необходимым: телевизором, DVD-плеером, телефоном для внутренней связи, холодильником, микроволновкой и электрическим чайником. Кериму было категорически запрещено общаться с кем бы то ни было из курсантов. Аналогичные инструкции получили и другие курсанты; поэтому обед в столовой (*она располагалась на первом этаже корпуса*) проходил при всеобщем гробовом молчании. Только и было слышно, как лязгают приборы в тарелках. Гулять Кериму разрешили во внутреннем дворе разведшколы, но не более чем два раза в день по часу, утром и вечером. В порядке надзора, Керим должен был находиться в своем номере два раза в сутки: в 8.00 и в 20.00. Дежурный по этажу делал обход и проверял присутствие курсантов в номерах. На коридоре каждого этажа в курсантском блоке также находились: финская баня, библиотека, механическая прачечная и помещение для глажения одежды. Если Кериму что-то требовалось, он мог обратиться к дежурному, позвонив тому по внутреннему телефону. Несмотря на то, что курсантов кормили превосходно (*три раза в*

сутки), не возбранялось заказывать в номер дополнительное питание. Для этого Керим каждый день делал отметки в своем чек-листе; утром чек-лист забирала горничная, производившая в номере Керима уборку, пока он был на прогулке. Она же раз в неделю перестилала Кериму постель.

Итак, Керим стоял перед зеркалом, в очередной раз изучая свою безнадежно изменившуюся физиономию. Мысли у Керима путались. Он понимал, что вот сейчас-то все и начнется: обучение, тренировки и заброска в тыл врага. Керим не обманывал себя в том, что он дал свое согласие на сотрудничество с ФСБ под давлением. Ему вовсе не улыбалось выступать в роли послушного орудия в чужой игре, эдакого болванчика в польском преферансе. Грядущая война с Китаем, Александр Македонский и другие миры, – все это было не более чем гарнир, предлог для усиления ФСБ своей и без того необъятной власти в этой стране. А проект церковного комсомола и травля «апостольской группы» - не более чем инквизиция, где ему, Кериму, отводилась роль Великого Инквизитора. Но пока у него выхода не было.

Керим безо всякого лукавства понимал, что он мог превосходно отказаться от предлагаемых Конторой обстоятельств – и закончить на этом. Но что-то внутри Керима говорило, что сдаваться пока рано, что главная миссия, на которую его отрядил Христос, еще впереди. Так что он не рассматривал свой поступок как предательство. Это был временный вынужденный шаг. «А помереть я всегда успею», - сказал себе Керим.

Керим согласился внутри себя и на том, что он не будет сдавать апостольскую группу Николаю Ивановичу, кем бы ни были эти люди – ловкими интриганами, одичавшими сектантами или же просто больными на голову фантазерами. По вечерам Керим читал «Дневник апостола Фомы» - и дивился, сколько все-таки ересей гуляет по свету, и сколько народу под эту музыку попадает прямо в ад, шайтанам на радость. Но, как бы там ни было, Керим не собирался подкладывать поленья в костер, на котором будут жариться псевдоапостолы-еретики. Керим решил, что, как только он почувствует финал своей миссии, он позволит «Фоме» и его группе исчезнуть. И, если успеет, уйдет сам. Как он предупредит «Фому» и куда он сам постарается слинять – вопрос второй. Керим не мог себе позволить своими же руками отправить людей в тюрьму, под мусорской пресс, это уже было за гранью любых норм и рамок.

В дверь номера постучали. Войдите, сказал Керим. Вошли двое. Один из них был Николай Иванович, другой – бывший хлебаш Керима Вася Воротилов (*или как там его*). Васю было не узнать: из весьма засаленного баландера деревенской наружности он превратился в щеголя. На нем были черный классический костюм-тройка, увенчанный аляповатым галстуком петушиного цвета, ботинки с острыми носами и плащ. На правой руке у Василия, как потом заметил Керим, красовался перстень-печатка, именуемый в простонародье «гайкой». В руках он держал объемный кейс.

Целую минуту все трое рассматривали друг друга, пребывая в смешанных чувствах. Первым молчание нарушил Николай Иванович.

- Лев Гамлетович все-таки большая умница, - сказал Николай Иванович. – Сколько уже было таких метаморфоз на моей памяти, а я все никак привыкнуть не могу. Вот дал Бог человеку золотые руки.

- Да, - сказал Вася Воротилов (*или как там его*), – Лев роскошно ваяет. Хорошо, что не надо было наколки срезать. Шрамы – тоже примета, и еще какая.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Чтобы ты понимал, - сказал Николай Иванович Кериму. – Мы любезно попросили господина Воротилова, перед его отлетом в Скандинавию, позаниматься с тобой поплотнее, пока ты не начал самостоятельную радиоигру. Карантин завершен, начинается работа. Возражения есть?

- Возражений нет, - сказал Керим. – Если Василию Петровичу будет не стремно с бывшим пидорасом-хлебашом чайку попить, - тогда милости просим.

- Пидорасы, как и чекисты, бывшими не бывают, - сказал Николай Иванович и улыбнулся. – Давайте сразу договоримся о протоколе. Керим Дадаев умер у нас, а называться именем покойника – плохая примета. Поэтому нужно придумать тебе ник-позывной. Новое имя ты принять не сможешь до тех пор, пока не будет полностью выстроена легенда, а это еще недели две-три. В зоне на какое погоняло откликнулся?

- У меня не было погоняла на зоне, - отвечал Керим. – Звали по имени.

- Значит, считай, что и не сидел, - сказал Николай Иванович. – Придется нам пофантазировать малость. Называю десять имен существительных, мужского рода, единственного числа, без обидного подтекста: Грек, Романтик, Слесарь, Бетон, Мурзилка ...

- Разве «Мурзилка» – мужской род? – спросил Керим.

- Да я хэ его знает какой он род, сейчас неважно, - нетерпеливо сказал Николай Иванович. – Что еще? Стрелок, Гейзер, Подводник, Шаман, Туз, Гога, Фаза. Это уже «Щит и меч» пошел, стоп. Ну что, есть мысли?

- Может быть, «Грек»? - неуверенно спросил Керим.

- Пусть будет «Грек», не возражаю, - подтвердил Николай Иванович. – У нас, у чекистов, есть такое поверье: курсант в разведшколе должен выбрать себе кличку сам, иначе дороги не будет. Поздравляю. Угостил бы ты нас, курсант Грек, чаем с дороги, что ли. Раздевайся, Василий.

Курсант Грек налил в чайник воду из бытового фильтра, щелкнул кнопкой, достал из холодильника хлеб, вареную колбасу, шпроты, сыр. Чайник закипал быстро. Пока грелся чайник, инструктор Воротилов снял с себя плащ, повесил его во встроенный мебельный шкаф. «У меня пальто в машине осталось», пояснил Николай Иванович новоявленному Греку.

- Мы тут, пока ты менял миры, тоже время даром не теряли, - говорил Николай Иванович курсанту Греку, прислушиваясь к закипающему чайнику. – Оформляли твою смерть как положено. В Склифе на тебя карточка. Известили Грозный о твоей гибели, там нашлись какие-то дальние родственники, попросили тело для захоронения. Мы им объяснили, что тела террористов не выдаем. Похороны шли из Лефортово. Баландеры сколотили тебе гроб и табличку с номером. Мы им отдали твоё барахлишко, надеюсь, ты не против. А вот твоя могила на одном из подмосковных кладбищ. – Николай Иванович достал из папки фотографию, протянул Греку. – «Меж безродных бомжей затерялося ...» - тихонько пропел Николай Иванович изрядно перевранную строку из песни на стихи Некрасова.

- А что положили в гроб? – деликатно осведомился курсант Грек, рассматривая свою пронумерованную могилу.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Тебя и положили, а что же еще - отвечал Николай Иванович. – Бомжей в стране много, морги завалены неопознанными жмурами. Взяли первого попавшегося бомжару, скатали с него пальцы, а самого – в ящик. Потом везде отпечатки пальцев этого бомжа положили вместо твоих, где ты засветился, - в ЦАБ, в СИЗО г. Грозный, на всех пересылках, где ты этапировался, в Саранском СИЗО и на зоне, где вы имели честь отбывать вместе с господином Воротиловым. Кстати, Василия нам пришлось отзывать после твоего отъезда; у него из-за твоей клоунады с причастием начались непонятки. Очко задымилось реально. Наперед хочу попросить: впредь старайся не делать резких движений, чаще советуйся. Любая самая лучшая импровизация готовится заранее.

- Так что теперь дело за твоим новым рождением, - сказал Николай Иванович. – Мы тут произвели уже кое-какую предварительную работу, покумекали в своем креативном отделе. Есть две исходные посылки: имя и национальность. Имя – Слободан Драгович. Национальность – серб. Вопросы?

- Почему серб? – спросил курсант Грек.

- Потому что Сербия в Косово умылась кровью, - отвечал Николай Иванович. – Для нас это очень удобный вариант по целому ряду соображений. Опять же, южная страна.

- А почему фиксированное имя? – спросил курсант Грек.

- Имя подбиралось специально, это филигранная работа, - отвечал Николай Иванович. – Одно дело, когда мы придумываем имя резиденту, который должен в чужой стране быть тише воды ниже травы. Тогда он называется Ганс Мюллер. Потому что иметь фамилию Мюллер в Германии – все равно что не иметь никакой, - процитировал Николай Иванович «Тот самый Мюнхгаузен». – Другое дело, когда в работу вступает публичный политик. Его имя в этом случае – это message. Например, Путин. Какая дешифровка в мозгу у электората? Человек, который ведет Россию верным путем, путный малый. А что может предложить России человек, которого зовут Борис Абрамович Березовский? – Николай Иванович специально произнес это имя-отчество, как произнес бы его местечковый еврей из, скажем, Жмеринки. – Уже в одном только отчестве «Абрамович» таится целый диагноз в глазах русского народа. А «Березовский», что это такое с семантической точки зрения? Неуклюжий жидомасонский закос под исконно-русские березы, попытка мимикрировать, слиться с тем, что нам так дорого. В общем, шняга, а не публичная политика. Другой бы давно уже все понял; а этот хер лондонский все никак не может угомониться, все подвизгивает из-за бугра.

- Кстати, передавайте от меня привет президенту Медведеву, - сказал курсант Грек. – Это, вообще, шик: выбрать президента с фамилией под макет партийного флага. Это как собаку покупают под цвет обоев.

- Мы не просто передадим ему привет от тебя, - сказал Николай Иванович. – Ты еще с ним будешь не один раз встречаться и советоваться о том, как жить дальше. Попробуй-ка, произнеси: «Слободан Драгович».

- Слободан Драгович, - сказал курсант Грек.

- Знаешь, Грек, чем отличается серб от чечена? – спросил Николай Иванович.

- Не знаю, - честно признался курсант Грек.

- Акцентом, - сказал Николай Иванович. – Акцентом, с которым та или иная нация говорит на русском языке. Сравни две пары звуков: «ы, э» - и «и, е». Чеченцы, произнося русские слова, как бы специально стараются их утяжелить, мягкие гласные сделать твердыми. Сербы наоборот, облегчают, пропевают все, что русские пытаются рассказать прозой. Они применяют мягкие гласные даже там, где, в принципе, напрашиваются твердые. И еще масса различий, которые тебе придется освоить. С завтрашнего дня у тебя по шесть часов в день – занятия по сербохорватскому языку. Через три месяца ты должен научиться думать на языке. Как ты уже понял, мы здесь балду не гоняем и все аспекты легенды выстраиваем так, чтобы комар носа не точил.

- А почему все-таки Слободан Драгович? – спросил курсант Грек, будущий Слободан Драгович.

- «Слободан» – это от «свобода», - пояснил Николай Иванович. – У электората дешифровка в мозгу: свободный, независимый человек. А «Драгович» - от «драгий», «дорогой». Соответственно, электорат, лохматя твою новую фамилию у себя в мозгу, неосознанно чувствует тепло. Тепло и светло. И сухо, как в подушке «Хагис». Словом, насколько электорату удобно и комфортно работать со Слободаном Драговичем, настолько же некомфортно ему работать с Борисом Абрамовичем. И здесь нам даже не надо макетировать образ врага, превращать Ельцина в Эльцина. И теперь представь, как хорошо этот Драгович сочетается с легендой, контуры которой мы сейчас выстроим. Россия окружена врагами, единственные ее друзья – армия, флот и Контора. С юга зарится голодный до нефти Китай. С запада – не менее голодная до нефти Европа. Гадит исламистская клика, с разных сторон, в том числе со стороны Косово. Из-за океана твякает Америка, в лице своего госдепа. Россия сжимается, как пружина, как 300 спартанцев (кстати, тебе должны были этот диск передать). Сводная псиная орда из китайцев, исламистов, жидомасонов и членов Гаагского трибунала во главе с кикиморой Карлой дель Понте наваливается на Россию своей мощью – и ни хера не может поделывать. Потому что на страже ворот Кремля стоит новоявленный славянский богатырь Слободан Драгович – доброе сильное тепло. Человек, вырвавшийся из лап албанского гестапо (это еще надо уточнять), прошедший все круги косовского ада. Вся славянская раса собирается на решительный бой с тьмой («Властелин Колец» ты посмотрел, я так понял. Понравилось? Мне тоже понравилось. А тебе, Вася? Ну и зря.). Как сказал Блок, «и даже тьмы, ночной и зарубежной, я не боюсь». Представь себе карикатуру, типа той, что Маяковский рисовал в «Окнах РОСТА». Маленький, говняненький такой жидомасон Березовский гадит из Лондона, все пытается обосрать поляну. Он – в черных тонах. А напротив него стоит славянский богатырь Драгович, на коне, в красном плаще и в шлеме. Он что есть мочи тыркает в маленького человечка копьём. И подпись типа такого ... «Пикой в жопу нечистой силе!/ К оружию, молодая православная Россия!». Ну это так, в порядке стеба. Ладно, давайте уже чай пить, а то остынет.

Курсант Грек резал сыр и колбасу тонкими ломтиками, мазал булку маслом, открывал консервы, раскладывал все это по тарелкам. Гости навалились на бутерброды. Вася Воротилов достал из своего кейса ноутбук, воткнулся в электрическую сеть, затем достал мобильный телефон, вставил в ноутбук какую-то черную коробочку.

- Мы связываемся с нашим порталом из любой точки земного шара по защищенному каналу, - пояснил курсанту Греку Николай Иванович, жуя бутерброд и запивая его чаем. – У тебя тоже появится такой доступ со временем, так что присматривайся. Вот, Вася вышел в Интернет по мобильному телефону, потом с помощью гарнитуры BlueTooth передал это соединение на свой компьютер, зашел на наш портал, ввел логин-пароль, и теперь он имеет доступ ко всем возможным информационным ресурсам Конторы. Сейчас мы будем кроить

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

тебе биографию в режиме мозгового штурма, а ты понаблюдай. Если захочешь поучаствовать, милости просим.

- Так, Вася, собрались, - сказал Николай Иванович. – Год рождения клиента?

- 1963 – сказал Вася Воротилов.

- Многовато лет, - сказал Николай Иванович. – Минус 5, 1968. Иначе какой он комсомолец. А то, что выглядит по-взрослому, так это тяжесть нажитого опыта. Место рождения?

- Босния и Герцеговина, община Сребреница, - сказал Вася Воротилов.

- Точнее, - сказал Николай Иванович. – Там в Сребреницах был геноцид, причем с двух сторон, - пояснил он походя курсанту Греку. - Что вокруг?

Вася начал ковыряться в ресурсах.

- Села: Гнион, Скелане, Опарица, Чосиче, Ратковац, Крушиче, - сказал Василий. – Это у нас данные по тем местам, где прошелся Насер Орич со своей бригадой. Там практически все сербы были вырезаны, никого не осталось. А всего по общине там порядка сотни наименований.

- Так, Вася, помечай себе тогда, - сказал Николай Иванович. – Первое: все населенные пункты в радиусе 20 км от Сребреницы численностью более 300 человек, где был геноцид. Посмотрим, где Орич пролил больше крови. Второе: план местности на каждый населенный пункт, пофамильные списки с адресами. Свяжись со Славой, он тебе даст координаты отдела, который у нас прицельно работает по бывшей Югославии.

- Кстати, Грек, - дополнил Николай Иванович, - люди Орича убивали не только этнических сербов, но и мусульман, которые этих сербов пытались прятать. Так что праведники и негодяи есть в каждом народе. Это я к тому, чтобы ты не подумал, что мы за сербов против албанцев или за русских против чечен. Советских людей воспитывали интернационалистами, а сейчас такого уже нет, все народы считают себя пупом земли, а остальных – сырьевыми придатками. Поэтому льется кровь во всех углах земного шара (углах у шара – это я сказанул, да). Ладно, мы отвлеклись, дальше. Состав семьи?

- Один ребенок в семье, отец рано умер, мать воспитывала ребенка одна, - предположил Вася Воротилов. – Тут, кстати, проходит: 21 июня 1992 года, село Ратковичи, сербка Десанка Станоевич была сожжена живьем в своем доме.

- Идея отличная, - поддержал Николай Иванович, - но засветки быть не должно. Он действительно мог быть записан на фамилию отца, отец рано умер, - значит, концы в воду. Драговичей в Сербии – как в Бразилии Педров. Поэтому можно сосредоточиться на одиноких женщинах (Василий, я подчеркиваю – именно одиноких, потому что мы туда дописываем ребенка, нам братья-сестры не нужны). Ей на момент апреля – июля 1992 года было порядка 45-60 лет. Потому что Слободану в тот период, если он с 1968 года – 24. Тем самым мы не связаны фамилией, это сильно облегчает дело. Профессия до войны?

- Мог тапочки шить, как прототип, - сказал Василий.

- Мог, - подтвердил Николай Иванович. – Он отказывается переезжать в город, потому что не с кем оставить мать, она все время болеет. Занимается традиционными сельскими делами,

держит корову, домашнюю птицу. Тачает смазные сапоги с мерлушковым отворотом и плотничает при оказии, друзья часто зовут его на шабашки по соседним деревням. Ты топором умеешь махать, Грек?

- Нет, - сказал курсант Грек. – Я больше по взрывному делу. А что такое мерлушковый отворот?

- Почему я знаю, - сказал Николай Иванович, – так, к слову пришлось. Плотницкое ремесло все равно оставляем пока как гипотезу. Учился в местной школе, мать приучила его посещать церковь по воскресеньям. Отец Хризосом (позвать, Вася: уточнить данные на священника по месту локализации, название церкви). Так бы он и жил в своей деревне, женился бы на девушке из соседнего села, были бы у него дети. Но – не сложилось: началась война. Однажды Слободан едет на выходных в город с друзьями (позвать: имена друзей, два-три). Они остались там на выходных у земляков, крепко выпили, как водится. А наутро передали по радио: банда Олича вошла в деревню, устроила резню. Все сербы были убиты с особой жестокостью, в том числе и мать Слободана. И лучше, чтобы отец Хризосом тоже погиб. Если нет, то и этот вариант имеет свои плюсы: мы его найдем и побеседуем, он будет свидетелем, вспомнит мальчика Слободана. Смонтируем фотографии, какие надо.

- Тут есть такой вариант, - сказал Вася Воротилов, сверившись. – Село Кравице, 7 января 1993 года, убито 46 жителей, ранено 36, сожжено 690 домов, в том числе – православная церковь.

- Я заранее приношу извинения, Грек, если возникают какие-либо аналогии, - добавил Николай Иванович. – Мы не хотим сыпать тебе соль на раны. Но война – это такой вид деятельности, где легче всего прятать концы в воду. Как сказал Честертон: где легче всего спрятать лист? В лесу. А камень? На морском берегу, вестимо. Так что все эти покойники – удобное прикрытие, не обессудь. Это часть профессии, надо привыкать. Эмоции никого тут не интересуют. Ладно, дальше пошли. Слободан и его друзья клянутся отомстить. С этим они направляются во вновь формирующуюся освободительную армию под командованием Ратко Младича (позвать, Вася: состав освободительной армии, порядок приема в ряды, войсковые операции). Предположительно, участвует в осаде Сараево и в так называемой Сребреницкой резне. Его друзья гибнут в сражениях, он остается один (концы в воду, соответственно). Отличается храбростью. Специализация – взрывное дело, тут все просто. Ближе знакомится с Младичем, затем – с Радованом Караджичем.

- Тут, кстати, проходит, что Радован Караджич стихи писал, - дал справку Вася Воротилов. – Книга стихотворений «Всеосень».

- Да, можем попробовать, - оживился Николай Иванович. – Слободан участвует в наполнении армейской стенгазеты, пишет стихи. На этой почве они и знакомятся с Караджичем. Что там, кстати, Караджич пишет? зачти.

*- Стоит надеть военные башмаки,
Что словно свирепые псы,
Крепки и мощны
Ждут тебя на пороге,
Тут же помимо воли своей,
Ты снимешь ружьё со стены
И отправишься в свой путь
По разбитой дороге,*

- процитировал Вася Воротилов стихи бывшего президента Боснии Радована Караджича.

- Зашибись, - сказал Николай Иванович. – Да, на войне Слободан начинает писать стихи. Помечай себе: заказать креативному отделу сборник стихов на сербохорватском, по военной тематике. Война, любовь, разлука, горе от потери близких друзей. Также сразу заказываем перевод с сербохорватского, публикацию в газете «Завтра», с комментарием и фотографией, когда будет легенда готова. Вот почему о нем узнает Караджич. Они встречаются, по предложению Младича. Караджич предлагает Драговичу возглавить одно из подразделений войсковой разведки. Но тут трибунал в Гааге заявляет Младича и Караджича в розыск. Слободан вынужден перейти на нелегальное положение, потому что боснийские албанцы вызывают его в трибунал в качестве свидетеля по делу Караджича и Младича (это мы, кстати, можем устроить, там есть кому подсуетиться). Друзья рекомендуют Слободану эмигрировать в Россию – по линии Московского комитета поддержки Сербии и Черногории.

- А что, есть такой комитет? – перебил Вася Воротилов.

- Почему ты меня спрашиваешь об этом, Василий? - отвечал Николай Иванович вопросом на вопрос. – Ты же готовил тему! Если нет, создадим, не отвлекайся. Итак. Слободан спешно учит русский. Он выезжает в Москву по туристической визе (пометь: отметка о пересечении границы). Некоторое время живет на съемной квартире в Подмосковье, работает на стройке. Знакомится с девушкой, быстро расписывается с ней, подает заявление на получение российского гражданства. Без проволочек получает гражданство. Потом разводится. Детей у них нет. Тут надо помечать много чего. Поднимаем всех проституток российского происхождения, выехавших на заработки за пределы РФ, начиная с 1998 года, и погибших там, где есть свидетельство о смерти. По загсу проводим: запись о регистрации брака в 1996 году, запись о расторжении брака в 1997 году. Соответственно, выемка фотографий у родных под предлогом возобновления уголовного дела вследствие вновь открывшихся обстоятельств, фотомонтаж. Тебя, Грек, в ближайшие два дня будут много фотографировать, заранее расслабься. В том числе, на российский и заграничный паспорта. Потом: заявление на получение гражданства 1996-м годом. Выдача российского паспорта этим же годом. У него появляется трудовая книжка. Соответственно, запись о приеме на работу, запись об увольнении, пенсионное страховое свидетельство, ИНН, военный билет рядового запаса. Присмотри, Вася, какую-нибудь строительную контору, которая обанкротилась, подымай документы и печати. Еще тонкость: надо потерять выданный в 1996 году российский паспорт, потому что там есть отметки о браке и разводе, нам они не нужны. Заявление на утерю паспорта, уголовное дело, выдача нового паспорта, чистенького, как яичко ко Христову дню.

- Что еще? – говорил как бы сам с собой Николай Иванович, потирая лоб. - Прописка: Московская область с 1996 года. В Москве снимает жилье по договору долгосрочной аренды (одну из наших квартир надо подготовить, составить документы задним числом). Теперь: по поводу пальцев. Сейчас в ЦАБ пальцев у Грека нет, есть пальцы Керима Дадаева, который спит смертным сном в Подмосковье под табличкой с номером. Нам нужны пальцы Грека в ЦАБ, потому что он у нас – лицо южной национальности, любой мент будет останавливать у метро, непонятки нам не нужны. Если какие-то сомнения, любой мент пробивает по ЦАБ, а там он засвечен, есть пальцы. Теперь – безобидный повод. Шел Слободан со своей женой по ночной Москве, к ним прикопались пьяные бакланы. Слободан – парень простой, дал одному в рыло. Тут милиция проезжала на УАЗике, всех – в «обезьянник». Пока разбирались, пока протокол, - взяли пальцы. Потом разобрались, отпустили. Соответственно, Василий, помечай: любой отдел внутренних дел, протокол о задержании в 1997 году, пальцы в ЦАБ, объяснения свидетелей происшествия и все такое, папку – в архив.

- И главное, - сказал Николай Иванович. – С чего, собственно, Слободан становится лидером церковного комсомола? Слободан – православно верующий, набожный. Приписан к церкви неподалеку от дома, регулярно посещает службы. Пометка, Вася: предупредить священника, познакомиться. Отец Пселдоним (или как там его) проникается участием Слободана, много с ним беседует. Слободан делает много хорошего: в частности, на Крещение помогает батюшке таскать ведрами воду в купель, участвует в реставрации храма. Памятуя о том, что Слободан у нас плотник: уточнить вид ремонтов – кровля, оштукатуривание фасадов и т.д. Слободан ходит в церковь – и начинает понимать, что в церковных стенах задачу возрождения России не решить, нужно выходить в мир. Слободан обсуждает эту тему с батюшкой, находит полное одобрение. Батюшка советует Слободану написать обращение напрямую Патриарху. Слободан пишет, отдает батюшке, батюшка по своим каналам доставляет. И – о радость – Патриарх готов встретиться со Слободаном. Это мы организуем, когда ты будешь полностью готов к самостоятельной работе, месяца через четыре. За это же время мы определимся с формальным руководителем движения и с идеологом. Кое-что на примете у нас есть, но об этом пока рано говорить, время терпит. Вот и первое задание для тебя, Грек: написать обращение Патриарху. Это как сочинение на заданную тему: правильно ли ты понял суть возложенной на тебя миссии.

- Хорошо, - сказал курсант Грек. – К какому числу это надо?

- Мы можем приблизительно прикинуть, - сказал Николай Иванович. – Три месяца ты учишь язык, тут мы ничего ускорить не можем. Параллельно этому: основы разведывательного дела ты будешь проходить непосредственно с Василием Петровичем. Также: компьютерная грамотность, основы православия, основы бизнеса, курсы вождения (в Москве без машины делать нечего). Завтра тебя сфотографируют на паспорта, к концу недели они у тебя появятся. На выходных мы начинаем тебя адаптировать, вывозить в Москву. Чтобы ты понемногу возвращался к жизни. Пять лет взаперти – это перебор; страна сильно изменилась с тех пор. Нужно будет заново учиться носить цивильные шмотки, ходить вольной походкой, а не руки за спину, заново учиться тратить наличные деньги, прокатывать пластик в бутиках, при этом адекватно воспринимая сложившийся масштаб цен, знакомиться с девушками. Прогулки по городу, магазины, кинотеатры, ночные клубы. Затем – стажировка: поездка в Белград по турпутевке. Это будет ориентировочно май-июнь. Соответственно, обращение к Патриарху пойдет маем месяцем. Кстати: я тебе запрещаю стричься. Отращивай волосы, будем делать тебе цивильную прическу, как у Пола Хлебникова, царство ему небесное. Крепкий был журналюга, но пронирыливый без меры. А вышло как по пословице: любопытной Варваре нос оторвали.

10. Курсант Грек приступает к работе

С момента, как курсант Грек (*некогда – Керим*) переступил порог подмосковной разведшколы ФСБ, прошло ровно три месяца. Это был безумно напряженный период в его жизни. Грек непрерывно учился, по 10-12 часов в сутки. С утра, после завтрака и до самого обеда шел сербохорватский язык. Давала его носительница языка Зденка Богданович, полная дама лет пятидесяти, по совместительству – актриса одного из провинциальных театров (*Контора выправила 2-же Богданович ангажемент в столицу на очень хороших денежных условиях*). После двухчасового занятия лексикой и грамматикой Грек двигал в лингафонный класс, где, уподобясь Элизе Дулитл из кинофильма «Моя прекрасная леди», целый час отрабатывал произношение. Компьютер синтезировал звук, Грек произносил его, компьютер бесстрастно фиксировал ошибку и заставлял повторять до тех пор, пока не достигалось относительного подобия. Затем был обед. После обеда Грек шел на вождение. Занимались на площадке, на Шкоде Фабия, с двумя комплектами педалей. Водитель Игорь Тихонов, по

совместительству - руководитель одной из школ экстремального вождения, учеником был доволен. Грек, хотя раньше никогда машины не водил, не нервничал, не играл с газом, не бросал сцепление, нормально просекал обстановку по зеркалам, держал габариты. Поэтому уже через два занятия на площадке Тихонов скомандовал Греку выезжать за ворота. Грек сразу попал в плотный поток на шоссе, где машины прижимались друг к другу, как пивные банки в авоське собирателя металлолома. Грек, несмотря на свой посткомсомольский возраст, обладал приемлемой реакцией, - хотя по первости он возвращался в разведшколу весь взмокший от пота. В общем, дело у него шло.

Затем по плану у Грека снова был сербохорватский язык и лингафонный класс. На каждом занятии г-жа Богданович выдавала Греку по 10-20 бумажных карточек, на одной стороне которых располагалось слово на сербском, а на другой стороне – его русский перевод. Стопка карточек у Грека в номере все время росла. Соответственно, росло и время, которое тратил Грек, заучивая лексику: сначала – перевод с сербского, затем, в обратном порядке – перевод с русского на сербский. На это тратился еще час-полтора времени.

Потом в школе наступал ужин. А потом, уже под конец рабочего дня, Грека навещал Вася Воротилов. Он в свободной манере рассказывал Греку о приемах разведки: конспирация, вербовка, легендирование, поиск информации. Но тут не надо было особенно напрягаться, так как большую часть этой науки Грек изучил еще по опыту работы в горах; если бы боевики не применяли этой науки со всем тщанием, их бы уже давно не было в живых. Вася привез Греку ноутбук, в номере оказались *(как потом Грек обнаружил)* розетки для модемного и выделенного подключений. Соответственно, уроки разведки начали плотно совмещаться с основами компьютерной грамоты. Грек быстро освоил Word, Интернет-браузер, поисковые системы, системы обмена сообщениями. Отдельным видом обучения являлось прослушивание. Вася Воротилов научил Грека подслушивать телефонные разговоры, устанавливать присоску к выделенному аккаунту в чат-системе *(с автоматической выгрузкой всего контента общения в файл)*, организовывать доступ к компьютеру, имеющему сетевое или модемное подключение. Для этого у Конторы имелась довольно широкая палитра программных и технических средств. Грек, сидя в наушниках и набирая наугад московский телефон, мог наслаждаться содержательной беседой двух подруг, по часу обсуждающих покупку нового лифчика. Также он мог, подобно археологу или патологоанатому, лазать в потрохах чужих компьютеров, многие из которых находились на другом конце света. Система, основанная на GPS-навигации, точно подсказывала Греку, где сейчас располагается тот или иной комп, с точностью до 10 метров. Если интересующий Грека компьютер в настоящий момент был отключен от сети, Грек запрашивал ближайший узел слежения *(их только недавно начали устанавливать на станциях, принадлежащих сотовым операторам)*. Если интересующий компьютер находился в зоне видимости данного узла слежения, то была возможность зацепить потроха компьютера по воздушному каналу связи.

Прошло три недели с момента последней встречи Грека с Николаем Ивановичем. Вася Воротилов четко выполнил все выданные ему поручения, поэтому в прикроватной тумбочке у Грека появились: российский паспорт, заграничный паспорт с открытой туристической визой в Сербию и Черногорию, свидетельство о расторжении брака, трудовая книжка, военный билет, водительское удостоверение. Также у Грека появился многостраничный документ с кратким названием «Легенда». В нем подробно рассказывалось о том, откуда он есть пошел борец за свободу своей земли славянский богатырь Слободан Драгович. Вася Воротилов приказал Греку выучить содержание документа наизусть. Еще через неделю они взяли себе за правило, на вечерних занятиях, проговаривать новую автобиографию Грека в деталях.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Это как вставлять зубы, - объяснял Вася Воротилов курсанту Греку (*жена у Васи Воротилова была врачом-протезистом*). – Сначала примеряется литье, смотрится, подходит или нет. Опытный врач может потратить на это два часа, понемногу стачивая зуб и коронку. Главное – добиться полного прилегания, чтобы мост не был инородным телом и не крошил зубы на соседней челюсти. И только потом напыляется керамика на литье. Так и с автобиографией: пока не достигнешь полного прилегания, не продумаешь всех деталей, осознаешь, что нигде не жмет, - только тогда можно начинать с этой биографией жить. Эти зубы со временем должны быть как родные у тебя во рту. Ладно, давай с самого начала. Какие вопросы были по прошлому разу?

- 1. Когда я получил югославский паспорт. 2. Хобби, интересы, - сказал курсант Грек.

- Давай по порядку, - сказал преподаватель Воротилов.

- Гражданство Боснии регулируется Конституцией Боснии и Герцеговины, принятой в 1995 году, и Европейской конвенцией о гражданстве, к которой Босния присоединилась, - сказал курсант Грек. – Согласно этим документам, паспорт выдается с 18 лет.

- Грубейшая ошибка, - сказал преподаватель Воротилов. - Тебе стукнуло 18 лет в 1986 году, когда не было и речи о Боснии и Герцеговине. Была единая социалистическая федеративная республика Югославия, СФРЮ, гражданство регулируется конституцией СФРЮ от 1974 года. Это косяк, боец. В наказание, запиши к завтрашнему дню: общественно-экономическое устройство СФРЮ, основы политической системы. Дальше.

- Хобби и интересы, - продолжал устыженный курсант Грек. – Любил слушать музыку на своем проигрывателе, собирал пластинки.

- Какой марки проигрыватель у тебя был, Слободан? – спросил преподаватель Воротилов.

- Ламповая радиола «Аккорд» советского производства, - отвечал курсант Грек.

- Это ты только сейчас придумал - или прокачивал? – поинтересовался, ухмыляясь, преподаватель Воротилов.

- Отец ездил по путевке в СССР, привез, - сказал, ничтоже сумняшеся, курсант Грек.

- А ты представляешь сколько весила ламповая радиола тогда, да еще с тумбочкой? – сказал преподаватель Воротилов. – Хорош гнать фуфло, Грек, ответственнее надо относиться к делу. К завтрашнему дню пометь себе: типы ламповых радиол и проигрывателей образца 80-х годов. С «Аккордом» неудачная идея, смотри импорт из Германии. Ни о каком выезде отца на экскурсию в СССР не может быть и речи, не усложняй нам жизнь. Он у тебя кто? Шахтер, завербовался в Сребреницу на год, завалило в шахте, взрыв метана, 1971 год. Дальше. Любимые исполнители?

- Радмила Караклаич, Зденка Вучкович, группа «Микадо» – без запинки назвал курсант Грек. – У отца дома были эти пластинки, я их слушал.

- Что совершенно не означает, что эти же исполнители были популярны и в Югославии, - парировал преподаватель Воротилов.

- Тут я как раз пробивал по Гуглу, - подтвердил свою позицию курсант Грек. – Караклаич выпустила два десятка альбомов на родине.

- Ладно, это принимается, - согласился преподаватель Воротилов. – Какие еще интересы? Спорт? Нет. Девушки? Когда в первый раз с девушкой поцеловался?

- В 16 лет, - отвечал курсант Грек без запинки. – Ее звали Биляна. Биляна Йовович (*на слове «Йовович» преподаватель Воротилов поперхнулся от смеха*). Ничего смешного, по нашей деревне есть такая фамилия и имя, можешь проверить по списку. Родители ее были простые крестьяне, как и моя мать. Мы вместе учились в одном классе. Мы дружили, но у нее никогда не было ко мне никаких чувств, кроме товарищеских. А она мне нравилась. Однажды мы гуляли за околицей. И тут я ее поцеловал. Она сказала, чтобы я никогда больше этого не делал, потому что я могу этим все испортить. С тех пор мы продолжали дружить, пока она не вышла замуж за парня из соседней деревни.

- А что там у нас, кстати, вообще с сексом? – поинтересовался преподаватель Воротилов.

- У нас в деревне была одна оторва, - сказал курсант Грек. – Звали ее Милица, по кличке «Колбаса» (она очень любила копченую колбасу). Полдеревни у нее переночевало, я тоже. Однажды я проходил, она стояла на пороге дома, позвала: помоги, дескать, Слободан, дров наколоть, у самой уже поясница не сгибается, натаскалась. Она была баба не очень чтобы красивая собой, но плотная, жилистая такая. У нее мужа тоже в шахте завалило, она совсем одна осталась, детей у них не было. Я помог, конечно. Потом в дом позвала, налила сливянки стаканчик. Ну и пошло-поехало. Дело-то молодое. Мать меня укорила, сказала, чтобы я не позорился, а искал себе жену, хоть бы и в другой деревне. Она у меня была строгих нравов, молилась все время.

- Каким святым? – перебил его преподаватель Воротилов.

- Преподобному Иоанникию Девичскому и преподобной Елисавете, княгине Елене Штилянович, - без запинки отвечал курсант Грек. – Ну и как водится: Христу и Богоматери.

- Уже лучше, - похвалил курсанта Г. преподаватель В. – Гугл – незаменимая вещь в народном хозяйстве. Давай теперь с самого начала всю легенду. Я буду останавливать, задавать вопросы. Привыкай отвечать без запинки, не изменяясь в лице, безотносительно того, знаешь ты ответ или нет. Ври, выкручивайся, но сохраняй правдоподобие и не запинаясь. Поехали.

- Я, Слободан Драгович, - начал курсант Грек, - родился в 24 мая 1968 года в деревне Кравице, уезд Братунац, округ Сребреница, Босния. Мой отец, Любомир Драгович, был шахтером. Он погиб на шахте в Сребренице в 1971 году, при взрыве метана. Моя мать, Йорданка Пласич, после смерти отца вернула себе девичью фамилию, в расчете на то, чтобы снова выйти замуж, но у нее ничего не получилось. Жили мы крайне скудно. У нас была корова, несколько кур, периодически заводились поросята. Я старался помогать матери по хозяйству. Она приучила меня с детства ходить в церковь, молиться. Я брался за любую работу, помогал родителям своих друзей на строительстве, рано научился махать топором, заливать фундамент, штукатурить, малярить. Приспособился шить обувь. С подросткового возраста наша семья кое-как научилась сводить концы с концами. Учился я где-то между тройкой и четверкой, особого интереса к учебе у меня не было. Я понимал, что из деревни я никуда не уеду, потому что не с кем оставить мать, а она уже тогда начала сильно болеть.

- Какие диагнозы? – переспросил преподаватель Воротилов.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Высокое давление и закупорка сосудов в ногах, - ответил курсант Грек, не менясь в лице. – Денег на лекарства у нас не было, поэтому обходились народной медициной. Компрессы из крапивы на икры, отвар мяты перечной, липовый мед (у нашего соседа была пасека, он нам по доброте душевной иногда скидывал медку). Под конец жизни она уже еле ходила.

- Годится, дальше, - сказал педагог Воротилов.

- После школы я, соответственно, остался дома, - сказал курсант Грек. – Ездил на шашки, в том числе и в Сребреницу на заработки. Мать категорически настояла, чтобы я не шел в шахтеры, и я ее желание выполнил. На строительстве летом больше зарабатывал, зимой – меньше. В Сребренице познакомился с хорошей девушкой, Станка ее звали, как раз незадолго перед войной. А у нее была своя квартира в трехэтажном доме, после бабушки осталась, так она там жила, и я, когда приезжал в Сребреницу, у нее останавливался. Так что вроде как жил на два дома. В январе 1993 года, как раз на Рождество, засобирался я в Сребреницу, к Станке. А мать давай отговаривать: не езжай, сынок, останься дома. Как чувствовала что-то, видимо. А я ей сказал, мама, я только на пару дней съезжу, и мы со Станкой вернемся, вы хоть познакомитесь. Уехал. Отметим мы со Станкой Рождество, сходили в церковь с утра, причастились, потом возвращаемся домой, а тут по телевизору – как обухом по голове: Орич с отрядом в 3000 человек вошел в Кравице, вырезал полсела. Я хватаю вещи в охалку – бежать на автобус, а Станка на мне повисла, воет: не едь, Слободан, погибнешь. Охолонул немного. Пошли мы в местную полицию: что делать. Говорят: сейчас сидите ровно, Орич еще пограбит деревню малость и отойдет, или сербы будут наступать - отобьют. Связи, разумеется, никакой. Через две недели Орич отошел, и мы со Станкой сразу поехали туда на попутной машине. Я все это время, пока Кравице была в руках у Орича, был как ополоумевший. Ни есть, ни спать не мог. Приезжаем в деревню. Ужас. Везде разгром, пепелище. На месте нашего дома – головешки. Церковь, куда я с детства ходил, сожжена и разрушена.

- Название церкви, - потребовал преподаватель Воротилов.

- Вот тут беда, я только хотел сказать, - пояснил курсант Грек. – Перерыл весь Интернет, не нашел.

- Ладно, - сказал преподаватель Воротилов, - я себе помечаю, наши найдут по-любому. Давай пока стоп на этом, чего-то я устал. Завтра с этого места и начнем. А с тебя к завтрашнему, как договорились: политическое устройство СФРЮ и радиолы. С меня – имя церкви, которую сожгли.

11. Орывок из дневника Фомы. Четыре храма

Сегодня на православном календаре Радоница, день поминовения усопших. Фомина неделя, 17 апреля 2007 года. Я (*партийная кличка «Седок», также откликаюсь на ник «Профессор»*) сижу за ноутбуком в офисе, за окном гудят проносящиеся на скорости автомобили. Через два кабинета от меня – приемная президента корпорации, где я сейчас консультирую по организационным вопросам. Президент в одной из прошлых жизней был апостолом Нафанаилом (*партийная кличка «Нафания»*). Так что мое пребывание здесь и сейчас – не случайно.

Только что заходил руководитель одного из бизнесов корпорации, стащил у меня со стола пряник. Однажды этот парень был апостолом Филиппом (*партийная кличка «Филя»*). Он

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

тоже неспроста - здесь и сейчас. Еще не проснулся (*как и многие из нашей группы*), ни одной инкарнации сам не синтуичил для себя. Но ничего, все впереди.

Я радуюсь (*Радоница ведь*). Ровно 10 Радониц назад, если отсчитывать по церковному календарю, митрополит Энский и Волчанский Евтихий отслужил первую литургию в храме на Бабаевском городском кладбище в городе Энске. Назовем этот храм **Храмом №4** в моей биографии. Я могу что-то упустить. Скорее всего, были и еще религиозные строения в моей практике, помимо тех, о которых мне уже известно. Сегодня узнаны четыре храма, и о них я готов говорить.

Когда мне дают характеристику «палестинский архитектор Фома», то речь не идет о компетенциях архитектора как такового. В жизни я не отличу пилястра от антаблемента. Речь идет о том, ЗАЧЕМ этим храмам появляться на свет и жить. Я придумываю идею для храма, и я осуществляю финансирование проекта. Все остальное – само проектирование строения, землеотвод, согласование в мэрии, строительство, освящение и прочее - делают специально заточенные под это дело люди. А другие люди начинают эксплуатацию введенных объектов на свой вкус.

Поскольку мне недавно утвердили Соломона, то **Храм № 1** (1007 г. до н.э.) напрашивается сам собой. Подробно о том, что это было за строительство, мы читаем в Третьей книге Царств. В ней же мы имеем преизбыточно подробное описание сего храма; при необходимости, это описание может быть трансформировано в сметную стоимость всего проекта. А ведь это странно! Библия - как утверждается - Боговдохновенное писание. Но, вот, я читаю 3-ю Царств – и понимаю, что писал кладовщик, которого прет при зачитывании накладных. На строительстве была занята уйма народу (*свыше 100 тыс. чел.*); все носились взад-вперед со строительными материалами и фурнитурой, хотели понравиться – мне и Господу. Поначалу понравились – очень. Масоны даже придумали себе сказание по этому поводу. Легенда об Адонираме называется (см. <http://foma.ifel.ru/fr1006.htm>). О том, как я учредил масонство, еще напишу.

Чего же я хотел в случае Храма №1? Ответы: 1. Я обещал папе (*Давиду царю*). 2. Ковчег Завета хранился как попало, мы постоянно об него запинаясь. 3. Господь обещал мне, что при выполнении определенных обязательств с моей стороны, Он будет жить в моем храме. Тогда я еще не читал Евангелия от Иоанна, в котором было четко сказано: «Дух дышит где хочет». Я упивался своими сонными видениями с участием Господа (*уже потом я с горечью говорю в Притчах: «сонные фантазии окрыляют глупых»*). Мне однажды показалось, что я в состоянии построить такую хитроумную ловушку, где я смогу удерживать Господа - и по договоренности требовать от Него все, что мне вздумается на перспективу. С этим, кстати, связаны бесчисленные легенды о Сулеймане-ибн-Дауде и джиннах. Считалось, что у меня есть печать, которую я могу наложить на любой сосуд – и закупорить джинна в нем до лучших времен. «1001 ночь» свидетельствует, что при снятии печати из сосуда идет дым. Это полный аналог облака, которое появилось в Храме №1 в момент первого богослужения (3 Цар. 8.11). Храм № 1 – это вот такая бутылка с моей печатью. Ко всему прочему он – образец для всех будущих христианских храмов, повторяющий трехчастную структуру человеческого существа. Двор, Святое, Святая Святых = Тело, Душа, Дух.

Все религии в один голос говорят, что в храме молиться лучше и точнее, чем дома или на улице. Публика рассматривает здание церкви как некоторую антенну, на которую сподручнее ловить нужную им радиоволну. Или как мощный телескоп, в который хорошо рассматривать Господа во всех подробностях. В алтаре они покрывают стол антимином – платом, в уголки которого зашиты мощи какого-нибудь святого. Что-то здесь есть от первобытных охотничьих уловок, когда в силос для дичи кладут приманку. Дичь в природе,

дичь в головах. Я уже не говорю, как они поступают со своими святыми сразу после смерти (*когда буду рассказывать про Антония Падуанского – вы поразитесь*).

Итак, я очень быстро уловил, что наша сделка с Господом не состоялась. Храм был пуст, как только что вымытая колба из-под химикатов. Я регулярно навещался туда, молился. Но я чувствовал всем своим составом, что что-то стряслось, и Господь не захотел жить в том доме, что я Ему построил. Дурацкое ощущение: как будто бы возвел пятизвездочный отель под задачи международной конференции, а конференцию взяли да и отменили. Ты ходишь по пустым комнатам, шелкаешь выключателями, вертишь краны в санузле, то и дело открываешь-закрываешь форточки, звонишь на ресепшн – нет ли новостей. Как будто бы ждешь, что скоро нагрянут шумливые постояльцы, будет гвалт, веселая возня, и под эту музыку начнет поступать гешефт. Но дудки! Вконец расстроившись, я разрешил торговлю на территории храма сувенирной продукцией, домашними животными и валютой – чтобы хоть как-то оправдать понесенные стартовые инвестиционные затраты. Так что, когда Христос выгонял меновщиков и скотопродавцев из моего храма, Он фактически отменял подписанное мною же распоряжение Иерусалимского горисполкома «О правилах выездной торговли» от 22 нисана 998 г. до Р.Х.

И вот тут начинаются истории с дамами (*бабами*). Правильно говорит Горбатый в фильме «Место встречи изменить нельзя»: кабаки и бабы доведут до цугундера! В Третьей Царств пишется о 700 женах и 300 наложницах. Могу сказать со всей ответственностью: это - не более чем мечты завистливого сексуального маньяка (*кладовщика и маньяка в одном флаконе*). Но: **было**, из песни слова не выкинешь. Отсюда следует и **Храм №2**: сдвоенное языческое капище богам – Хамосу (*мерзости Моавитской*) и Молоху (*мерзости Аммонитской*), тоже два в одном, для экономии проектных затрат.

О чем я думал, когда проектировал и финансировал эти позорные строения?

1. Во-первых, я хотел, чтобы мои возлюбленные также имели возможность ходить на поклонение тем богам, в которых они верят. Ведь это и называется – плюрализм. Мы ходили порознь: я – в Храм №1, они – в Храм №2. И они наотрез отказывались участвовать в праздничных мероприятиях на Храмовой горе. Говорили так: ты все это замутил, ты и ходи.
2. Во-вторых, я подумал: если Верховный Бог-Отец не захотел жить в Храме №1, то, может быть, какой-либо второразрядный элохим (*один из тех, кого называют «мерзостью»*) захочет погостить в Храме №2. Разумеется, этот Храм №2 уже больше походил на однозвездочный отель в секторе Газа, в котором периодически отключается горячая вода из-за бомбежек. При первой же okazji Храм №2 был разрушен сторонниками правоверия. Если бы его не разрушили правоверные иудеи, его бы разрушили правоверные мусульмане, тут и к Васе не ходи.
3. В-третьих, в тот период я работал над «Песней Песней», и хорошее настроение у моих женщин помогало мне сосредоточиться. Вообще, по утверждению кладовщика-маньяка, я написал 1005 всевозможных песен (*3 Цар 4.32*). В Библию попала одна. Куда подевались еще 1004 песни, следует спросить у того же кладовщика. Обычно сохраняется то, чем дорожат. А любителю накладных плевать на поэзию, ясен пентиум. От Ария тоже ни одного стишочка не осталось, - хотя писалось много и от души.

Начиная с какого-то момента, я понял, что бессмысленно звать Бога жить в мои храмы. И с тех пор я стал решать не религиозные, а ландшафтные вопросы.

Храм №3 – это церковь Покрова Богородицы на Нерли (1165, *всемирное наследие ЮНЕСКО, объект № 633*). Ее я заказал, находясь в теле князя Андрея Боголюбского (*реконструкцию моей головы работы профессора Герасимова можно смело отправлять в мусорное ведро*). В 1164 году, за год до событий, я установил на Руси праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Только что во Владимир доставили останки моего сына Изяслава, погибшего в походе на волжских болгар, и я подыскивал место для его погребения. На душе было тошно. Я бродил по окрестностям своей загородной резиденции в полном одиночестве, отпустив всю дворню, безо всякой охраны. Я плакал.

Разгуливая по раздольным бескрайним полям окрест, я вдруг наткнулся на излучину шустрой речки Нерль. Место мне приглянулось. Я понимал, что здесь может встать часовня или даже храм. Для меня этот храм представлял собою не что иное как свечу, зажженную по моему убитому ребенку. В пику всей безразличной горизонтальной природе, забывающей самое себя уже через пять минут после смерти, я решил противопоставить **вертикаль** – вертикаль памяти, вертикаль чести и долга. Все во мне говорило, что дух выше плоти, память выше беспамятства; и, что когда будут молиться в этом храме, припомнят и о моем сыне, и обо мне. А Божья Матерь накроет нас своим Покровом, и там нам будет хорошо. Еще будучи Фомой, я часто общался с Марией из Назарета, Матерью Иисуса, перед своей отправкой в Индию, в город Мадрас. И для меня на тот момент разница между Богоматерью и Богом-Матерью была очень тонкой (*она тонкая и для всех христианских народов, но не все на Востоке и на Западе это понимают*). Поэтому тот Богородичный культ, которому я всегда служил, во всех своих воплощениях и начинаниях, осмысленно или нет, нашел свое отражение и в храме на Нерли.

В конце XVIII века из-за низкой доходности Покровской церкви игумен Боголюбского монастыря (к которому она приписана) пытался разобрать мой храм на строительный материал для возведения монастырской колокольни, однако недостаток средств не позволил начать работы. Вот и правда: заставь идиота Богу молиться, – он и лоб расшибет.

В богоборческие годы Андрей Тарковский снимал в моем храме фильм «Андрей Рублев». По храму носились лошади и кинооператоры. Для меня это – честь, без иронии. И честь то, что Тарковский интуитивно поймал, уловил нашу со Светкой вражду – в притче о двух князьях. Потому что уже через четыре года после строительства церкви Покрова я сожгу Киев. Впрочем, это тема отдельного разговора. Есть вещи, о которых вспоминать не хочется. Но придется.

В марте 1988 года, уже в этом воплощении, я поехал на конференцию по надежности, живучести и безопасности в г. Суздаль (*с докладом*). По безотчетной потребности, я отклонился от первоначального маршрута, сел на электричку в сторону г. Горький, проехал 4 км, вышел из вагона на станции Боголюбово - и пошел через поля – в сторону храма. Моего храма, который сквозь годы магнитил меня. Я шел километра два по мокрому заснеженному полю, набрав полные ботинки талой воды. Еще тогда я не понимал, что происходит. А происходило – узнавание. Та самая память, о которой я хлопотал в 1165 году, возвращалась ко мне - артефактом, белой свечой над ландшафтом тотального беспамятства.

Из Суздаля я вернулся другим человеком. С тех пор образ церкви Покрова неоднократно будоражил мое воображение, давал о себе знать. И уже через пять лет я решил повторить свой марш-бросок 800-летней давности. Я разбогател на ценных бумагах. Мы только что продали контрольный пакет Любятковской кондитерской фабрики чековому инвестиционному фонду «Альфа-Капитал». Взамен эти ребята привезли нам на поезде две полные коробки ваучеров, по 17 тыс. ваучеров в каждой коробке. Мы задолбались их пересчитывать и проверять. В этот момент я понял, что на **Храм №4** у меня есть.

И буквально через неделю после того, как я это понял, ко мне в офис пришел молодой человек бородатой наружности.

- Я слышал, вы ищете архитектора для строительства храма на городском кладбище в Бабаево, - сказал он.

- Точно, - сказал я. – Будем устраивать тендер.

- Как Вы это себе видите? – спросил он у меня язвительно. – Вы что же, полагаете, что есть уйма готовых специалистов, набивших руку на храмовом проектировании?

- Я так не думаю, - отвечал я. – Это будет первый храм в области, построенный «с нуля» после Октябрьской революции. А почему Вы считаете, что у Вас есть все необходимые компетенции?

- Потому что я всю жизнь занимаюсь энским храмовым зодчеством, - отвечал он. – И дипломная работа у меня – на эту же тему. Сегодня таких специалистов Вы просто не найдете. Все специализируются на промышленном и гражданском строительстве, а на храмах – никто.

- Принесите мне какой-нибудь эскиз, - сказал я, - и тогда поговорим. И потом: не я один решаю этот вопрос. На строительство храма нужно получить благословение архиепископа Евтихия.

То, что Степа Степанов (*так его звали*) нарисовал в первый раз, было очень похоже на кирху. Я не стал с ним спорить о концепции (*потому что на тот момент мало что соображал в этом деле*). Через протекцию хорошего друга моей матери, секретаря союза писателей России Валерия Селиванова (*потом он стал моим крестным отцом*) мы напросились на аудиенцию к архиепископу. Евтихий благодушно принял нас, усадил за свой большой стол – и принялся рассматривать Степины эскизы. Через пару минут он откинулся в кресле и вздохнул.

- Нет, - сказал он. – Такой храм я решительно благословить не могу.

- Отчего же? – спросили мы.

- В каком городе мы с вами живем? – ответил архиепископ Евтихий вопросом на вопрос. – Мы живем в городе Энске, где все храмовое строительство подчинено определенной традиции, сложившейся веками. Есть такое понятие – энская церковная архитектура. Неужели не возможно принять в основу проекта некоторый уже хорошо зарекомендовавший себя образец одноглавой церкви? Вот, пожалуйста, Василия на Холме. А вот – святого Максима Исповедника. Чем не образцы? А это, что вы нарисовали, – очень современно, весьма нетрадиционно – и совершенно выпадает из всего, сделанного до вас в этом городе. Вы можете строить такой храм, но своего благословения на это строительство я дать не могу.

- Разумеется, мы не станем строить без Вашего благословения, - отвечал я на это.

- Тогда, пожалуйста, переделайте, - отвечал Евтихий, - и приходите ко мне снова.

Мы ушли. Степа уселся за переработку. Через неделю он принес мне новый вариант.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- А вот это уже совсем другое дело, - сказал нам владыка Евтихий на повторной аудиенции. – Это – энская церковь, и никто слова не скажет против. Благословляю Вас на этот святой почин. В веках будет помниться ваш труд. Но как же мы назовем храм?

- Предлагаю – церковь Воскресения Христова в Бабаево, - сказал мой будущий крестный Валерий Селиванов. – Оно и по смыслу будет правильно.

- Благословляю и имя, - коротко сказал Евтихий.

Я и сейчас благодарен владыке Евтихию за прозорливость. Тогда он разрешил ситуацию верно. А то, что он сейчас третирует мою мать, отстранив ее от съемок православного контента, - это просто глупо с его стороны (*мать берет золотые и серебряные медали на всех православных фестивалях документального кино*). Есть и еще к нему претензии, но об этом после.

На градостроительном совете (*исход которого был предрешен*) звучали разные мнения. Был и такой голос, что строить церковь – слишком накладно. Достаточно просто повесить колокол между двумя опорами, чтобы каждый, кто захотел помянуть своих, мог подойти и дернуть за веревочку. Наконец, слово предоставили мне.

- Сограждане! – сказал я. – Не надо пещься о средствах, они собраны, и в достаточной мере. Давайте подумаем об организации посмертного пространства для наших близких. Что есть такое кладбище без храма? Просто свалка, как ни крути, куда свозятся человеческие отходы. Между могилами бродят люди. Часто они плачут. Они подавлены и несчастны. Потому что та посмертная горизонталь, в которую вписаны эти люди и эти могилы, не оставляет места никакой надежде. Пройдут какие-нибудь жалкие 25-50 лет, и от тех могил, что сейчас устроены, не останется и следа, все будет забыто, заброшено, запущено. Память умрет. Чтобы преодолеть это беспомыслие, взломать эту горизонталь безнадежности, нам нужна вертикаль памяти, которая соберет все это посмертное пространство окрест себя. Нам нужен храм, возвышающийся над человеческой брэнностью и беспомощностью. Здесь, на Бабаевском кладбище, покоятся мои родные: отец, бабушка, дедушка. Я не желаю оставлять их могилы без окормления. Земля должна быть освящена!

Все проголосовали единогласно. В считанные месяц-два Толя Галкин (*партнер по бизнесу*) загнал на кладбище экскаватор и кран, вырыл котлован и уложил фундамент. Все было готово к первому чину освящения. Шел 1994 год. Встал вопрос: кого звать на освящение – город или область (*в ту пору Горисполкомовские и Облисполкомовские отчаянно не ладили*). В конце концов, решили позвать мэра Энска Кудыкина (*в свое время мой отец, в бытность свою начальником СКБ Энского завода радиодеталей, принимал Кудыкина на работу; Энск, как и Никая – город маленький*). А губернатору области Вензелееву сказали так: Вас позовем, когда будем служить первую литургию. Так оно и вышло; только звал уже не я, а другие люди.

Далее события располагаются так:

- 14 мая 1994 года, самый конец Фоминой недели – освящение фундамента. Служит Евтихий.
- Июнь 1994 года. Освящение креста. Служит Евтихий, я подвожу его на своем «Форде Гранادا». Он говорит памятные слова: «Может, когда-нибудь и мне, бедному владыке, предстоит здесь упокоиться». Тогда же он спрашивает меня: «Саша, ну когда же ты покрестишься? Столько хорошего делаешь, а некрещеный». Благословляет креститься у о. Фомы Благоева (*о. Фома до этого крестил мою мать и моего сына в 1992 году*).

- Август 1994 года. Меня крестят в деревянном храме Воскресения Христова в селе Коробицы, Энская область, Беловский район. Крестит Фома, отцом записывается Валерий Селиванов.
- Сентябрь 1994 года. Мой бизнес рушится.
- Ноябрь 1994 года. Меня сажают в тюрьму. Деньги на строительство храма кончаются. Мой приятель, издатель газеты «Благосвет» Василий Гулькин начинает народную подписку на храм. Побираясь ради Христа, обивая кабинеты и приемные директоров, он набирает требуемую сумму. Иногда люди помогают и строительными материалами.
- Апрель 1997 года. В автокатастрофе гибнет мой друг Игорь Либман (*через неделю будет ровно 10 лет*). Похоронен на Бабаевском кладбище, в двух минутах ходьбы от храма. Так храм начинает собирать вокруг себя моих покойников.
- Апрель 1997 года. У моего крестного умирает мама. Ее ставят в храм и там отпевают. Она – первая, кто вышел из этого храма в потусторонний мир.
- 6 мая 1997 года, Радоница. Первая литургия, служит Евтихий, председательствует на слете губернатор Вензелеев. Я наблюдаю за происходящим из камеры 133 Энского СИЗО (*больничка*).
- 5 августа 1998 года. Приговор суда: 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Отдельно в приговоре подчеркивается, что Бабаевский храм строился обвиняемым Резанцевым для того, чтобы ввести в заблуждение потерпевших по уголовному делу относительно истинных своих намерений, направленных на умышленное хищение средств потерпевших путем мошенничества.
- 19 ноября 1998 года. Выхожу из тюрьмы по УДО.
- 1999 год, Рождество. Впервые стою на службе в церкви, которую заказал и частично оплатил. Пою вместе с хором на клиросе, читаю акафисты. Это первый и последний раз в нынешней моей жизни, когда я пою в церковном хоре.
- Январь 1999 года. Прихожу к Евстихию за благословением на новый венчанный брак. Он радушно усаживает меня за стол. Переживали за вас, говорит. Благословляет.
- 2001 год. Церковь в Бабаево впервые ограблена. Радуюсь тому: храм начинает жить той же жизнью, что и все остальные храмы России, и в этом плане он больше не одинок.
- 2001 год. Мой венчанный брак успешно развенчан митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Владимиром. Это первый и последний раз в нынешнем воплощении, чтобы я венчался.
- 2003 год. Чудо: бумажная икона с изображением Воскресшего Спасителя начинает мироточить.
- 2005 год. Умирает моя тетка Таня. Всю жизнь прожила в Питере (*в том числе вынесла блокаду*), но потом здоровье стало ее подводить, и мы ее перевезли во Энск. Лежит там же, в Бабаево.

Итак, 4 храма, 4 точки памяти. Рассказанное здесь выглядит слишком фантастично, чтобы во все это поверить. Храмы №№ 1–3 – поддерживаются моей интуицией, и только ею. Все события по храму №4, помимо моих слов, могут быть подтверждены документально. Ибо главные свидетели тех дел – Евтихий, Селиванов, Вензелеев, Кудыкин, Степа Степанов, Вася Гулькин, Толя Галкин – пока живы (*дай им Бог здоровья*), и их можно распросить. А, коли верно сказанное о Храме №4, - значит, есть **шанс**, что сказанное о других храмах в моих предыдущих жизнях – тоже чистая правда.

12. Церковный комсомол в действии

Прошло примерно полгода с момента зачисления курсанта Грека в разведшколу. Наступило лето. Агент Грек (*или, если точнее, Слободан Драгович*) только что вернулся из недельной туристической поездки по братской Сербии. В дороге Слободана сопровождал бизнесмен и меценат Владислав Гольштейн (*в миру более известный как баландер Василий Петрович Воротилов*). Цель поездки, как ее определил преподаватель Воротилов, была понятной: поймать фактуру, взять в багаж то, что не даст никакая разведшкола, никакая пышногрудая педагог Зденка Богданович – точность в мельчайших деталях, степень подробности.

Настало время выписываться из школы. В Братеево чекисты арендовали для Слободана однокомнатную квартиру с мебелью, так что к переезду было все готово. А что до вещей, то тут все умещалось в три сумки. Как говорится: голому собраться – только подпоясаться. Обходной лист был подписан. В номер к Слободану позвонила медсестра Валентина: через час финальный медосмотр, просьба принять душ.

- Выписку из амбулаторной карты я даю тебе на руки, - сказала Валентина, когда Слободан явился на прием и в последний раз сдал анализы. – Здесь все твои параметры при поступлении и выписке: давление, анализ мочи-кала. Ты прикреплен к страховой компании «ВЕСЫ-ГАРАНТИИ». Вот твой полис ДМС, не потеряй. Полис ОМС оформишь по новому месту работы. Если что, сразу звони лечащему врачу по вот этому телефону. Приедет на работу или домой в течение трех часов. Так, я должна тебе еще гениталии посмотреть, забыла. Снимай штаны.

С некоторым смущением Слободан снял штаны.

- А теперь закрой глаза и молчи, - скомандовала Валентина. – Забор спермы.

Слободан, пребывая в нарастающей истоме, осознавал, как Валентина ласково берет его член в руки и начинает массировать. Потом температура в районе члена изменилась, и Слободан понял, что это был уже рот. Слободан принялся содрогаться перед оргазмом; в этот момент Валентина завершила минет и дернула за член пару раз рукой. Слободан кончил. Валентина уверенным движением взяла заготовленную салфетку и обтерла Слободану лингам.

- Все, боец, - сказала она, – здесь твоя миссия окончена. Иди и береги себя.

В холле курсантского корпуса Слободана поджидал Василий Воротилов. Слободан бросил свои баулы в багажник служебной машины, Василий Воротилов сел за руль. Они выехали за территорию школы. Машина двинулась в сторону третьего транспортного кольца Москвы.

- Попрощайся со школой, - сказал педагог Воротилов (*он же – бизнесмен и меценат Владислав Гольштейн*). – Больше здесь не окажешься. Как тебе дембельский минет от Валентины? Понравилось?

- Недопонял, - изумленно сказал Слободан Драгович (*или как там его*). - Неужели традиция такая?

- Неформальная, - пояснил педагог Воротилов. – Валя – женщина душевная. Она курсантов жалеет. Понимает, что они идут на смертельно опасное дело. Сначала командование школы недоумевало, и даже хотели ей запретить. Но потом решили, что пусть будет. Если тебе понравилось – ты скажи, я передам. Вале будет приятно.

Всю дорогу до братеевской квартиры они молчали. Слободан вновь и вновь переживал нечаянную радость минета (*шесть лет без секса – это перебор в любой системе ценностей*), а Василий сосредоточенно жевал в голове свою грядущую скандинавскую миссию. До места добрались за два часа, по пробкам.

- Ну, пожелаю успешного начала, - сказал педагог Воротилов, когда они добрались до места и в течение получаса изучили новое Слободаново жилье. – Сербский акцент у тебя уже вполне сносный, продолжай тренироваться каждый день, диски у тебя есть. Лаптоп вози с собой. Вот тебе деньги на первое время – два штукаря грин. Потом начнешь зарабатывать – вернешь Николаю Ивановичу, это из спецфонда. Мобиру не выключай, регулярно ставь на подзарядку. Если она у тебя 10 минут выключена – у нас по управлению сигнал тревоги, тебя объявляют в федеральный розыск, до этого доводить не надо. Сигнал тревоги – кодовое СМС или выключение моберы: мы в этот момент понимаем, что что-то стряслось. Тебе будут звонить три раза в сутки, ты сообщаешь кодовое слово-ключ, тебе в ответ новый ключ, как мы и договаривались. Завтра за тобой заедет наш водитель в семь утра, красная третья «Мазда». Будет тебя возить на работу и домой, пока ты себе не купишь новую тачку. Но это уже с Николаем Ивановичем будешь решать, а с тобой я закруглился. Вопросы, замечания.

- Спасибо тебе, - просто сказал Слободан Драгович. – Хорошая работа.

- Главное, чтоб пошла впрок, - заметил педагог Воротилов. – Последнее. Если решил выйти из игры – лучше сразу сам пойдешь и повесишься. Или прыгай из окна – тут девятый этаж, тебе хватит. Потому что в этом случае легкой смерти у тебя не будет. Безо всяких страшилок, боец. Мы работаем, как воздушные акробаты в цирке, наша жизнь зависит от партнеров рядом. Малейший косяк – и все мы падаем, ломая позвоночники. Это никому не надо. Работай точно. Все, держи краба.

- Успехов тебе в Скандинавии, Пенталгин, - сказал Слободан Драгович и крепко пожал протянутую ему руку.

- Надеюсь, увидимся еще, - сказал Пенталгин и захлопнул за собой дверь.

Ровно в семь утра следующего дня Слободан Драгович сел в кабину служебной «Мазды». Он был одет в партикулярное платье (костюм, галстук), в руках у него был кейс с ноутбуком. На улице стоял июнь месяц, было довольно жарко, уже прямо с утра.

- Меня зовут Петр, - сказал человек, сидящий за рулем. – А вы – Слободан Любомирович Драгович. Я – ваш помощник на ближайшие 2 недели. Вожу Вас, курирую Ваше расписание, помогаю Вам с приобретениями и довожу указания Николая Ивановича. Как обоснуетесь на стационарном месте работы – действуете уже сами. Сегодня у Вас в 9-00 – совещание в кабинете Николая Ивановича, ориентировочно до 14-00. Затем мы едем выбирать вам новую машину (паспорт и права у Вас с собой, даже если идете выносить мусорное ведро). Предположительно, Шкода Фабия (раз вы на ней учились в школе, это будет проще), но с нашими последующими доработками: микрофоны, датчики, все дела. Для удобства, машину купим на мое имя, Вы будете ездить по доверенности. Вот Ваш пропуск в управление, потом мне его сдадите. Все последующие встречи с Николаем Ивановичем будете проводить на нашей явочной квартире в центре города, ключи я Вам потом выдам.

В памятном Слободану кабинете у Николая Ивановича на этот раз былолюдно. Сначала все приглашенные безмолвно сидели в приемной, а затем из кабинета вышел помощник Слава, известный Слободану по прошлому разу, и жестом пригласил всех в кабинет. Водитель Слободана Петр остался сидеть в приемной. Зайдя, все чинно здоровались с Николаем

Ивановичем за руку, усаживались за большой стол друг напротив друга, доставали из портфелей блокноты и ноутбуки. «Слава, всем кофе», - сделал распоряжение Николай Иванович.

- Я хочу представить всех вас друг другу, - начал Николай Иванович. – Позвольте, я сам определю порядок представления. Начну с дамы. Татьяна Александровна Филатова, наша комсомольская богиня.

Симпатичная невысокая женщина, лет этак тридцати пяти, рыженькая, одетая в строгий офисный костюм, привстала и кивнула собравшимся головой.

- Профайлы всех участников я вам потом разошлю, - пояснил Николай Иванович. – Да потом вы и сами познакомитесь друг с другом поближе. Поэтому буду называть только главные моменты резюме. Татьяна Александровна имеет высшее экономическое образование (ВШЭ), второе образование – Академия госслужбы при Президенте экстерном, опыт работы в молодежных организациях «Единой России». Татьяна Филатова – лидер вновь создаваемого движения «Молодая православная Россия». Ее задачи – общее руководство, представительские функции, кадровый менеджмент, взаимоотношения со средствами массовой информации и заинтересованными кругами. Прошу любить и жаловать.

- Следующим я представляю дьякона Андрея Караваева, - продолжил Николай Иванович. Молодой священник встал и поклонился собранию. – Он курирует вновь создаваемое движение по линии Московской патриархии. Отец Андрей хорошо известен по своим монографиям, обличающим современные ереси: сатанизм, теософию, реинкарнации и т.п. Это нам на руку. Мы позиционируем отца Андрея не только как контактное лицо, но и как консультанта движения по интересующему нас спектру вопросов. Не стесняйтесь звонить ему, писать по электронной почте. Батюшка Андрей – человек современный, он даже на рок-концертах Кости Кинчева проповедовал. Так что, думаю, нашей молодежи будет лучше с ним завязаться поплотнее.

- Теперь я хочу представить вам нашего коллегу из братской Сербии, - продолжал Николай Иванович. Слободан, понимая, что речь идет о нем, встал, потом сел. – Слободан Драгович, ныне – гражданин России. Борец за православную Сербию, потерял родных в боснийском конфликте, участвовал в войне с албанцами, награжден лично Радованом Караджичем именованным оружием. Был арестован албанским гестапо, били его там чуть ли не до смерти, чудом бежал из плена. Его даже заявляли в Гаагский трибунал, но у них там руки коротки. Так что наш Слободан знает все опасности, угрожающие православному миру, не понаслышке. Слободан в движении будет отвечать за идеологию, в плотной коммуникации с отцом Андреем. Публичные выступления, вместе с Татьяной Филатовой, написание статей и пресс-релизов. Также за ним – становление и развитие отделений движения в регионах, выстраивание сети и обеспечение безопасности движения, в прямом контакте с нашими силовыми структурами.

- Теперь я представляю нашего финансиста, - продолжил Николай Иванович. Встал долговязый очкарик. – Пфельд Владимир Владиславович. Опыт работы в региональных администрациях и в ряде крупных банков. Вот этот уникальный двойной опыт мы используем совместно. Владимир будет в движении отвечать за взаимодействие со спонсорами и поиск новых источников финансирования движения. Предварительная работа уже проведена, и сразу после регистрации движения на счета поступит порядка миллиона долларов. Но это только на первое время, разумеется. Владимир будет действовать в плотной связке со Слободаном в части финансирования региональных отделений.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- И последний, кого я хочу вам представить, это Валентин Кузьмич, - завершил свое представление Николай Иванович. Встал совершенно седой мужчина лет шестидесяти, с отчетливыми следами от недавнего похмелья. – Фамилию Валентина Кузьмича я вам не открою, потому что это связано с нашим ведомством. Валентин Кузьмич возглавляет наш креативный отдел, как мы его называем. Все, что касается артефактов – слоганы, логотипы, бренды, транспаранты, заказные статьи в газетах, комсомольские речевки, растяжки, стяги, хоругви и т.д. – это к нему. Напрямую с ним будет взаимодействовать Слободан. Он же будет отслеживать потребность в креативе по регионам. Все расходы по креативу мы берем на себя, но это как бы наш вопрос, вам не надо будет на этом заморачиваться. Так. Я предлагаю сейчас, прежде чем мы приступим к мозговому штурму, запланировать нашу встречу с Патриархом. Он получил обращение, адресованное ему нашим товарищем Слободаном Драговичем, и выразил свое согласие на беседу. Сейчас я наберу Патриархию.

Николай Иванович поколдовал над своим пультом, включив громкую связь. Вскоре собравшиеся услышали громкий телефонный гудок.

- Алло, - сказал Николай Иванович. – Отец Онуфрий?

- Так точно, - отвечал на том конце молодой голос, с неприятно подвизгивающими интонациями, как будто бы ломался голос у подростка-неврастеника.

- Это Николай Иванович из 15-го управления, - сказал Николай Иванович.

- А-а! – радостно произнес голос, узнав собеседника. – Здравствуйте.

- Отец Онуфрий, - сказал Николай Иванович. – Я звоню по поводу ожидаемой встречи с Его Святейшеством, которую мы с Вами планировали на той неделе. Как здоровье владыки?

- Да-да – подтвердил голос на той стороне. – По многим молитвам святых угодников Божьих Его Святейшество поправляется. Сам будет служить во Христа Спасителя в эту субботу. Так что встреча не отменяется. *(Было слышно, как собеседник на том конце провода стучит по клавиатуре)*. Двадцать седьмое июня, пятница, в десять утра, безо всяких опозданий. Полчаса. Пусть Ваши сотрудники подходят минут за пятнадцать, я встречу, объясню, как подойти к ручке владыки, как вести себя на приеме. Хотя они у вас православные, должны знать. Ну, с Богом. Ангела-Хранителя!

- И Вам Ангела, отец Онуфрий, - пожелал Николай Иванович. На том конце повесили трубку. – Ну вот, вы слышали. У нас еще две недели в запасе, так что можно хорошо подготовиться. На встречу с владыкой пойдут Татьяна, Слободан и отец Андрей. Предлагаю сейчас немного поинтуичить, в порядке мозгового штурма, с чем они пойдут. Главные тезисы наметим.

- Первое – это содействие нашей православной церкви в воспитании подрастающего поколения, - подала голос Татьяна Филатова.

- Абсолютно правильно, - поддержал Николай Иванович. – Не надо выпячивать самостоятельную роль движения. Православный комсомол – это помощь церкви, активность под руководством церкви, а не третья сила. Теперь – первоочередные задачи по воспитанию молодежи. Чего мы хотим добиться на выходе?

- Православные ценности, исповедуемые человеком в повседневной жизни, - сказал Слободан. – Перевод на современный светский язык учения Христа. Что хорошо, а что плохо. Как азбука для малышей.

- Тут главное – не упрощать, - возразил дьякон Караваяев. – Мы вот все порываемся спустить церковь до уровня мира, обмирщая церковь. А надо совсем наоборот – воцерковлять мир. От упрощения недалеко и до искажения. Не надо пытаться спустить на землю Царствие Небесное, не получится.

- Во всех случаях мы хотим получить модель нравственного поведения для молодого россиянина, - парировал Слободан. - А уж кто к кому пойдет на встречу – это дело десятое. Молодежь в основной массе своей в церковь не идет, признайте это. Значит, нужно, чтобы Церковь вышла за ограду в мир на проповедь, как в первоапостольские времена. И здесь не надо так уж заботиться о чистоте риз. Как апостол Павел говорит: «С Иудеями я был как Иудей, а с Эллинами как Эллин».

- Я здесь поддержу Слободана, - вставил слово Николай Иванович. – Мы решаем вопросы не вероучения, а идеологии для светского государства. Если этот опыт привьется, дальше будем «Молодую исламскую Россию» создавать. Поэтому мы и делаем разнесение активностей: Церковь Церковью, движение движением. Мы не должны бояться впасть даже в некоторую популяризацию православия. Молодость – это всегда прямота и бескомпромиссность, на это тоже возьмите поправку. Нужны очень простые и очень доходчивые формулы, что хорошо, что плохо. Можно даже на баннерах писать и развешивать в метро: о хорошем – черными буквами на голубом фоне, о плохом – белыми на черном. И логотип движения. Еще очень важно: православие в его современном облике должно стать модным в современной молодежной среде. Это должно быть клево. Православная тусовка – это не должно коробить слух старших. Лучше пусть они православно тусуются, чем ширяются по подворотням.

- Тусовки – это половина дела, - добавила Татьяна Филатова. – Нужны нравственные поступки. Мы же можем оглянуться на опыт пионерии и комсомола, там все это было поставлено раньше. Когда тимуровцы к старикам ходили, приносили продукты – это ведь не было плохо, и это надо вернуть. При этом не надо, как свидетели Иеговы, пытаться под это дело подложить свои проповеди. Просто помощь, безо всяких наворотов. Брать шефство над стариками и инвалидами. Достаточно и того, что мы ради Христа это делаем и об этом свидетельствуем.

- Детские дома, дома престарелых, тюрьмы, больницы, приюты для бомжей, - ввернул долговязый Пфельд.

- Тогда не забудьте и армию, - очнулся страдающий от похмелья Валентин Кузьмич. – Солдату на службе бывает хуже, чем в тюрьме. Голодать не голодает, а вот в сексуальном плане голяк. Тут бы подумать, как можно организовать шефство.

Все заухмылялись.

- Немного не в ту степь, Валя, - сказал Николай Иванович. – Мысль правильная, но не формат. Пусть этим движение «Наши» занимается. Опять же, надо как-то рождаемость поднимать. Против абортот. Сказать так: не убивайте ребенка, родите его нам, а мы уже воспитаем. Работа с усыновителями. В общем, некий промежуточный итог: религия Христа – это религия, прежде всего, добрых дел. Мы свидетельствуем о Христе праведными поступками, оказывая содействие тем социальным слоям, куда у государства не доходят руки. Мы тренируемся быть нравственными. Нравственные мы – нравственный мир вокруг нас. Это – работа на увеличение меры добра. А вторая часть деятельности – это работа на отвержение зла. И в первую очередь – еретических учений и разлагающих бытовых практик. Минус –

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

астрология, экстрасенсорика, гадания, сатанизм, алкоголизм, наркомания, насилие в семье, ковыряние в так называемых прошлых жизнях.

- Это все можно отнести к действиям князя мира сего и его adeptов, - разъяснил отец Андрей.
– Может быть, даже и не пугать сатаной и муками ада, а сделать акцент на том, что, вредя миру, ты вредишь самому себе, а вредя себе – вредишь своей душе. И без последствий это не остается ни в этом мире, ни в жизни будущего века.

- А чем же это отличается от понятия кармы? - спросил Слободан.

- Очень просто, - объяснил отец Андрей. – Карма, по мысли всех несостоятельных учений, - это безличный механизм поощрения добра и воздаяния за зло. Мы же, православные, видим волю Божию во всем. «Мне отмщение, и Аз воздам», говорит Господь Саваоф. И Павел говорит: «Наказание за грех – смерть». Кто наказывает? Бог, разумеется, а никакая не карма. И человеческая совесть, которая обличает человека сквозь толщу наделанных грехов, не дает успокоиться.

- Давайте теперь по оргструктуре поговорим, - сказал Николай Иванович. – Какие мысли?

- В административном плане - сетевая структура, основанная на первичках в регионах, - сказала Татьяна Филатова. – Три части: центральный аппарат – узел в субъекте РФ – ячейки на местах. В функциональном плане – отдельные профильные направления деятельности, возглавляемые кураторами в центральном аппарате и их заместителями на местах. Соответственно, в региональных звеньях сотрудники профильных отделов несут двойное подчинение: руководителю отдела по вертикали и профильному заместителю куратора по горизонтали. Матричная структура. Наполнение кадрами – через священников в православных приходах и по линии «Единой России».

- Какой ожидаемый бюджет затрат такой организации, ты прикидывала? – спросил Николай Иванович.

- Это лучше пусть Владимир ответит, - сказала Татьяна. – Он проводил расчеты.

- Две основные составляющие затрат, - дал справку Пфельд. – Во-первых, фонд оплаты труда функционеров, в среднем порядка 1000 долларов на брата. В Москве больше будут получать, на местах – меньше, но в среднем где-то так. Во-вторых, расходы на мероприятия движения. Мы оценивали порядка 3 миллионов долларов на тысячу участников движения в год. То есть в среднем один участник должен совершить добрых дел где-то на три тысячи долларов в год. Если считать все вместе, то в 2008 году бюджет расходов планово составляет 30 миллионов долларов, в 2009-м – 50 млн. долларов, а дальше плановый рост по сто миллионов в год.

- А источники финансирования? – спросил Николай Иванович.

- Мы можем без проблем собрать эту сумму, если окупим сотни три российских предприятий из первых 2000, не считая энтузиастов на местах, - дал справку Пфельд. – С учетом той картотеки, что есть в вашем ведомстве, это вполне реально.

- Ладно, - подвел черту Николай Иванович. – В целом, понятно. Мы тогда попросим Слободана это все обобщить и разослать нам по почте. Через неделю мы собираемся еще раз и доводим дело до конца. Должна вызреть и оформиться идея движения, концепция. Слободан, посмотри устав ВЛКСМ, как он структурирован. Манифест Коммунистической партии Маркса-Энгельса прочти, если раньше не читал. Главная ставка – на единство, на

командную работу в группах. Идеал движения – это построение комфортного завтрашнего дня для России. Сейчас самый сложный период – идеологическое оформление. Дальше пройдет сплошная рутина, и о главных вопросах думать будет некогда. Созванивайся и встречайся с отцом Андреем по необходимости, набирайся ума и опыта в этих делах. Все, коллеги, лед тронулся, совещание считаю закрытым. Жду вас всех в это же время через неделю. Все свободны, а Слободана прошу задержаться еще на одну минутку.

- Ну как тебе публика? – спросил Николай Иванович у Слободана, когда все покинули кабинет.

- Ничего, - сказал Слободан. – Девица – конь, так и бьет копытом. Там дело пойдет. Я так понял, что хозяйство в основном на мне, а она больше по митингам?

- Все правильно, - подтвердил Николай Иванович. – Она в кадре, а ты – за кадром.

- Только этот странный, Валентин Кузьмич, - сказал Слободан. - Такое впечатление, что никак не может отойти от жидкости всю дорогу.

- Да, в этом есть определенная проблема, - сказал Николай Иванович. – Но зато, как профессионал, он не имеет себе равных. И команду подобрал отменную. Пфельд – тоже интересный парень, но с ним ухо остро. Мы на него обратили внимание, когда узнали, что они вместе с Резанцевым во Энске работали в 1994 году. Тесен мир, что называется. Тогда его упаковали в ИВС на трое суток по делу «Водолея», но потом выпустили и дело закрыли. Не любит вспоминать об тех временах, сразу начинает шипеть. И ты не напоминай, нечего человека травмировать попусту. За ним косяки по ельцинскому периоду (налоги и все такое), поэтому он нам помогает не вполне бескорыстно. Можно сказать, за крышу. Но лучшего солвера я не знаю.

- Что такое солвер? – спросил Слободан Драгович.

- Решатель, - сказал Николай Иванович. – Человек, который увязывает темы между смежными элитами. Например, между банками и региональными администрациями. Когда работал зам председателя правления банка, заносил лавэ в администрацию. А когда вице-губернатором – наоборот, принимал лавэ от банков и разносил по этажам. Потом: есть темы, которые по телефону не вяжутся, надо встречаться, тереть. И при этом – не попать себе бэкофис. Тем Пфельд и хорош, что он из всех запуток выходит сухим. И квартиру ему жгли, и заточкой в шею тыкали, - а ему все нипочем. Крученный. Ну ладно. Ты сейчас с Петром в салон «Шкода», как я понял. К Петру – по любым вопросам. Очень надежный боец, дан по боевому карате, профессиональный нулевщик. Ты с завтрашнего дня начинаешь мне пересылать еженедельные отчеты о проделанной работе через наш портал. Мой позывной – «Полтинник», твой – «Грек». Соответствующие аккаунты на портале Слава нам завел. Если нужна какая-нибудь оперативная справка – кидай на Славу, он озадачит людей и перешлет тебе ответ. Но всякими порожняками старайся не напрягать, у наших и так работы выше головы.

- А почему «Полтинник»? – спросил Слободан. И только через секунду спохватившись, рассмеялся, уловив.

- Потому что уже не поросенок Пятачок, - отвечал Николай Иванович. – Когда-то ходил в Пятачках, но потом подрос.

13. Грек - Полтиннику. Анамнез Иры Барановой (ап. Павел)

Распорядок дня у Слободана Драговича сложился следующим образом. Три рабочих дня в неделю из пяти были у него присутственными. С девяти утра до восьми вечера Слободан сидел в своем кабинете, в офисе движения «Молодая православная Россия» на Малой Бронной. Он назначал совещания, звонил по телефону, встречался с активистами с мест (*иногда, впрочем, совещания шли за полночь, и тогда Слободан оставался ночевать прямо в офисе, где на такой случай у него в кабинете стоял плюшевый диван*). Остальные два рабочих дня Слободан трудился дома, в Братеево. Аренда однокомнатной квартиры обходилась Слободану по скромной цене тысяча убитых американских ентов в месяц (*прошла евроремонт и того стоила*). Как одно из первых лиц движения, Слободан Драгович получал приличный даже по московским меркам оклад – пять тонн грина, причем по-белому. Этого вполне хватало на все и про все. Как мы знаем, Слободан вырос в убогой боснийской деревеньке и шиковать не привык.

В кабинете Слободана, прямо у него над головой, висела коллективная фотография. На ней стояли Патриарх всея Руси Алексей Второй, по левую руку от него – Таня Филатова, по правую – Слободан, и где-то сбоку прибился дьякон Караваев. Рядом, в багетной рамке, висело выполненное на церковном бланке благословение Патриарха на создание и работу движения «Молодая православная Россия», собственноручно подписанное Его Святейшеством.

Сегодня Слободан встречался с Пфельдом и получал информацию о финансовом состоянии движения. Пфельд докладывал Слободану о проделанной работе раз в неделю. Технология работы Пфельда со спонсорами была отработана до мелочей. За день до визита ключевому собственнику предприятия-спонсора поступал звонок из регионального управления ФСБ, оттуда просили принять Владимира Пфельда с коммерческим предложением. В самом начале беседы Пфельд доставал из своего кейса документы и с милой улыбкой передавал их собственнику. Это был перечень оффшорных лавок организации и обороты по их счетам за последний год. Если собственник начинал быковать (*такое случалось, но крайне редко*), Володя Пфельд приносил извинения за то, что ошибся дверью, и уходил. Еще через два часа офис организации незадачливого собственника окружала налоговая полиция, и начинались маски-шоу.

В кабинет Слободана без стука зашла Татьяна Филатова.

- Слободан, - сказала она, – я полетела в Пермь на открытие регионального отделения, меня два дня не будет. Остаешься в избе за старшего.

- Много водки не пей, - отвечал Слободан. – Береги себя, ты еще так молода.

- Как скажешь, - сказала Татьяна Филатова. – Там какая-то нескладуха с митрополитом, он то ли заболел, то ли уехал. Свяжись с Николаем Ивановичем, я уже не успеваю. Надо освящать офис, а простого попа звать – неформат.

- Решим вопрос, - сказал Слободан. – Оставайся на связи, мобилу не выключай, тебе позвонят.

Татьяна Филатова ушла. Слободан снял трубку, набрал секретаршу: «Галя, телефонограмма в приемную Николая Ивановича. Просьба обеспечить присутствие митрополита Перми на

открытии регионального офиса движения. Возьми на контроль, информацию Тане и мне. Кто у меня после Пфельда? Никого? Отлично. Никаких встреч на вторую половину дня сегодня не ставь, меня ни для кого нет».

Пфельд был краток. Он рассказал Слободану о поступлениях, обозначил плановую расходную часть на ближайший месяц. Открывался офис в Перми, на подходе был офис в Казани. Расходы росли как снежный ком, но приходы росли быстрее, что не могло не радовать. Новости о визитах Пфельда к спонсорам распространялись быстро, и мало кто отваживался возмущаться. Местные толстосумы, кряхтя и вздыхая, раскошеливались. Взамен Контора выдавала им что-то вроде индульгенции – устное обязательство не теребить оффшоры и наложить мораторий на налоговые проверки за весь период сотрудничества. Во избежание осложнений, Контора предлагала предприятиям новых оффшоров не создавать. Это был классический государственный рэкет, и то, что обещал Николай Иванович в отношении олигархов, сбывалось в полный рост. Поцелуи в жопу, антикварные яйца, безналичные перечисления с Багамских островов и пухлые конверты множились.

Слободан слушал Пфельда, вникал в расчеты. «Пфельд работал с Фомой», крутил в голове Слободан главный пункт своей миссии, «и что-то там случилось у них, какая-то неувязка, что один сидел четыре года, а другой – только три дня». Слободана так и подмывало приступить к Пфельду с расспросами. Но, памятуя предостережение Николая Ивановича, Слободан воздержался. В конце концов, Слободан прошел зоновскую выучку и держал в голове козырной вопрос, который задают в таких случаях в тюрьме и в лагере: «С какой целью интересуешься?». Во многом знании много печали, припомнилось Слободану из Екклесиаста.

Наконец, Пфельд ушел, и Слободан мог себе позволить сосредоточиться на Фоме и его активности. Еще месяц назад, безо всяких усилий, Слободан Драгович обнаружил компьютеры своих подопечных в мировой паутине и принялся деликатно их потрошить. Это было нетрудно. Компьютеры Павла, Андрея и Фомы – так эти фигуранты проходили по отчетам агента Грека – висели на выделенке, между ними совершались регулярные чаты и прочие информационные обмены. Соответствующие результаты обменов укладывались в специальную папочку на ноутбуке у самого Грека.

Последним удачным приобретением Грека в ходе его компьютерной ловли был набор видеофайлов. Это были интервью на камеру, где Фома (*Резанцев*) интервьюировал Павла (*Баранову*) и Андрея (*Ростову*), четыре часа видео от 12 января 2007 года (*довольно старые, но содержательные сообщения*). Слободан принялся расшифровывать видеоряд с получением стенограмм интервью. Он решил назвать эти стенограммы анамнезом. Они ведь большие, сказал себе Слободан, поэтому медицинская терминология уместна. Начал Слободан с Павла.

Уже к самому концу дня Слободан завершил анамнез Барановой. По косвенным признакам, он уловил, что на интервью Фомы и Павла присутствовал третий человек (*еще апостол?*). Кто именно, предстояло уточнить. Сам же текст стенограммы выглядел так:

АНАМНЕЗ ИРИНЫ БАРАНОВОЙ (АП. ПАВЕЛ)

Фома. Давай по биографии. Родилась, крестилась, женилась. Была обыкновенной женщиной?

Павел. Нет, обыкновенной женщиной не была. Белой вороной... Потому что всегда любила объяснять. Не стеснялась говорить правду, не опасалась упасть в чьих-то глазах. В школе подтягивала отстающих по математике прямо с первого класса, получалось. Читала книги классу на уроках за учительским столом, доверяли в семь лет. Родилась в 58 году, окончила школу, почти все пятерки, кроме английского. Училась в музыкальной, бросила только, болела часто. Много грамот за участие в олимпиадах: по математике, черчению, биологии. Мироззрение в детстве – атеист, потому что не верила в церковного бога, глупостей много слышала. Уже с 17 лет начала интересоваться йогой – и до кучи выпивкой. Три раза перебрала до тошноты, поняла, что есть склонность к алкоголизму, как у многих в России, и сказала себе «стоп» навсегда. А муж пьет всю жизнь, крепок здоровьем, это позволяет ему не терять форму. Но из-за алкоголя у нас хронические семейные проблемы. Несколько раз пыталась разводиться, но не дают, держат вместе. Для чего-то каждый раз нужно было продолжать жить семьей.

У нас тут маленькое грязненькое торфяное озеро в лесополосе, я работала там дворником два сезона, очищала от мусора, по совместительству – на пляже. И вот, эти два года, что я собирала там мусор, и после я разговаривала с отдыхающими о прошлых жизнях, со знакомыми и нет, мне всегда была интересна эта тема. Начну сначала. Вера в реинкарнации возникла у меня уже в 17 лет. Когда было 19, умирал от рака отец, иссыхал. «А ведь там кто-то есть», - сказал он незадолго до смерти. Отец был честным человеком, преподавателем электротехники и пожизненным атеистом, было видно, что он абсолютно искренен (справка: наркотические обезболивающие в те годы ещё не практиковали, его центральный рак легкого вообще препаратами не лечили, он долго умирал, задыхался, не мог есть). Для меня его слова стали доказательством жизни вне физического тела. Тогда была вера, которая медленно крепла, а знание пришло позже. Однажды давно, в начале 90-х, когда магазин «Путь к себе» в Москве был еще книжной лавкой, и все лежало внавал на этой лавке, - меня одна женщина тронула за плечо и сказала: возьми вот эту. Это был Рампа, «Третий глаз». Тибетец Рампа «сделал» многих в вере в реинкарнации, вызывая уважение к своей судьбе и стране. Да, об озере... Таким образом, я пыталась их вскрыть, отдыхающих, я их «делала». Разговоры, кстати, затевала смолodu, работая инженером-конструктором, и потом, отдыхая на море, и в долгих очередях где-либо, везде при случае, они мне были интересны всегда. Некоторые со временем вспомнили какие-то моменты прошлых жизней, хотя сначала пугались тематикой. Это было здорово! Некоторые сразу говорили, что помнят, чаще молодые женщины. Некоторые шарахались... А работа на помойке оказалась попутной программой лекций на тему «вспомните, пожалуйста, свои прошлые жизни и утвердите реинкарнации в христианстве». Лица некоторых, которые стали близки после знакомства, потом узнала на моих картинах Рембрандта, мы и в том воплощении были знакомы. Некоторых – на картинах других художников, человек пять.

Фома. Но это все была вера, не подкрепленная никакими фактами?

Павел. В 41 год я пошла на курсы кастанедовских последователей, была увлечена его философией. Но после знакомства уловила, что в них есть что-то эгоистичное, отделяющее, то, что мешает им расти духовно: они были заняты магией, собой и друг другом, благополучие человечества их не интересовало. Но: ничего нельзя осуждать, а методики для ясновидения или упражнения для здоровья можно взять откуда угодно – это всего лишь методики. И я ушла от них. У них – своя группа и интересы. У нас, учеников Иисуса Христа, куда входим ты, я, Светка и другие из евангельских событий – своя и свои задачи. У всех абсолютно людей есть астральные или ментальные контакты в группах с однотипными интересами, то есть ночное поле деятельности и контактов. И у нас – есть: мы там проходим ликбез, решаем, что предпринять по жизни, можем получать рекомендации от Иисуса и его

группы, а наяву – едва прозревать, но все же делать, как бы сами додумавшись. Редко кто помнит ночные контакты четко, в деталях, но они есть.

Фома. Это что, сновидения?

Павел. Нет, не сновидения. Если бы это были сны, я бы их помнила, как фантастические спутанные события. Астральные контакты есть у всех людей, их помнить легче, ментальные – нет. У нас – ментальные контакты, это высокий уровень, вибрации настолько высокочастотные, что мозг их не выводит в дневное сознание. Мои знания - это скорее текст, который я мысленно повторяю, просыпаясь, чтобы не забыть в бодрствовании. Я читала книги Бейли и, бывало, вспоминала, что только что прочитанный кусок по теме мне уже рассказывали во сне! Привыкла уже, что это так, это нормально для меня, а для других - фантастика. У меня нужная информация идет во сне, считаю, что получаю её от контактов. У Светки – наяву, она сильный телепат, она слышит днем, что ей говорят с ментальных планов телепатически, подсказывают, что лучше предпринять в некоторых случаях. У меня осознание себя в астральном теле было всего один раз, когда я сквозь этот шкаф вышла в коридор, сквозь шкаф и стену. Мне только один раз это дали почувствовать, я просила, очень хотела. Ощущение приятное. Кто-то рядом присутствовал, инструктировал. Только была невероятная слабость, мне всегда говорили, что мало энергии, тело слабое. Сама знаю! Дали это ощущение, чтобы осознать свою истинную природу. Насчет Павла и остальных могу сказать....

Фома. Нет, не сбивайся. Давай я буду тебя вести по порядку. Ты коснулась Кастанеды. Что там?

Павел. Люди интересные. Но – боль, отторжение: не так они себя ведут. Я не вижу ни астральный мир, ни эфир, могу только полуосознанно чувствовать, чую нутром, могу указать присутствие кого-то невидимого или схематично описать внешность. Кастанеда – маленького роста, он присутствовал, когда я обозначилась в группе впервые. От него шло тепло, с каким-то приятным звоном в ушах, такое же чувство возникает в намоленных местах. Посмотрите в Интернете, какое у него чистое лицо, глаза, в нём есть любовь. Он должен был продолжить линию магов, став расчетливым эгоистом в экономии энергии, такова была традиция у индейцев. Но он закрыл эту линию и выплеснул часть рассекреченных знаний в мир, серии упражнений, например. Дона Хуана видела ясновидением (давали задание описать внешность): крупный маг, крупные жилистые руки, но холоден, отрешен, там любви нет, хорошо, что линия продолжателей закрыта. Но Дон Хуан вызывает у меня глубокое уважение умом и умением наставлять.... Там вообще было дорого: 400 долларов за десяток занятий. Из того, что я заработала вязанием от увольнения по сокращению штатов до дефолта – полторы тысячи долларов – половину я отдала туда. С тех пор и до этого у меня денег не было. У нас в Зеленограде электроника оплачивалась низко и развалилась начисто: людей выкидывали на улицу пачками. А после дефолта вязание обесценилось - я осталась домохозяйкой с подработкой. Как инженер уже не понадобилась.... Вера в реинкарнации была уже прочной, а Карлос о ней – ни словом, это меня не устраивало! На занятиях нас вела девочка, которая получила австрийское классическое образование ведьмы – есть и такое, оказывается. Но ей напророчили: ты не будешь работать самостоятельно, а ты будешь заниматься с этой вот группой. Она сильный ясновидец: у меня дома в куске поролона для работы иглы натыканы, так она это видит, вдруг спрашивает, зачем тебе столько иголок. И так – часто бывало, поэтому в ее способностях не сомневалась! А я ей рассказывала обстановку ее квартиры, описывала фигуры и характеры ее знакомых по заданию. Технология занятий была такой: она дает задание и уходит. Атмосфера расслабления, тишина, свечи. Вот там у меня впервые хаотически пошли картинки из прошлых жизней, но разрозненно, сумбурно, абстрактно, скажем так. Например, ядерный

взрыв: прошлое, будущее ли? Видится гриб, летит какая-то пыль однонаправлено вдоль земли, листья, звук горящего огня в ушах, стена огня. Откуда это и к чему, не знаю до сих пор. Приходило в голову – у Атлантов это было.... Какие-то схемы расселения народов из района Тибета стрелками на карте, в Карелию, в Южную Америку...Карта материка типа Евразии была совсем другая, огромная перевернутая трапеция.... Место, откуда придет Христос.... Такое в уме возникло объяснение. А задание давали на другую тему! Много было интересного....

Дома продолжалось в тот же вечер, и годы спустя. Например, так: спрашивала: «Господи, за что?» Интенсивные женские кровотечения, уж простите за подробности. Я дохлая, здоровье неважнецкое, а ещё теряю много крови, гемоглобин падал до 8,6, слабость, а в лесопарке работала, 3,5 км рабочий периметр, а внутри леса свалки от пикников разгребала.... Была показана сцена, где я протыкаю кого-то шпагой, человек оседает на пол, течет кровь из бедра.... И сразу (вторая сцена) – бешеный стук сердца, кажется, оно выпрыгивает из груди, потом уже – сожаление, что так закончилось. Вот за что кровотечения, оказывается, это – карма за победу!

Фома. Мне вчера интересное про сотника Лонгина рассказала Света (она же выкупила свою сестру сотником). Они гуляют по Патриаршим, как обычно. А там было убийство и мелом обрисованное место, где лежал труп. Так эта Вамбина (ее звали так около Светки-Лейстер) ныряет прямо туда и сует палец в лужу крови. Вполне осознанная тяга на кровь. Вамбина пугается, что она больная. А это реинкарнационная память! Светке все никак ей не доказать, что это ей наказ – чтобы в следующий раз не тыкала копьём в кого не надо, даже из лучших побуждений.

Павел. Да, голос пролитой крови, из жизни в жизнь. Карма, что тут говорить. Например. Звонит мне женщина, которая стала вдовой в 39, ожидая вторую дочь. А у меня картинка всплывает, как она в прошлой жизни отдает свою девочку в приют. Тогда она не смогла растить ребенка по каким-то причинам. И сейчас ей «благожелатели» предлагали избавиться (как бы и не те же, что и тогда). Она была возмущена! Хороша дочь, удалась на славу! Вот так, ничего бесследно не проходит. Карма за ошибку отработана верным решением. Надо было и тогда так же поступить!

Или еще. У мужа есть сестра: малоэнергичная, ест плохо. Я тоже дохлая, но я ношусь по жизни, энергии много. А эта и ест плохо, и работает плохо. Сил нет. Бывало, жует и замрет, открыв рот с едой. Я почти уверена, что семья моего мужа – это и члены семьи Ван Рейнов, и они же были родственниками Павла тоже. Низкая духовность, жадность, корысть, – плотские, плохо с ними рядом. Ладно, отвлеклись. Она просмотрела беременность. Месячных нет, живот растет, ее муж говорит – сходи ж, наконец, к гинекологу, а она – нет, у меня дисфункция, потому что вес 42 кг (а 35 лет уже, дочь растет). Пошла ультразвук делать, ей говорят: у вас там мальчик пятимесячный. На сроке восемь месяцев мальчик родился, пискнул и умер, хотя его все ждали, радовались, что так вышло. И вот, она мне позвонила однажды, я вспомнила про мальчика, и сцена ясновидения показывает: харчевня. Сидит она в чепце за столом, так же рот с едой открыт. Перед ней – усатый мужчина, от которого она и замирает с открытым ртом. Потом показывают (сцена вторая) плетень, горшки на нем – и трупик младенца: очень узенький таз, бедра то есть, мошонка без яичек, ножки как плети. Я вижу всегда плохо, нечетко, как боковым зрением, но заострилось внимание на обстановке, на недоразвитости, чтобы понятно было, что ребеночек вытравленный. И вот этого загубленного мальчика она так обрабатывает. А в начале брака было ещё зачатие мальчика, которого нечаянно убили при лапароскопии, извинялись. И далеко не сразу она смогла забеременеть и родить дочь.

Я всю свою жизнь парилась по поводу кармы и справедливости. До тех пор, пока мне не пошли вот эти ответы на мои вопросы, жизнь казалась чудовищно несправедливой. А теперь все стало на свои места. Я могу ныть, жаловаться – но понимаю задним числом, что так надо, и надо терпеть и не роптать, смирение называется.

Может помочь и стресс в поисках ответов. Было: муж меня душил. Однажды он совершенно пьяным вывалил какие-то свои тайны, и я ему о них в сердцах напомнила. Но душил не так красиво, как в кино Отелло. Прижал к кровати, вывернул голову набок и надавил на шею рукой рычагом локтя. Я успела сказать: если убьешь, то в ход пойдет бумага, где о тебе все есть. Отпустил, позже сказал: пугал. Очень страдала после, отпустило постепенно, может, и пугал, поди, разберись. После этого случая тоже шли ответы на некоторые вопросы картинками ясновидения.

Фома. А какая реинкарнация распозналась первой у тебя?

Павел. Боткин, врач Романовых. Тут своя история. Мой племянник – у меня их три – женился на женщине на семь лет старше, думаем, может, приворожила. Елена Полушубкина. Она всегда знала, и говорила, что она – Екатерина Вторая. Она же – Саския (узнала её потом), жена моя Рембрандтом. И она медиум, то есть получает подсказки ясновидением, ауры не видит, но слышит, как называют цвет. Рассказывала случаи, как поехала с классом в Москву на экскурсию впервые в какой-то дворец, и она прилюдно рассказывала, где какие были обои в старину, как стояла мебель. Экскурсовод сказал ей: ну, раз вы такая умная, тогда скажите, что в следующей комнате. И она сказала, потом зашли в тот зал – все так и есть! Она верующая, христианка, молится. Память прошлых жизней у нее великолепная, но нравственность ослаблена. Чрезвычайно жадная, корыстная, хитрая, «психолог» с кого что поиметь. Я помогала им с родившимся мальчишкой (зато узнала его дружком по прошлому Алексахой Меншиковым, очень люблю), – так она даже покормить не удосуживалась, иногда слабость накатывала, если долго не ела, прощалась, уходила домой. Не хватает денег на еду, всегда говорила, но если хочешь - *попроси* (справка: муж – декларант в аэропорту, 50000 рублей, десять тратят на няню для двоих уже). А сама втихомолку жрала, когда мы уходили гулять, я видела ее ассортимент, потому что однажды раньше запланированного вернулась. Очень мерзкое чувство от вранья.

Фома. А где же здесь справедливость, спрашивается? За что тогда такому человеку – и такие дары?

Павел. Я бы не рассматривала это как дар, а как способности, разработанные методиками типа кастанедовских. Высокой духовности там нет никакой, – и теперь, и тогда, когда она еще была Екатериной Первой (а она была, после Саскии уже догадалась посмотреть лицо в Интернет и уверилась окончательно, а потом вспомнились сцены из прошлого). Она и подтравила с травяным чайком умирающего Петра (Светку, супруга своего, который вспомнил это, пардон за каламбур), чтобы уничтожить завещание не в ее пользу. На этом же озере, на котором я говорила, мы однажды собрались с ней с ее сынишкой и со Светкиной семьей всемером, жарили детям сардельки на опушке. Не помню уже, там ли это было или чуть позже, у меня дома, и как был задан вопрос, но Ленка сказала, что кто-то из Светкиных детей - дочь Николая Второго, причем она их воспринимает как единую душу и поэтому не назовет конкретно (у нее свои термины, какие-то заковычки, приходится расшифровывать потом). Тут же полезли в Интернет, и был шок, потому что обе девочки – полные копии Татьяны (вторая дочь) и Анастасии (четвертая). И тогда Света стала думать, кто же она. Мы вместе ходили и напрягали мозги. Ощущение было на Николая Романова, и оно оправдалось. Тогда стали думать, а кто же я. Полезли в ипатьевский подвал... И стали вспоминать жизнь перед расстрелом, одно и то же: одна говорит, было то-то и то-то, другая продолжает, потом

– опять первая. Восстановили часть событий. А я был Геня Боткин. А перед этим, весной, я начала толстеть, и подтягивать живот, доставая ключи из джинсов, и вспомнила... часы на цепочке из кармана таким же образом... бородку оглаживал.... А Светка вспомнила, что Николаем подарила их Боткину, такие же точно, как и у него. Вот я кто! При первых воспоминаниях нет полной уверенности, но добавляются новые и возникает полная уверенность!

Фома. Давай возьмем еще назад. Расскажи, как ты познакомилась со Светой.

Павел. Однажды мне понравились двое маленьких детей, которые гуляли в моем дворе. Понравились и ошарашили тем, что они заговорили со мной, как со знакомой, и говорили такие вещи, которые дети в их возрасте 3-4 года не знают и знать не могут. Потом я увидела их маму – Свету Ростову. Она в то время снимала квартиру на 10-м этаже в нашем доме, сейчас там живут ее родственники. Вот так нас Бог и свел. Начали беседовать, ходить в гости друг к другу, слово за слово, заговорили про реинкарнации. Но она в это не поверила тогда, потому что была христианкой, там этого не допускается.

Фома. Прелесть какая. *(Смеется)*.

Павел. А потом оказалось так. Как кинестетик, я из прошлого запоминаю ярче чувства и что подумала на тот момент, а сейчас, вспоминая, что-то вижу, что-то чувствую - но не могу разобрать: то ли я подумала, то ли я вспомнила, что думала тогда. Голова, развитый мозг в этом деле - сильная помеха. Нужен подтверждатель для уверенности. А Светка видит, и с детства, явственно сцены – и не знает: то ли о ком-то, то ли о себе в другой реинкарнации. Но на Андрея Первозванного у нее уже тогда были догадки. Насчет сцены Распятия – спросишь у нее сам. Ладно. В августе 2005 года мы уже точно знали, что Светка – Николай. Обозревая ипатьевский дом, мы начали говорить одно и то же: вот эта дверь так была открыта, когда вошли расстреливать, этот был в фуражке и кожанке и смотрел направо-полувниз, за ним шли двое – прямо. Если кому интересно, то Алеша стоял перед Николаем, и он поддерживал его, крепко прижимая к себе: ему было больно стоять, а на руках его держать не разрешили. Их расстреляли мгновенно, поэтому Светка не помнит ничего после этого. А я помню: хрипел, было трудно дышать, выдыхать особенно, я лежал, полное нежелание шевелиться, боль внизу живота. Выстрелы продолжались бесконечно, гулко в дереве, слились в марево.... Однажды я вспомнила, как стояли - до. Справа от государя – Аликс, потом – Анастасия, невменяемая от ужаса, похолодевшая вся. Потом – Мария, зареванная. Потом – Юлька, пардон, Татьяна, исподлобья. Потом – Ольга (Димка). Ольга смотрела с вызовом, героически, уверенность правого.... Я стоял чуть от государя в стороне по другую руку, рядом с Алексеем Егоровичем. За ним – Иван Михайлович, потом – девушка. Светка это слушать не захотела, слезы брызнувшие подавила и замолчала.

Вот сюда ставили корзину с яйцами, полную, дверь открывалась, и молча ставили, от этих воспоминаний тепло.... Вот в этой комнате стоял стул с черным сидением, на нем любил сидеть верхом задом наперед Юровский. Был выдержанный, спокойный, интеллигентный, только глаза абсолютно холодные, чаще вниз смотрел, но когда глаза в глаза.... Стали поднимать литературу – где-то вымысел, где-то правда. Когда о себе читаешь, если остановить мысль, – видишь сцену со своим участием. Если в литературе переврали – идет протест и сцена, которая показывает, как на самом деле. Потом состоялся тандем: я даю свое видение ситуации, Светка дополняет описанием картинки, которая пришла, я даю следующее – она добавляет, и так одно за одно цепляется, и картина делается содержательнее. И, разумеется, Боткин сразу всплыл, как только лица расстрелянных вытащили из Инета. Это я, сказала я сразу на Боткина, и защемило сердце.... Эти часы на цепочке, бородка – все наложило яснovidением у Светки на меня.

Фома. Муж тебе кто – кармически?

Павел. Постоянно вместе. Соперник. На шпагах – он. Среди расстреливавших царя – он. Вот тут я и не помню его! Сказала другая ясновидица, Нинка, я ее мужу свитер вязала и показала фото Сережи, сказала – был отцом. Она же сказала, что он меня бил, почему зря, выразила так свою мысль, его звали... звали Хар... Райн (она ничего не знала обо мне Рембрандте, я назвалась – столбняк!). Да, Хармен, отец Рембрандта – тоже он. В Германии нас разведчиками расстреливал – он, там я его много помню, толстый только был. Сейчас блюдет фигуру. А это уже Ленка-Сакия-Екатерина сказала, потому что ее с нами расстреляли, она из концлагеря. Ям было несколько и около каждой расстреливали. Так что мой любимый – мой большой невыученный урок.

В чем польза от меня? Я, работая со Светкой, догадываюсь, где искать и как, умею задать четко вопрос: посмотри туда, посмотри сюда, идет структура поиска. Догадалась, что процессия 12-и апостолов выстроена в порядке призывания. И говорю Светке: посмотри, кто справа от тебя, кто слева, обернись, посмотри, кто идет за тобой. У меня никогда нет 100%-ой уверенности насчет других, я мнительная. Вот вас двоих я сразу увидела в строю. И вот этого Диму Ручейкова – тоже. Сказала Светке, а она: нет, мне надо посмотреть фотографию, потом. А подтверждение ей пришло без фоток, телепатически, чуть попозже – да.

В общем, всплыл у меня Рембрандт, потом у нее Андрей дня через три вместе с Кифой, когда она это рассказывала (у меня), я показывала родственников на картинах у Рембрандта, и вылезло – Павел. Вот это хорошо помню, шок! Я ведь около года просыпалась в испарине с единственным вопросом «Кто я?!», днем вопрос всплывал, фантастика (я говорила, что из снов трудно вынести память, мне, во всяком случае, говорили там имена, забывала). Как она вышла на Кифу пусть сама расскажет. Однажды позже мы подъехали к его дому (детства), сели на скамеечку, была зима. Ее торкает, если надо куда поехать, знаки идут, и мы едем, не зная зачем. А потом становится понятно, для чего было надобно. Мысленно я создала телепатический мост между ними и собой, получился треугольник, Светку тряхнуло как-то явственно, и... пошло! Что Дима подъезжает к дому, что его тоже тряхнуло. Что он мечется, не понимает, что с ним. Дом-то матери, приехал – навестил, успокоился. А мы удрали. Чтоб не сшибиться лбами. С тех пор у нас с ним телепатическая связь – у Светки, Димки и у меня, мы в триаде.

Фома. С Валиковым?

Павел. Да. И вот это, в принципе, надо тренировать, телепатические способности. Хотите что-то донести до другого – говорите ему мысленно. Я могу не слышать отчетливо, что мне сказано, но информация частично дойдет и вылезет в виде интуиции. Попробуйте так же. Я так поняла по опыту, что все мы довольно сильно подсъехали в современном мире вместе со всеми, и что восстанавливаться придется, а времени у нас мало, и поэтому нас будут кармически чистить всех по ускоренной программе, жизнь будет тяжелая (и была, и есть). И ссоры будут большие из-за разницы в словах, они не совпадают при описании одного и того же. Я вас очень прошу: потихоньку копайте Алису Бейли, она многое объясняет непонятного, как никто ни до, ни после, ставит на свое место в голове, дает четкие термины. Тогда и у вас в головах понемногу все уляжется на свои места. Первая ее книга читается с трудом, новые термины разучиваются, и привыкаешь ими пользоваться; потом осмысление пойдет проще. Лобсанга Рампу тоже изучите ради сближения востока с западом: надо узнать разницу в наших полушариях и найти точки соприкосновения, хотя уже не точки – острова! И библиотеку Наг-Хаммади, потому что надо разобраться в той информации будет, там много интересного, например, что Искарriot не виноват, а послушался исполнить волю, он ведь

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

один среди вас, двенадцати, не индиго был, фиолетовый, послушный, мягкий, специально выбранный. Светка говорит, что это так или около того – поживем, увидим. Так что реабилитируем. Он потом бок о бок с нами во всех реинкарнациях, мужчиной, женщиной... и никакого негатива от него не шло, его любили... и сейчас любят, и пользы он приносит немало. Заменяли его, кстати, на Павла, фиолетового – на фиолетового, в силу специфики выполнения своей части задания. А в строй ввели Матфия-Маттерия, конечно же, индиго! Гнозис-то вам, ученикам, преподавали, но досконально его не вспомнишь. И там много иносказательного, восстановишь, опять поймут кто в лес, кто – по дрова! Помнишь, вознесенный Христос долгие годы к ученикам являлся, когда, молясь, вызывали к себе. Чуток не доперли до сути, заучили механически местами, троечники несчастные, потом на соборах цапались. А Евсевий правду писал - плохой, Константин недоволен остался, изнанку белья показал! Константина восхвалял – плохой, подлиза! Конечно, Боткин всегда виноват. Да, я такая, ты мне друг, но истина дороже! А как тогда помирить всю кучу между собой и с правдой-то? Проблема-то *(вздыхает)*!

Фома. По-доброму у тебя здесь этого Рампы *(рассматривает книжную полку)*. А когда вы открыли, что надо создать сайт?

Павел. С декабря 2005. Пошел лавинообразный пробой, после Рембрандта и Павла всплыл Петр Третий, Эзоп, Диоген. Начала разглядывать свои картины, узнавать на них родственников. Вообще, ощущение незабываемое – покруче секса будет. Когда видишь всю эту компанию в сборе сейчас и в сборе же тогда: перетасовали карты – новый пасьянс. Открыла для себя <http://www.abcgallery.com>. Залезла в Репина, Серова, Ге... А там знакомых, - отвисшая челюсть не закрывалась! Узнавала по несколько человек в день, только не каждый день Инет был доступен, его вообще только провели нам на тот момент. Вот, к примеру, декабристы, - это многие «знатоки» из передачи «Что? Где? Когда?». Многих узнала по портретам тех художников, которые отлично рисовали глаза и передавали эмоции! Не всех нашла, где искать сейчас, но точно знаю, есть они.

Фома *(перебивает)*. А какая есть гарантия, что это именно они на портретах, и что это все тебе не приснилось?

Павел. Набор характерных черт. Как сидит, повадка. Кстати, Света мне много забраковала, четверть, наверное. Потом до меня доходит, что так, права, иногда – месяц-два! А она быстро видит, выполняет роль финального арбитра. Ее «да» или «нет» - это на 99% приговор, так что повторно лучше даже не переспрашивать.

Фома. Ты ее начинаешь забрасывать вариантами – по аналогии с тем, как это делаю я в отношении тебя.

Павел. Как ты забрасываешь, никто не забрасывает. Ты начинаешь давить мощью, генеришь с таким напором, что у меня полностью эзотерика перекрывается, эмоции поднимаются волной. А надо спокойненько, полусонно. Копуша я, понятно. В детском саду плакала, что котлетку отобрали (мама рассказывала), все уже давно покушали, а Ирочка, вечно в раздумьях, не успела. У меня есть фото у папы на руках с голой попой, я там тоже интегралы вычисляю, не меньше.

Фома. Вернемся в декабрь 2005 года. Итак, пошел пробой, инкарнации посыпались, как из рога изобилия. Что Моисей и Давид есть Светка – откуда?

Павел. У Рембрандта есть картина «Давид». Считается, что он писал ее с себя. Частично-то с себя, да... Да нет, со Светки, кулачищи ее, она мне как показала – она! Тогда же Светка

рождалась недалеко от Рембрандта художницей Джудит Лейстер, и они с Рембрандтом встречались, она к нему приезжала! И у нее кусками идут воспоминания о тех временах, и о библейских временах тоже. Лейстер была здоровая, под метр восемьдесят. А Рембрандт – маленький. То есть соотношение ростов у нас такое же, как и тогда. Хвастунишка Рембрандт пыжился, показывая свои картины (*сейчас как-то неудобно*). А она смотрела на меня и на картины сверху вниз, а я их вроде высоко вешал. Этот эпизод мы вспомнили синхронно. Вообще, парная работа усиливает эффективность раза в 4-5.

Фома. Растолкуй мне такое. Рембрандт рисует апостола Нафанаила. Мы диагностируем похожесть с нынешним воплощением. Вопрос: откуда Рембрандт мог знать, как выглядел Нафанаил – тогда и теперь?

Павел. Ночные контакты, видел, знал, выложил на холст. Бейли пишет о поле ночного служения, о поле контактов. Мы все – группа, как правило, однолучевая (я перейду в группу индиго после 4-го посвящения). Мы попали, думаю, на один уровень посвящения – третий, скорее всего. Первое посвящение – рождение Христа в человеке, вселенской любви то есть. Второе – крещение, это стойкая связь с душой, богом-сыном то есть. Третье – оно же первое космическое – преображение, это уже – связь с духом, это и называется ментальный уровень, это связь с Богом-отцом, помните, Павел носился с этим... как я, гм. Где-то читала у Бейли, что Павел принял третье посвящение в старости, и его Послание к Римлянам писано на высоком уровне, он старался слова подобрать, чтобы поняли хоть что-то. А спорят: Павел, не Павел? Я писал. До этого я думала, что я - чмо, а все меня окружившие – еще большее чмо. Теперь я изменила точку зрения: просто у нас уровни разные, а пропорции относительно всего человечества неплохие. В этот раз, в этой жизни, мы готовимся к тому, чтобы перейти в следующий класс, на четвертый уровень. Но опасность: чем выше мы по уровню, тем к нам сильнее пытаются прицепиться бесы. Риск одержания выше, Петр Великий страдал, Светка помнит, как накатывало. Соответственно, нужно беречься – и слушать, каким духом говорится то или иное, «Отче наш» прочитывать. Павел говорит про различие духов в Посланиях.

Фома. Теперь такая точка. Как ты вышла на меня?

Павел. Время от времени я смотрю – посещаемость сайта падает, дело топчется на месте. Я понимаю, что надо посылать персональные письма, кому – ищу, жду, что через меня Бог соделает. Поздно вечером сижу, спать страшно хочется. Но что-то держит. На слово «реинкарнации» в поисковой машине вдруг вываливается ссылка – разговор с крестным отцом. Я только потом поняла, что это твои «Дольмены». Вошла на главную страницу твоего сайта, помню, трудно было, лабиринт еще тот, но, нашла мейл. Сон пропал. И себе сделала заметку: это человек, который всех собирает, координирует все процессы. А утром послала письмо, через 15 минут ты ответил, что *ждал этого*, а наш сайт смотрел *потом*.

Еще написал нам со Светкой парень из Омской областной администрации, ему *во сне сказали название сайта*, велели почитать. Светка узнала его сразу как Симона Зилота, ещё до присылки фотографии. Прав ты был (мы поспорили), что Зилот и Канонит – это одно и то же. Только сегодня Светке сказала. И это проблема, так как он идет сбоку от процессии апостолов, а не в общем строю.

Фома. А какая, собственно, разница, кто как идет? Вот, Мария Магдалина тоже не усматривается в процессии. Но разве она не была любимейшей ученицей Христа? Что это меняет – порядок?

Павел. Света видит сцену будущего. Идут два раза по шесть парами, а слева и справа по 4 человека – эзотерический щит охраны. Соответственно, если Зилот идет в щите, то у нас остается незаполненная вакансия. Притом, что в последнем ряду – Искарриот, это точно. За двенадцатью иду я, а за нами – толпа народу, которую мы еще не смотрели. Кстати, апокрифическое евангелие от Иуды – мощный источник осознания того, что такое достоинства и недостатки апостольской группы. Другой Иуда, не-Искарриот, Алфеев – это сейчас дочка Валикова Ньюша. В прошлом она была Алисой Гессенской. Так что, когда ей пророчат астрологи президентство лет через 25, я не удивляюсь. Это естественно, когда апостолы идут в цари. Ты вот тоже на Соломона номинируешься. И я была царем, хреновым, правда, больше не экспериментировали. А Светка – та вообще не вылезает.

Фома. С учетом гипотезы о 30-м меридиане, у нее там Рамзес Второй, Македонский и Константин Великий. Тоже надо доказывать.

Павел. Со временем все откроется. Процесс медленный. По щелчку Светка ничего не делает, ее нужно напрягать, ходить за ней и ныть, вечно занята. Иногда – честно скажу – устаешь от этого. Но это – издержки разнородности, ничего не поделаешь, надо терпеть. Вообще, и Алиса Бейли пишет, что мир развивается криво, не так. Очень сильно должна была очистить война, но пока особого очищения не усматривается, опять упадок нравственности, что-то пошло не так в вероятностях будущего.

Фома. Кстати, расскажи про ваши военные инкарнации. Что открылось?

Павел. Это всплыло у Светы, потому что она там на велосипеде катается ночами в тишине, в районе Патриарших прудов, вместе с сестрой. А в тот раз я с ними каталась, и Светка узнала дом, в котором жила перед войной. Она сказала: мы были разведчиками. Позже я видела сцену расстрела: свою руку, крупнее теперешней, локоны посветлее – и землю под ногами в цвет глины. Яму. Выстрел – и эта глина вместе с ямой начинает на меня наезжать. И – вылет в тоннель. Что изнасиловали до этого, пришло позже.

Имена пришли. Меня звали Светкой Никит..., Светку – Колькой Захар..., Валикова – Юркой Мереж... (Юрцом, Мережкой). Фамилии пришли без окончаний, так случается при телепатии. Так вот... на велосипедах проезжали по Малой Бронной. И вижу, что она подавилась слезами, голос дрогнул (это нонсенс для ее характера). Говорит: мы жили здесь, вот в этом самом доме. А вот там жил Юрец, на последнем этаже, у него отец был видный хирург, мы в ту квартиру часто заходили. А вот здесь – мои окна, сказала я.

И каждый раз, появляясь там, мы видим каких-то людей, которые и в прошлой жизни жили там же, обыденно обсуждаем, эта была учительницей, шаль на ней, видишь? Вижу, шерстяная козья. И т.д. Она видела Сашу Полнолетова на Патриарших, например, он просто шел, но он один из двенадцати! Мы как салат оливье: воплощаемся группами, перемешиваемся судьбами в клубок, ходим плотными тусовками. С той же Еленой Полушубковой: когда я ей сказала, что я Петр Третий около нее Екатериной Второй, она подтвердила, только испуганно отшатнулась, а затем спросила: а ты мстить не будешь? Знает кошка, чье мясо съела. Не буду, сказала я, правда, не хочется....

Фома. И последнее пока на сегодня. Павел, Диоген, Эзоп, Гораций и Гомер – как это пробило?

Павел. Диоген – давно, почти с Рембрандтом, по чьей-то картине. Сайт вышел уже, рылась в бюстах, подтвердилось самой себе, хорошо ваяли, достоверно, похоже. Пробило, пошли картинки. Побежала к Светке. Когда я читаю о себе, сразу всплывают какие-то картинки. Это

как косвенное доказательство подлинности. Гораций пришел последним, по Гомеру – сличала с бюста (у Рембрандта есть Аристотель пред бюстом Гомера, на Гомера Светка сказала «да», на Аристотеля – «нет»). По Павлу, который был ровесником Христа – я думала: ну не мог он быть таким дураком, как кажется или очень молод был? Павел родился приблизительно ровесником Иисуса через несколько лет после смерти Горация. Гораций пришел на вопрос, сколько мне было лет около Иисуса Павлом и кем была перед, думала месяца два, уже после выхода сайта, пришло так: что-то писала. Полезла в Инет – таких три, бюст Горация мальчиком есть я, копия моя (мне так видится, я-то себя в зеркале сколько раз видел, вот и помню). Дело в том, что многие послания Павла сокрыты или уничтожены. У него ведь был великолепный юмор. В канонически избранных текстах ничего подобного нет. Что Эзоп – это тоже я, узнала по картине, которая написана недавно, похожего было мало, а сомнений не было вообще. Вот такой маленький горбатый человечек, в пупок дышал каждому, бюст есть. А портрет был крупного мужчины.

У Алисы Бейли прочитала несколько лет назад: в Европе родится человек, который докажет, что реинкарнации существуют. Читаю, в голове возникает: Это я! Еще перечитываю – это я! И еще! Была удивлена. Потом забыла на годы. Но, так и вышло, вспомнилось вместе с осознанием себя Рембрандтом. Вот в тот момент сайт и зародился.

**

Слободан завершил стенограмму. Отсылая ее Полтиннику, он приложил к документу краткую справку о своем отношении ко всему изложенному, указав, что апостолы распознаются Ростовской по их участию в процессии, а в самой процессии они выстраиваются в порядке призывания. Дополнительно он приписал поручение помощнику Полтинника Славе: «Гипотеза 30-го меридиана. Прошу поднять все, относящееся к теме».

Зазвонил мобильный.

- Это диспетчер, - прозвучал в трубке милостивый женский голос. – Ключ, пожалуйста.
- Гиперборея, - сказал Слободан.
- Принято, - сказал голос. – Новый ключ: Паяльник.
- Паяльник, - повторил Слободан для верности.
- До свидания, - сказала диспетчер и отключилась.

Засунь себе в дупло этот паяльник, подумал Слободан в пустоту. Он нервничал. И сам не понимал, почему. Надо поговорить с дьяконом Караваевым, решил Слободан. По поводу прошлых жизней. А то уже крыша едет.

14. Орывок из дневника Фомы. Рукопись как палимпсест

Амнезия – это потеря памяти. В нашем случае, это потеря памяти о прошлых жизнях. У меня – полная амнезия, я не помню вообще ничего из того, что со мной случилось сотни и тысячи лет назад. Таких, как я, миллиарды. Скажем так: практически ничего не помню. Потому что, если бы совсем ничего не помнил, то не мог бы синтуичить ту цепочку, которая у меня есть сейчас, спасибо Ирке и Светке.

Для амнезии есть уйма причин. Говорится, что амнезия спасительна. Она не позволяет человеку закопаться в своем прошлом. Не позволяет растеряться в сотнях и тысячах воплощений. В конце концов, не всегда приятно вспоминать себя Гитлером, Торквемадой,

Чикатилло. Узнавать, что тебя предавали, или ты сам, давая слабину, работал предателем. Приятно Галахову вспомнить себя Искарриотом? И потом доказывать всему миру и себе самому, что это был приказ, а не аффект? Рассказывают, что однажды в дурдоме человек вспомнил себя в прошлой жизни серийным убийцей. И так ему стало тошно, что он повесился.

А еще менеджеры по карме опасаются, что начнется сведение счетов. Однажды Лоренцо Медичи (*сейчас - историк*) узнал, что он был в прошлой жизни императором Адрианом. А его брат Джулиано Медичи (*сейчас – просто хорошая знакомая*) тогда был его женой Сабинной. Сия Сабина, по дурости своей, осмелилась «заказать» любимца императора – симпатичного юношу Антония (*сейчас – любовник помянутого историка, мы с ним в коммуникации. Славный малый, продвинутый, еще поможет нам*). Злые люди утопили Антония в реке Нил. Узнав, Лоренцо Медичи озлился до такой степени, что целые сутки не мог пить со своим братом Джулиано на кухне чай. Свирепел, мрачнел – и никак не мог прийти в себя. Потому что покусились на самое дорогое, что у Адриана-Лоренцо было, из жизни в жизнь. Потом, разумеется, отошел. Но след остался. Вот и аргумент в пользу амнезии.

Но есть и другая правда. Правда человека, однажды погибшего в тылу врага не за фунт изюму, не оставившего о себе никаких следов (*разумею себя*). Правда женщины (*разумею Мэри Саттон*), которая умерла молодой, не успев позаботиться о своих малолетних детях (*а их было шесть*). Только восстановив память своей ранней смерти, она смогла разыскать всех своих детишек (*благо, они были еще живы*) – и сказать им, что она их любит, и что она их никогда не оставляла (*теперь ее звали Джесси Кокелл*). Для них это было колоссальным утешением. Это – случай из жизни, об этом даже снят документальный фильм. А еще есть фильм об Олесе Гончаре, где он говорит: «Я помню, как в прошлой жизни был женщиной, как я рожал».

Таким же утешением для родителей моего погибшего друга было бы узнать, что он не погиб совсем, а пришел в семью одного из наших друзей. Например, девочкой. Это было бы милосердно, наконец. Потому что, когда родителей наказывают смертью детей, то нужны и ответы – почему. А если ответов нет, то небеса кажутся пустыми, а жизнь – лишенной всякого смысла. Смысл должен быть восстановлен.

Многое из того, что происходит, представляется людям несправедливым. Рождение детей с патологиями, ужасающая безысходная бедность, массовые смерти в катастрофах (*когда под один замес идут правые и виноватые*), всевозможные страдания, избивание младенцев Иродами нового образца. Карамазов предьявляет Богу слезинку невинного ребенка - и на этом основании готов билетик в Царствие Небесное почтительно возратить. А тут реки крови и моря слез, копни любой концлагерь. Произвольно наперед взятый Иов, после того, как от него отняли здоровье, имущество и детей, готов потерять веру в Справедливого Бога – и остается, под давлением обстоятельств и грубых окриков с небес, веровать в Бога-Карателя. Если гестапо – на небесах, то стоит ли удивляться гестапо на земле. Катары быстро уловили эту гайку. И у них были все основания считать, что земное устройство было создано дьяволом, а не Богом. Само устройство, во всех своих проявлениях, давало основания для таких выводов. Когда те, кто должен был сеять любовь, по слову Евангелия, жарили людей живьем на кострах и подвешивали их на дыбах в своих казематах. Разумеем инквизицию, конечно, - как ужасающую карикатуру на самые лучшие духовные намерения человечества.

Бывают даже случаи, что человек всю жизнь мучается головной болью. А под гипнозом открывается, что в одной из прошлых жизней ему проломили голову киркой. Выясняется, менеджеры по карме в Мире Душ схлтурили – и душу пострадавшего восстановили не до

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

конца, с дефектом. Разумеется, после регрессии боль уходит - навсегда. Тут просто лечение, безо всякой философии.

Мы – палимпсест. Это значит, что мы, наша душа – пергамент, с которой раз от раза соскабливают прошлые записи и принимаются писать поверх. Но иногда шкура оживает. Написал в тюрьме как-то:

Там, где нету времен, сентябрь – игра ума.

Там, где нету пространств, авансцена – лучшее место.

Палимпсест прохудился, и прежние письма

Проступают сквозь кожу, ища воскреснуть.

Это значит, что иногда задалбывает быть шкурой, которую раз от раза чистят перед новыми записями. Нет смысла повторять одно и то же снова и снова, если не копится сухой остаток. Ведь я созрел для того, чтобы знать, по каким правилам идет игра. Мне нужно понять, в какую сказку я попал, в чем моя миссия в данной жизни, и что недоработано в жизнях прошлых. Обо что я раз от раза спотыкаюсь. И мне не надо это втолковывать из жизни в жизнь - тумачами. Скажите мне это один раз на словах, я пойму.

Апостол Павел сидит перед компьютером и горюнится, что половина его посланий – утрачена. Потому что в сохранившихся посланиях он кажется себе слишком занудным, слишком дидактичным. По сравнению с Гомером или Горацием это видится ему упадком. Имеет ли право Павел, много потрудившийся на благо победившего учения, вспомнить о тех своих утраченных посланиях, где юмора было побольше, а окриков – поменьше? Восстановить собственное творческое наследие в полноте?

Я читаю Оригена «О началах», и становится тошно. Потому что там за меня поработал мой ученик Руфин. Все, что не соответствовало его куцым представлениям о Боге, он смело после моей смерти вымарал. Наоборот: от излишнего усердия он добавил в мой текст кучу бессмысленных неуклюжих славословий Богу, вознамерившись, кажется, Ирода переиродить, по слову Гамлета.

И вот теперь я, Ориген когда-то, в голос должен доказывать, что всегда поддерживал идею реинкарнации и настаивал на ней. Подробнее об этом см. <http://foma.ifel.ru/fr1005.htm> .

Или вот Арий Александрийский. Не бог весть какой был поэт, надо полагать. О чем писал стихи? О море. Об утраченной родине – Ливии. О красотке, что продавала хурму на антиохийском базаре. О палестинских кактусах, на которые натыкаешься в сумерках, выходя из нужника, и тебе больно. Но гораздо больше – сатирического. О монахах, которые капустой спасаются, а от мира бегут, как от чумы, оставляя его на произвол судьбы, без попечения. Гори ты, мир, синим пламенем, лишь бы нам душу уберечь, не зафаршмачиться. О пастырях, что бабам лазают под юбки. О кликушах и попрошайках. Разумеется, ничто не смогло уцелеть, все – в огонь. Афанасий постарался. Его еще Великим кличут. Прямо-таки герой труда, везде поспел пострел.

Вот я и спрашиваю: если история не позаботилась о стихах Ария, то вправе ли сам Арий позаботиться о своих стихах – припомнить их и явить миру? Чем Арий хуже наперед взятого Пупкина, чьими тиражами утыкана любая районная библиотека, стоит только залезть в каталог? Отчего Пупкин вправе жить на бумаге, а Арий – нет? Кто так решил?

Есть еще одно мнение за амнезию. Признавая прошлые воплощения, мы приходим к тому, что очередная наша миссия здесь, на Земле, имеет свой план. Распознать этот план и

реализовать все точно – вот наша задача. Не чураться этого мира, а расти в нем. Не бояться испачкаться грязью во время посадок в винограднике Господнем. Набрать очки, заработать компетенции, отрихтовать косяки. Помочь себе и рядом стоящим. А теперь прочтите у Иоанна: «Не любите мира, ни того, что в мире. Кто любит мир, в том нет любви Отчей». И две тысячи лет они дудят в эту дуду, угашая естественные человеческие эмоции – любить мир и радоваться миру. Что ни год, то весна наступает, все цветет. А у этих – пост. Природа радуется, наслаждаясь вновь открывшимися обстоятельствами тепла и светла, - а эти ходят с постными рожами. Да и в любое другое время года у них – радость со слезами на глазах, как будто сами себя заживо хоронят. Диссонанс, однако. Люди лунного света; так, кажется, Розанов о них писал.

Прошлые жизни, как и эта нынешняя, полны отрицательных моментов. Сижу я однажды Оригеном на скамейке в Александрии, отдыхаю после очередной лекции в духовной семинарии, никого не трогаю. Хватают меня люди губернатора – твари конченные - и куда-то волокут. Насильно бреют под ноль и сажают у идольского капища с именем Серапиум. Говорят: давай ты у нас будешь пальмовые ветви продавать на входе в храм. Идите вы в жопу со своими пальмовыми ветвями, говорю я им, сами продавайте и сами кадите. Вы идольские жертвы приносите, а я приношу жертву Христову. Ну ладно, говорят они, мы тебя тогда отдадим эфиопу, и он тебя выебет. Прямо так и сказали. Тут мне стало жалко своего бэкофиса, и я сказал, скрепя сердце: ладно, суки, буду продавать. Целый день на жаре просидел, торгуя этим говном, а все проходящие смеялись надо мною. А мои ученики – плакали. Один из них тайком мне ватрушку сунул в руку, чтоб я не оголодал на этой работе. Село солнце, продал я все пальмы эти драные, тут подходит ко мне один из наших и говорит, что мол, вызывают меня на совет исповедников. Иду, говорю.

Исповедники – это те, кто во время гонений за веру был сильно пытан, покалечен, но остался жив. Сидят эти исповедники передо мною. У кого глаз выколот, у кого рука сожжена, у кого все зубы выбиты. А я стою перед ними, без единой царапины, и мне стыдно.

- Ориген, - говорят, - а правда, что ты сегодня весь день поклонялся идолам?

- Правда, - говорю, - но не по своей воле.

- И чем же тебе грозил отказ от идолослужения? – спрашивают.

- Сказали, что если я не буду пальмы продавать, они меня эфиопу отдадут, и он меня отымеет, - говорю.

Они переглядываются. И я понимаю, что они удивлены.

- И только-то? – спрашивают. – Что, жопы пожалел? Не потерпеть было чуток ради Христа?

- Если бы просто начали пытать, - говорю, - я бы, может, и потерпел какое-то время. Но снести подобное унижение – не смог бы. Сразу после этого повесился бы. Пытка пытке рознь.

- МалOVER ты, малOVER, - укорили. – Они телу твоему могли нанести урон, но не душе. Душа-то у тебя с Богом осталась бы. А теперь нам скажут: коли уж ваш Ориген так осрамился у Серапиума, испугался, - то чего она стоит, вера ваша? И потом сотни наших мучеников будут этот позор за тобой смывать, своими жизнями, и своим здоровьем. В общем, такой тебе наказ даем. Завтра пойдешь к Серапиуму и троекратно плюнь в их сторону. И скажи:

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

зовите своего эфиопа. И пусть он тебя правда отымеет, но позор ты свой искупишь. Тогда мы тебя примем обратно в общение.

- Нет, - говорю. – Я лучше уеду отсюда куда глаза глядят. Чтобы не дискредитировать вашу работу здесь.

- Ну и слабак, - сказали. – Пошел вон отсюда.

И я уехал, на ближайшем попутном корабле в Палестину. Всю дорогу я проплакал от двойного унижения: от исповедников и от эллинов из Серапиума. В Иерусалиме меня приютили, отогрели. Удостоили пресвитерства, за прежние заслуги. И, когда завершили таинство священства, дали мне слово. Взял я Библию, открыл ее на 49-м Псалме и прочел: "грешнику же говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои". Затем, согнув книгу, отдал ее и сел с плачем и слезами. И все плакали вместе со мною – потому что сопереживали моему унижению в Александрии, хотя и сами много терпели зла от Рима. Вошли в положение.

И вот тогда я понял, что истинная христианская человечность – не в догме и не в окрике, а в способности понять слабость человеческую и пожалеть слабого. Терпимость и ненасилие выше любой веры.

Весь остаток моей жизни я готовился умереть. Умереть мученически, не облажаться снова. Чтобы загладить позор. Меня потом, в конце жизни, сильно пытали, во время новой волны гонений на христиан. Но, вроде бы, не сплеховал, держался. Выпустили меня из застенков, а через пару дней я умер. Не выдержало сердце. На 69-м году жизни.

А в этой жизни – опять конфуз. В тюрьме сидел с одним ментом, который косил под участника тамбовской преступной группировки. Такая вот хитрая мусорская операция. Сидели, вроде, мирно. Но потом зашел у нас спор за Бога, есть Он или нет Его. Тут мент меня хватает и начинает выкручивать мне руку. И спрашивать: так есть Бог или нет? Вначале это даже смешно мне стало. Пусти, кричу, идиот. А он толстый такой был, откормленный. Я смеюсь, а он все туже закручивает мне руку. Становится и впрямь больно. Даже слышу, как что-то хрустеть начинает. Ору: отпусти! А он: так есть Бог или нет? Я ору: нету Бога. Потому что уже не вмоготу стало терпеть. Он меня сразу отпустил и говорит: ну вот видишь, а ты говорил.

Стыдно мне стало за свою слабость. И стыд этот я до сего дня ношу с собой. Вот на такие случаи амнезия и предусмотрена.

Поэтому, с одной стороны, я призываю к себе память о прошлых жизнях, я ее ищу. А, с другой стороны, я нравственно готовлюсь к тому, чтобы услышать о себе неподобные вещи. И примириться с собой, простив и отпустив. И простить всем, кто гнал, пытал и убивал меня, из жизни в жизнь. Вот, только что получил письмо от Иркиного брата. В прошлой жизни он был фашистом, бил и пытал – меня, Светку, Ирку и Димку. Сам еще не знает об этом, да и не надо ему пока. Во многом знании много печали, как написано в Библии. Мной же и написано.

15. Грек - Полтиннику. Анамнез Светланы Ростовой (ап. Андрей)

Расшифровка очередной стенограммы, полученная Слободаном, выглядела так:

АНАМНЕЗ СВЕТЛАНЫ РОСТОВОЙ (АП. АНДРЕЙ)

Фома. Когда ты поймала в себе элементы ясновидения, в каких возрастах?

Андрей. Первый раз я услышала голоса, когда мне было года 3. Зима, мешковатые шубы, шапки. Меня бабушка напехтерила и выставила за дверь, потому что в квартире жара. Я подошла к лестничному краю, оступилась и покатила, причем прокатилась несколько этажей. И, пока катилась, провалилась в темноту и услышала голоса. Что еще рано, что еще не время. Около первого этажа я очнулась.

Спустя много лет, когда мы переехали в эту квартиру, мы приехали сюда с бабушкой после каникул, и бабушка начала опрыскивать квартиру святой водой. Причем брызгала она странно: из одной комнаты в направлении к коридору, из другой комнаты в направлении коридора, из кухни и от входной двери. В результате она заперла какую-то субстанцию в проходе, которую я увидела. Это было что-то похожее на человеческую фигуру, белый такой туманец – эктоплазма. В принципе, у меня к белому свету хорошее отношение; а тут прет холод – и страшно. Мимо этого места я никогда не проходила без нательного креста или без иконы.

Потом я пыталась навести справки. Ходили слухи, что во время строительства дома здесь кто-то из строителей повесился. Скорее всего, это был он. Я долго не знала, как с этим бороться. А в 10 лет, когда меня воцерковляли, и когда я с батюшкой ходила в алтарь (прикол в том, что женщин в алтарь не пускают, и батюшка потом открещивался, что меня туда водил, а позвал сам), - после этого я стала видеть еще больше. Вообще-то, крестили меня в 6 лет, но в тот период моей мамы не было в городе, и поэтому очистительная молитва и воцерковление прошли как раз, когда мне было десять. Я стала видеть какие-то вещи на улице, я стала видеть ауру. Потом я научилась отключать это и в обыденной жизни этого не замечать.

А этот дух, о котором я говорила вначале – он там и стоял, в дверном проеме, и никуда не девался. Однажды, когда мне было 13, моя мама проснулась и сказала: я видела странный сон, будто бы мое тело остается лежать, а сама я выхожу из него и прогоняю кого-то, кто стоит в дверях; я кого-то била, пинками выгоняла с этого места, и это было несколько раз за ночь. Мама не знала, что у нас в дверном проеме заперт дух. До этого я не делилась с ней этим, прекрасно понимая, что могут в дурку отправить и все. А тут решила открыться. Мама спросила: и что же нам теперь делать. Я сказала: нам надо молиться. И вот, я стала молиться за эту субстанцию, просить, чтобы простили и отпустили, каждый вечер. Спустя два с лишним месяца все исчезло.

Фома. Получается, продвинула его.

Андрей. Да, он смог уйти. Потом. Лежали мы как-то в больнице с одной девочкой. Это уже было после того, как я видела сон с Распятием Христа.

Фома. А ты видела этот сон несколько раз?

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

Андрей. Нет, один, но очень отчетливо. Это было как цветное кино, причем было понятно, где находились все ключевые фигуры: Богородица, Иоанн, Мария Магдалина ...

Фома (*перебивает*). А ты четко видела Марию Магдалину? Сможешь ее опознать?

Андрей. Думаю, что да. И в момент, когда наступило затмение, я как бы зависла над толпой зевак, стоящих у Креста, и наблюдала ситуацию. Сверху, из угла. Наступает мгла, народ начинает расходиться и разбегаться (ну, страшно, объективно) ...

Фома (*перебивает*). Дионисий Ареопагит по этому поводу сказал: «То ли Бог страждет, то ли мир рушится». Затмение внеприродного характера.

Андрей. И в этот момент, когда вся толпа уже рассеялась, у креста остается один человек. Это апостол Андрей. В этот момент Христос поднимает голову, и у нас с ним совершается разговор. Но это разговор не губами, а телепатически, глаз в глаз. Христос сказал мне: «Раз ты единственный не испугался гласа Божьего, я расскажу тебе все о сущности добра и зла». И вот этот разговор я душой понимаю, а вот словами – пересказать не могу. Потом Он умирает. И есть ощущение, что ветер, который до этого летал беспорядочно, поднимая пыль и грязь, устремился сквозь Христа – и выходит из него светлым потоком. Символизм понятен.

Фома. А смерть Христа совпадает с моментом, когда сотник Лонгин протыкает Его копьем?

Андрей. Приблизительно да. На этом сон кончается. Возвращаюсь к больнице. Мы лежим с банальным гастритом, рядом с девочкой, ей 11 лет, она глубоко верующая, притом, что семья у нее – атеистическо-коммунистическая. И при этом – некрещеная, вот в чем парадокс. Я ей рассказала этот сон, и она меня спросила: «Света, а, может быть, ты – Илия?». И в этот момент мы обе увидели огненное колесо, прокрутившееся пару раз на наших глазах и улетевшее. Что это значило, мы не поняли. Маринка тогда читала Библию и объяснила, что «колесница Илии» и все такое. Я же больше чувствовала. Мало читая, я понимала: ну есть – и есть.

Мы выписались. У меня был день ангела, я пригласила гостей, и в том числе ее. А она пришла ко мне с рассказом о кошмаре, что ей снится. Холодная белая сущность одолевает ее во сне, она пытается защититься от нее иконой Богородицы, которую держит под подушкой. И тут она слышит голос: ты некрещеная, и тебе это не поможет. Мы с ней обе стали молиться, чтобы эту сущность отогнать. И в этот момент пришло понимание: три (не знаю чего «три» – дня, недели, месяца – не говорят) – и ее покрестят. Причем умом я понимаю, что это нереально – такая безбожная семья, денег ей не дадут на это, тайно это сделать не получится, и т.д. И пришел Христос, в астральной проекции. Он вынул из Марины привидение, которое ее одолевало, и начал его жечь в Своих руках. Затем Он собрал пепел и выкинул его в окно. После этого привидение Маринку мучить перестало.

Фома. И с тех пор ты позиционируешь себя как практикующего экстрасенса.

Андрей. Нет. Я не имею широкой врачебной практики, тем более за деньги, потому что считаю это преступлением. Я лечу только в самом близком мне кругу – и то по очень острой потребности, когда ясно, что другого выхода просто нет. Например, когда наведена порча. Только молитвой. «Отче наш» - универсальная молитва, единственная, данная Богом. И просишь. За себя никогда не прошу. Потому что это попрошайничество. Поэтому я в церковь практически не хожу. Потому что там дух попрошайничества одолевает, все за себя просят –

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

и практически никогда ничего не получают. Знаю также, что когда одновременно молятся двое или трое, то молитва начинает действовать.

Фома. Это и в Писаниях сказано: когда во имя Мое собирается двое или трое, тогда и Я посреди них.

Андрей. Я Писаний не читала. Нашла эту цитату уже потом. Но Христа я видела, когда Он приходил.

Фома. А когда ты начала взаимодействовать с Христом и Его Иерархией, получать ответы на свои вопросы?

Андрей. Наверное, с тех времен, как познакомилась с Ирой. Еще до Иры я часто отвечала на жизненные вопросы людей. Все, что приходило в голову с самого начала, было правильным и совпадало. У меня очень странные отношения со смертью. Разглядывая свой гороскоп, я понимаю, откуда это.

Фома. Там угроза насильственной смерти корячится в полный рост.

Андрей. Не только. Когда соединение в 8-м доме Луны и Марса, с дополнительным присоединением Сатурна в 9-м доме, - эта конstellляция говорит о том, что налицо смертельное сочетание для дел дома. А 8-й дом – это дом смерти, и я ее чувствую. Когда моя Катюха ковыряется в крови убитого человека, я еще за 15 метров до этого знала, что у нее рука в крови.

У меня был один знакомый дядька-экстрасенс. Я ему говорила, что зарабатывать на этом деньги нехорошо. Иногда он меня, грубо говоря, пользовал. Когда к нему приходили люди, по которым он не мог сказать ничего, он бежал ко мне и спрашивал что-то. Всегда совпадало. Доходило до смешного. Любовница уводила мужа из семьи, жена прибежала к экстрасенсу, он ко мне: Свет, я чувствую, что там воздействие есть, но откуда – не вижу. И тут у меня картинка, как две бабульки, очень похожие внешне друг на друга, склонившись головами, начитывают что-то на свечу. Я ему передала. Через полчаса он перезванивает: Свет, ты будешь смеяться. У меня клиентка из Солнечногорска. Там на одной улице практикуют две бабки-сестры, причем любовница живет на той же самой улице. Единственный вариант, куда она могла обратиться – это к ним.

А в один прекрасный день я Аню из сада забирала и встретила этого дядьку, он гулял с собакой, ротвейлер у него. И за пять шагов до него я почувствовала, что через месяц он умрет. Зная его отношение ко всему этому, я подошла и сказала: Вадим, мне было видение, что через месяц ты можешь умереть. А он мне: да ладно, Света, я молодой мужик, я все про себя знаю, с чего бы вдруг. На двадцать седьмой день приходит мой Мишка и говорит: Свет, тетка из палатки сказала, сегодня Вадима хоронят.

Однажды, смотря фильм «Брат», я получила текст: «Цой – символ уходящего поколения. Бодров – символ нынешнего. Еще жив. Странно». Через три дня – ледник Колка. Я также заранее знала, что с третьим ребенком, которого я носила и не доносила, что-то случится. Когда я носила Юлю, а потом и Аню, я хорошо представляла в обоих случаях, как я выхожу из роддома с кульком. А в этом случае, как ни тужилась – нет картинки. Не вижу, и все. Сначала думала, что что-то со мной не так. Потом поняла: нет, с ребенком. А потом мне сказали – порок развития, несовместимый с жизнью, чем раньше на аборт, тем лучше. На 7-м месяце беременность прервали. Рыдала, конечно, а что делать. По весу – роды. Дырка на

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

спине. Это нужно было определенную силу иметь – отказаться от ребенка, который заведомо умрет, на таком позднем сроке.

Еще один случай, когда я заранее знаю о чьей-либо смерти, предпоследний. Я ехала в метро, ехала по своей зеленой ветке, и у меня возникла мысль: будет страшно, если взорвут, непосредственно в вагоне. Через неделю это случилось, и именно на зеленой ветке. Правда, с другой стороны от кольца, где у меня квартира, на юге. На Павелецкой.

Когда умирает кто-то из семьи, я проваливаюсь на мгновение в темноту. Мне почему-то кажется, что это очень долго, а на самом деле я успеваю только моргнуть. Ни сознание потерять, ничего. Последний случай: здесь жила моя бабушка, когда я снимала квартиру в доме, где Ира, со своей тетей Любой. И мама приходила к ней часто. Однажды она вернулась к нам домой, и вернулась с запахом, по которому я поняла, что тетя Люба скоро умрет. Через час позвонила бабушка: я не знаю, что делать с Любкой, она кричит, за сердце держится. Похоже, инфаркт. В общем, умерла. Кроме того, в эту ночь мне приснилась прабабушка моя, покойница, сестра новопреставленной Любы. Я ее провожаю на поезд, она стоит в тамбуре, я ей закидываю мешок за мешком, и она спрашивает: «Света, может, и ты со мной поедешь?» Я говорю: не, ба, я не могу, у меня дела. Прабабушка меня растила все детство. Последний мешок ей закинула, и она уехала. Это она последнюю свою сестру забрала, из ее параллели.

Фома. Давай теперь про Андрея.

Андрей. Началось все с того сна про Распятие. Осталось непонятным: почему в чужом теле, почему со мною говорит Христос. Маринка в больнице подумала, что я – Илия. А я спустя годы поняла, что Илия – там (*показывает пальцем вверх*), здесь его нет. Начала разбираться. Я знала, что Валиков не прост, что в нескольких жизнях мы с ним пересекались.

Фома. А с Ирой вы уже были знакомы на тот момент?

Павел (*встревает*). Да, мы уже знали на тот момент, что он был Ольгой, дочерью Николая Второго. И что у нас триада.

Андрей. Я уже знала, что в одной из жизней он меня заколол, когда был моим братом. Поссорились из-за какой-то фигни, не сошлись во мнениях. Это не Россия, дрались на шпагах, я была старшим братом, я поддалась. Листая его фотографии, тупо смотря в монитор, я вдруг начала получать сигнал: «Симон. Петр. Брат». Я набираю Интернет, и мне выскакивает апостол Петр.

Фома. У тебя выскакивает, потому что ты Писаний не читала. Когда бы ты читала, не было бы нужды сверяться.

Андрей. Да понятно ... Читала, когда была маленькая, не запомнила, пропустила мимо ушей. Ткнулась в Евангелие снова. Если брат – значит, Андрей. Начала рыть, кто присутствовал из апостолов при Распятии. Везде пишут: Иоанн, Иоанн, Иоанн ...

Фома. Потому что он и сам так о себе написал, чтобы восстановить баланс. А то первые три Евангелия пишут о нем скупое, как о второстепенном персонаже. Фракционная борьба налицо. Теперь же выходит, что, кроме Иоанна, там вообще никого рядом не стояло.

Андрей. А Андрей как раз там рядом и не стоял. Он стоял в гуще людей, примерно в середине, и когда люди разбежались, он остался на полянке один.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

Юля (дочка, пребывает). Мама, Катя пришла. Катя, это дядя Саша и дядя Миша.

(Катя, младшая сводная сестра Андрея, садится со всеми за стол. Сотник Лонгин, по версии Светы. Она же – Вамбина, дочка Лейстер. Она же – старший подслеповатый брат Петра Великого Иван Алексеевич. «Она же – Эмма Кацнельбоген, торговала марафетом, содержала притон. Запоминай, Шаранов, запоминай»)

Андрей. Я начала искать, и в одном из житий Андрея, написанном еще до революции, я нашла, что апостол Андрей встретился взглядом с Христом перед Его смертью. Вот откуда разговор взглядом во сне. А совсем недавно я нашла в Инете, что Христос, перед тем, как Его взяли в Гефсимании, сказал Петру и Андрею: следуйте за Мной. Они не могли бы послушаться.

Фома. В Евангелиях этого нет.

Андрей. По факту это было, я уверена. Был еще один сон с Христом. Мне было 16 лет, примерно тогда, когда мне снилась церковь, которой ныне нет (недавно я нашла в Нете сохранившееся изображение этой церкви – узнала сразу). Мне снится, что я забегаю в свой подъезд, подхожу к почтовому ящику, получаю открытку, пытаюсь прочитать адрес, от кого и что. В этот момент в подъезд заходят Христос и апостолы, я понимаю, что это они. Входит и говорит: пойдём с нами. Я понимаю, что в доме мама, что я могу уйти на неизвестное время. Несмотря на то, что отношения с мамой традиционно нехорошие, я понимаю, что следовало бы ее предупредить. Я спрашиваю у Христа: может, я поднимусь и предупрежу маму? Он отвечает: нет, либо сейчас, либо никогда. И в этот момент замелькала очень странная картинка: кирпичная стена, цементная стяжка – но она прозрачна, сквозь нее все видно, каждый кирпичик. Я понимаю, что надо идти, и я ухожу. И мы начали ходить, ходить по всей земле. Я помню, что мы были в Риме, в разных странах. И последнее, что я помню – непонятно невысокие стены, окружающие сад. Только год назад я увидела это место снова, по телевизору: кладбище в Кедронской долине возле Иерусалима, кладбище четырех религий. Потом мы оказываемся в российском пейзаже, выходим из березовой рощи на поляну, за ней стоит лес. По пути мы где-то растеряли всех учеников: кто-то в одном городе остался, кто-то в другом. Остались Христос да я. Он достает еду, мы едим. Переходим через поляну и оказываемся в моем подъезде. Когда я встала возле своего почтового ящика, Он сказал: все, Я тебя привел. На этом сон обрывается.

Фома. Почтовый ящик – это неспроста. Потому что апостолы – это почтальоны, посланники, в переводе с греческого. Корень «пост».

Андрей. К стыду своему, от тебя первого я это слышу. В общем, я утвердилась в Андрее после того, как получила его житие. До этого я много раз переживала видение, будто бы я еду по России, а в ушах стучит – Андрей, Андрей, Андрей.

Фома. Андрей как бы курирует Россию. Воздвигает крест на Киевских горах, добирается аж до Валаама. Распят на косом кресте.

Павел. Причем, он был не прибит, а привязан. Я тебе еще говорила об этом.

Андрей. Видимо, с тех пор у меня такие слабые запястья на руках и голеностопы. Когда на велосипеде едешь, одеваю напульсники и эластичные фиксаторы.

Фома. Вот почему Петр привозит Андреевский флаг после пребывания в гостях у шотландских масонов. Чует.

Андрей. Я тебе больше скажу. У меня буква «Х», еще с детских лет – графический символ смерти. Сейчас становится понятным, откуда это идет.

Фома. Моисей и Давид. Что тут с чем едят?

Андрей. По Давиду нет воспоминаний. Просто, когда Ира меня спросила о нем, пришло «да». Моисей – да, я помню пустыню, очень долгий и нудный переход, помню ропот людей. С одной стороны, это тяжело переносится; а, с другой стороны, понимаешь, что тебя ведут.

Фома. Непраздный вопрос, кто именно ведет: Бог или инопланетная команда? Кто устраивает манифестации со столпами огненными и облачными – Бог или высокоразвитая цивилизация? По Египту напрашивается версия вмешательства.

Андрей. Бог. Кстати, у меня есть воспоминания о проектировании пирамид. Помню, что я что-то чертила.

Фома. Где Давид, там и Соломон. Прошу подтверждений по мне.

Андрей. По щелчку ничего не делается, тему надо жевать, вопрошающий должен быть настойчивее. Формально я объясняю это занятостью. Типа, некогда, и пошли вы все. Фактически – нет готовности получить надлежащий ответ, недостаточная энергия, содержащаяся в вопросе. Или просто не пришло время.

Фома. Вот теперь давай по царям. Как пришла в обиход династия Романовых?

Андрей. Сначала сказала Лена Полушубкина. Но уровень у нее бытовой, хотя способности к ясновидению и яснознанию высокие. Мы пришли втроем с девчонками, Лена сидела у Иры в гостях. И Лена сказала: я не могу вас разделить, энергетика у вас одинаковая, но кто-то из вас точно был ребенком Николая Второго. Я тогда отнеслась к этому со скепсисом. Хотя, в то же самое время – рыдала, когда хоронили останки Романовых в Петропавловке. И раньше – ребенком – рыдала, когда было лет 11. Потому что Алексей был по возрасту моим сверстником тогда.

Фома. Я тоже рыдал. Сидя в одном веселом месте, на нарах. Причем примерно полчаса, безостановочно, будто бы не я плакал, а мною плакали.

Андрей. Я не могла понять, зачем такая жестокость. Царь с царицей – ладно, объяснимо. Взрослые дочери – могли выйти замуж за дворян, дать белому движению наследника. Тоже понятно. Но почему этот абсолютно нежизнеспособный мальчик, который, если его не лечить, умрет? И почему эта публика, которая попала просто под замес – учитель, горничная? Тогда я это вспомнила – свою детскую еще скорбь по этому поводу. Придя домой, порылась в Инете – полушутку - полувсерьез, нашла фотографию Романовых: четыре девочки, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, - и двух из них я сразу узнала. Аня моя как две капли воды – как одна капля - похожа на Анастасию. А Юля – общие черты очень заметны, но Татьяна там постарше. Сейчас Юлька уже подросла, и там совпадений стало зримо больше. А потом начался поток и по мне. Я видела себя, что я старше, пошли какие-то урывистые воспоминания, когда я им что-то говорю. Я понимаю, что я им говорю со стороны отца. Позже нашли и остальных. Я сразу сказала, что Ольга – это Валиков, а по Марии Ирка начала ковырять – и раскопала Галахова. Сначала она не верила, но потом ей во сне пришло подтверждение. Сейчас, когда я его вижу в этих его ток-шоу, у меня сразу

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

умильное – ой, опять Машенька. Манюня. До смешного. Кстати, он был моим мужем, когда я была Лейстер, Молинарум.

Фома. Да, чем-то он похож на Марию. Когда помоложе, когда без очков. И у тебя есть какие-то элементы ипатьевского дома. Обстановка, стены ...

Андрей. Очень смутно помню, что все собирались, ели за белыми скатертями. Мы все понимали, что нас расстреляют, но не знали точно когда. Это страшнее всего – понимать, что каждый момент твоей жизни может оказаться последним. Спустя время вспомнила, что попадали в руки пророчества, где нам это все предсказывалось. Да и Распутин говорил.

Фома. А Распутин угадывается в Елене Валиковой?

Андрей. Ты знаешь, я очень долго его искала – и очень долго не могла понять, кто же Лена. Понятно, что кто-то из ближнего Романовым круга. Но кто? Пока я не нашла очень старую фотографию, где она еще вообще без пластики. Когда я ее сделала черно-белой – увидела Распутина.

Фома. И поелику ее дочь Настя является Алисой Гессенской, то понятно, откуда такое соседство. Алиса призывает на помощь в своем горе колдуна. В следующей жизни этот колдун садится ей на закорки и катается на ней, как на пони. Это – расплата за привлечение херовой магии на свою сторону.

Андрей. У меня есть полное ощущение, что Настя в подростковом возрасте еще даст своей маме сильно просрать. Мало Ленке не покажется. И мне ее жалко. Будет такая ситуация на ножах, когда Ньюша с папой Димой будет иметь общий язык, а с Ленкой – нет, и она не будет понимать, что происходит. Мне ее жаль, потому что она – мать.

(В этом месте Грек помечает для Полтинника: с учетом тех новостей, что Валиков выложил себе на сайт год назад – о том, что Настя будет президентом России, по предсказанию маститого астролога, - становится ясным, на кого это движение будет делать ставку на очередных выборах, лет так через 12 - 16)

Фома. А мое положение расскажи на этой картинке. Потому что – непонятно. Вроде, номинировался на Алексея, но не прокатывает, как я понимаю. И на отход астрального тела мы это списать не можем.

Андрей. Я вижу тебя непосредственно за наследником, более высоким. И – с крыльями, ангелом. В повседневной жизни семьи ты тоже появляешься, не только в момент расстрела. Вообще, когда опасность грозит Алексею, я тебя за ним вижу. Когда у него открывается кровотечение, мы зовем Распутина, и он начинает заговорами это останавливать. И у меня такое ощущение, что это не Распутин делал. Он был только орудием в твоих руках, медиумом. Он многое чувствовал.

Фома. Мужик с сильной магической хваткой. Потолкался по скитам, по монастырям, обрел силу. Понял, как эту гайку можно крутить. И Алиса ухватилась за него, как за соломинку.

Андрей. Когда болеет ребенок, ухватишься за что угодно.

Фома. Когда всплыл Петр?

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

Андрей. Говорили о нем, говорили ... потом начало что-то пробиваться. И в эти же дни у Ани закачался зуб. Я взяла плоскогубцы Мишкины, открыла ей род и выдернула. С тех пор своим детям молочные зубы я дергаю сама. Петр это тоже практиковал, как известно. А Ирка стала замечать, что взгляд очень похож на то, как его рисуют. Стало всплывать, как людей спасали из воды во время наводнения. Какой-то бот перевернулся или накренился. Вытаскивал, стоя по пояс в воде.

Фома. А отчего он умер?

Андрей. Инфекция мочевыводящих путей (предположительно сифилис) и камни. Думаю, что и женушка помогла. Незадолго до этого он ее застукал, и она понимала, что опала недалеко. Могла и помочь.

Фома. Взаимоотношения с сыном ты помнишь на тот момент? С Алексеем?

Андрей. Есть ощущение, что есть сын, от женщины с норовом, от которой искры сыпались при столкновениях лбами. Обвенчался рано, в 17 лет, по совету матери. Столько лет Петр боролся за то, чтобы что-то изменить в этой стране, чтобы из этого тьмутараканьего царства вылезти, привести державу к некоторым нормам. Тем более Голландия была ему родиной по Лейстер, и интуитивно он пытался строить жизнь вокруг себя по голландскому образцу. Питер скорее голландский город, а не Венеция. Интуичил он однозначно, и хотел устроить жизнь в России по европейскому ранжиру. И тут он понял, что если воцарится старший сын, то все труды пойдут прахом.

Фома. Сын – если подтверждается по мне – посылался ему в качестве противовеса, как заступник за ценности старых времен. Поэтому, когда колокола снимали с церкви и переливали на пушки, ему было больно. Слабостью, мягкохарактерностью, любовью к московской старине (от матери), к деревянным часовням. И Боголюбский там просматривается в этой любви к стране, которую можно было бы и побережь.

Андрей. Сын был обречен. Несмотря на его отказ от престолонаследия. У Петра выбора не было.

Фома. Ну тогда и не надо спрашивать и горюниться, почему завалили мальчика Алешу, гемофилика. Большевицкая логика на этом витке превосходно твою Петровскую логику воспроизвела: а вдруг выживет, а вдруг будет мутить. Тебе Петром давали здорового сына, ты его на размен поставил. Теперь тебе уже Николаем дают сына-калеку. Чтобы научился ценить. Комуники скалькировали твой опыт один в один. Это ты их научила! *(смеется)*

Павел. В момент боли в глазах – идет Боттичелли.

Фома. Ну так больно, блинн. Да нет, все уже позади, конечно.

Андрей. Перетопчемся, правильно? Думаю, в этот раз договоримся однозначно. К тому же, у тебя есть фора. В этой жизни я полу женского.

Фома. Знаю, это спецом сделано. Полууженского полу. В общем, за любую модернизацию надо платить. Ты открыла этот российский эон – Андреем, а потом Петром, - и ты же весь посев в житницу Николаем собрала. Все логично. Я бы сказал – кармично. Ты сеешь, ты же и жнешь, так что жаловаться не на кого.

Павел. Каждый человек из жизни в жизнь гнет свою линию. Миссия Светки – рулить и царить.

Фома. И когда во имя модернизации приходится списать пару сотен тысяч голов – мы особенно не паримся.

Андрей. Знаешь, Саша, проще всего быть добрым ко всем людям. Но тогда ты ничего не достигнешь. Поэтому слабый царь становится добычей интриганов, и царство гибнет. Продвинутым людям ты можешь что-то объяснить. Быдлу ты не объяснишь ничего и никогда, и там надо включать рычаг. Это все к тому, что перемены необходимы, даже если они берутся дорогой ценой. Есть понятие – плата за прогресс. Хотим мы этого или нет, но история будет развиваться именно по этому сценарию.

Фома. Неоднородность развития душ. Те, которые более продвинутые, не желая дожидаться отстающих, начинают форматировать этот мир под себя. И отстающие вынуждены стремительно нагонять. Кто не успевает, оказываются под катком, становятся материалом реформ.

Андрей. Сейчас проще. Можно не проливать столько крови. Публика, которая пьет и не желает никуда расти, должна ускоренно сойти в могилу. Сделать алкоголь дешевым, например. Организовать выбор: кто будет пить и кто будет жить.

Фома. Давайте про миссию поговорим. То, что мы все собираемся друг возле дружки и начинаем опознавать самое себя – есть в этом некий исторический или духовный смысл? Какова цель?

Андрей. Я полагаю, что мы собираемся к приходу Христа. То, что Он принес в прошлый раз, Он принес адаптированную под сознание тех людей весть о духовном спасении. Сейчас все то же самое будет рассказано современным языком. Идея реинкарнации, разумеется, будет поддержана. Если тогда нам дали установку на закон и на заповедь, с зазором благодати, - то сейчас нам скажут, что благодать во всем, и что любой грех будет взыскан и оплачен, сейчас или в другом воплощении.

Фома. Если идея реинкарнации будет поддержана Христом явочно, а не в притчах, то классическое христианство, как мы его знаем последние 2000 лет, рухнет. Модели рая и ада претерпят колоссальные изменения, вплоть до упразднения. Будет переосмыслена роль святых, роль икон, роль мощей и обрядов. Наконец, встанет вопрос о Христе как участнике Троицы. О Троице вообще.

Андрей. Христианство переродится. Ортодоксальная ветвь не примет этой вести и уйдет в катакомбы, как и фарисеи в свое время. Потому что новая волна будет брать верх. И раскольники не приняли обновленческой реформы Никона – ушли в катакомбы. Сейчас существуют наравне с официальной версией, разрешены. Но если сравнить две веры, то одна – как промышленное производство, а другая – как домотканая мануфактура. Дело вкуса – примыкать к одной из церквей, но идеологическая отсталость, законсервированность второй налицо. А мир должен идти вперед, церковь же должна вести мир за собой, быть впереди мира.

Павел. Христос придет уже для того, чтобы упразднить многообразие молитв, где каждый что-то просит для себя. Хотя вполне достаточно сказать: Господи, не моя воля, но Твоя да будет.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

Фома. Поспорим с тобой еще на эту тему. Потому что если в человеческой воле нет нужды, то и человек не нужен в этой системе. Не надо унижать Бога просьбами о безволии своем. Это я тебе как Якоб Беме говорю. Мистики равенство Бога и человека, одноприродность их, понимали очень точно.

Андрей. Ту сцену, что я видела – шествие апостолов – судя по тому, сколько лет будет моей Юльке на тот момент, - лет десять в запасе у нас есть. Чтобы собраться и подготовить встречу Христа на уровне. Человечество – в нашем лице - должно показать, что оно созрело ко Второму Пришествию, и что после этого Пришествия оно согласно жить дальше – с новой радостью, с новым запасом сил и надежды. Конец света нам в обозримой перспективе не грозит, это точно. Ваня погорячился.

Фома. Значит, 2017 год. Соответственно, есть некоторое время на раскачку. Вот сегодня мы с Мишей приехали к вам по доброй воле. А завтра, боюсь, нас вытурят сюда уже пинками. Потому что начнется реальная работа, а нам будет некогда – бизнес, детишки и всякое такое.

Андрей. Я уже говорила Ире про 17-й год. Скорее всего, будет какая-то заварушка. 12-й, 17-й, 29-й годы – войнушки, но не с оружием, а где-то энергетически, в астрале. Черные и светлые знающие, как в «Дозорах».

Павел. Обратите внимание, что очень много прозрений. Фильмы, статьи, книги, даже ток-шоу. До смешного. Мы задаемся вопросом о человеке, - его тут же показывают по телевизору. словно бы приоткрывается некая завеса молчания там, наверху, причем приоткрывается, если говорить о масштабах исторического времени, с чудовищной быстротой.

**

Тут запись обрывалась. Слободан завершил расшифровку, сделал отправку Полтиннику. На дворе был уже поздний вечер, сентябрь, золотая осень, тепло. Выходя из офиса, Слободан щелкнул кнопкой сигнализатора. Отзвука не последовало: на том парковочном месте, где ранее стояла слободанова Шкода, красовалась выразительная дыра, словно бы вырвали зуб. Опана, сказал Слободан сам себе и набрал номер на мобире.

- Слава, привет, - сказал Слободан. – У меня, кажись, машину угнали.

- Мы в курсе, - весело сказал Слава (*помощник Полтинника*). – В Сокольники, гады, рвутся. Наши уже час ведут ее по городу, а через полчаса проведем захват. А то машина едет, понимаешь, а нужного пассажира в ней нет. У нас на это лампочка. Так что не парься. Сегодня, правда, придется тебе на общественном транспорте домой добираться. Или такси возьми. У нас все в разъездах. Если все путем, завтра к 7 утра ее тебе Петр подгонит.

- Ага, спасибо, - сказал Слободан и отключился.

Слободан двигался в сторону «Пушкинской», погруженный в свои мысли. 2017 год. Апостолы собираются в Москве. Какое-то шествие. Сначала 12, потом Павел, потом 70. И эзотерические щиты по бокам. И Христос, в белом венчике из роз, поэма «Двенадцать». Клиника!

Две девушки стояли, держась за свои велосипеды. Одна из них что-то рассказывала другой, указуя рукой на дом на противоположной стороне Малой Бронной улицы.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Вон, на последнем этаже окно, - говорила одна. – Там жил известный хирург Абрам Мережковский, у него были дети: сын Юра и дочка Наташа. Юрка – это Валиков, а Наташка – это Юлька. Мы с Ирккой помним, как задирали головы и орал Юрцу, чтоб он спускался. Осторожнее, товарищ. – Последняя фраза относилась к Слободану Драговичу.

- Извините, - сказал Слободан Драгович девушке, которую толкнул. Поднял взгляд.

Перед ним стояла Света Ростова, а рядом с ней – ее младшая сводная сестра Катя. Лица с видеозаписи, которую он только что закончил обрабатывать. Товарищ Андрей апостол и товарищ Лонгин сотник, собственными персонами.

Вытягивание лиц было обоюдным. Прозревающий Слободан открывал от изумления рот с той же скоростью, что изменялся в лице товарищ Андрей. Слободан почувствовал, что у него в мозгу кто-то шевелится. Происходило нечто странное: шло тепло и смутное видение молнии, которая попадает в дерево. И – картинка из того памятного сна в ШИЗО, где Асет и Саша говорили ему, что пора проснуться. Наконец, Слободан и Света синхронно мотнули головой, словно бы стряхивая морок.

- У меня такое чувство, что я вас знаю, - сказала, наконец, Света. – Мы не знакомы?

- Не имею чести, - пробормотал Слободан. – Простите еще раз.

И он пошел без оглядки. Выходя на Пушкинский бульвар, Слободан уже в полной мере ощутил, что его задание провалено. Его выпили люди, на которых он охотился, его сосчитали. И что теперь докладывать Полтиннику? Провал – это смертный приговор, тут и к бабке можно было не ходить. Пусть это даже несчастный случай, легче не становится.

16. Слободан выходит на связь

Версия о провале подтвердилась немедленно. Если раньше Слободан наблюдал, как Фома, Павел и Андрей изо дня в день щебечут по Асе, обмениваясь текстами и картинками, то теперь наступила гнетущая тишина, радиомолчание в эфире. Ни буквы, ни килобайта, ни по Асе, ни по мылу. Прошел день, потом другой, потом третий. Молчок.

В ходе захвата угонщиков Слободанова Шкода была слегка повреждена (лобовое стекло, вмятина в капоте, оба бампера, простреленное заднее колесо). Пока машина рихтовалась на СТО, Слободан ездил на работу в метро. Оно было в каком-то смысле и быстрее. То ли Саркози приехал встречаться с Медведевым, то ли еще что в том же духе, но Москва стояла в безысходных пробках.

Наконец, в 7 утра к дому Слободана подъехали люди на двух машинах. В одной из них – в Слободановой Шкоде – сидел Петр.

- Получайте свою красавицу, - сказал он. – Как новенькая, наши умельцы постарались. Крадуны решили побыковать, поэтому захват шел плотно, с применением табельного оружия.

- И чего, теперь уголовное дело на них? – спросил Слободан.

- Еще чего не хватало, - сказал Петр. - Делать больше нечего, по судам таскаться. Тем более ущерб. В таких случаях наши не церемонятся. Отправили их в колбасный цех на переработку.

- Что такое колбасный цех? – спросил Слободан.

- В Конторе много людей, которым нужны донорские органы, - пояснил Петр. – Участники боевых действий, ветераны и все такое. Бывает, годами ждут почку или печень. А тут материал сам идет в руки. У местного бычья тотально атрофия мозга, но мозги мы еще не научились пересаживать, а вот все остальное у них - в полном порядке. Все, что не пригодилось – в целлофановый мешок и на стройку, в бетон. В Москве жилищное строительство на подъеме, сами знаете. Ладно, я поехал, работы много.

И они уехали. Слободан долго смотрел вслед Петру, размышляя о превратностях судьбы человеческой. «Цвел юноша вчор, а нынче умер». И меня на органы, если не придумаю ничего.

- Отец Андрей, - говорил Слободан через два часа, когда дьякон Караваев появился на пороге его кабинета; встреча была назначена еще неделю назад, – я сейчас готовлю выступление в Орле, посвященное задачам нашего движения. Прошлый раз, когда я выступал в Нижнем Новгороде, мне был вопрос из зала про реинкарнации, а я был не готов и отвечал вяло. Усилить хочется. Давайте так: какие основные аргументы накоплены православной наукой, чтобы считать учение о реинкарнации лживым и еретическим?

- Тут можно рассуждать целыми днями, - сказал дьякон Караваев, улыбнувшись. – Тема-то объемная. Но, если рассматривать конспект, то утверждение истины опирается на две основные посылки.

- Первое, - сказал дьякон Караваев, - это формальное отнесение себя к той или иной церкви. Переселение душ – это не христианское убеждение, оно последовательно осуждено рядом христианских вселенских соборов, еще до Великого раскола. Христианство считает, что посмертная участь души может быть вполне определена результатом поступков и устремлений человека в данной ему жизни. «Человеку надлежит однажды умереть, а потом суд» - процитировал Караваев Павлово послание к Евреям. - Для суда воскресают, в каких телах – не суть важно, но важно именно телесное воскресение.

- Как насчет кармы? – спросил Слободан.

- Нелепая языческая выдумка, - отвечал дьякон Караваев. – Заменить Бога на бездушную машину, которая, как в аптеке, будет воздавать тебе за грехи. Типа, талончик на парковку; не заплатил - штраф. Бог есть Любовь, а любовь долготерпит, по слову Павла. Если бы нам воздавалось по делам и по мыслям нашим, - гореть бы нам еще при этой жизни, не говоря уже о жизни будущего века. Бог ищет, чтобы все пришли к покаянию еще до смерти, и принесли плод.

- А как объяснить различия стартовых данных, даваемых каждому человеку при его рождении? – спросил Слободан. – Врожденные патологии, географические различия, суровую бедность одних и роскошество других? Кармисты говорят, что накопленной кармой можно объяснить.

- Ну и врут, - сказал дьякон Караваев. – Бог устанавливает каждому человеку задатки для совершения его участи. При этом Бог хорошо понимает, какие стартовые предпосылки являются душеспасительными для того или иного человека. Ведь и богатство – не навсегда. Кому-то утрата богатства дается для того, чтобы человек, упав с вышины, крепче задумался о Том, Кто его на эту вершину жизни водрузил. К примеру, Ходорковский. Кто он до

посадки? Олигарх позорный. А после? Вон какие письма хорошие пишет из затвора, регулярно исповедуется. Видимо, проняло. Или тот же твой Саша Резанцев. Кто он до посадки? Опять же, олигарх позорный. А в тюрьме уверовал. Правда, ненадолго, как мы понимаем. Пес возвращается на свою блевотину, вымытая свинья идет валяться в грязи (*процитировал послание Петра. Что же они все так обильно цитируют, пригорюнился Слободан, а своих-то собственных мыслей и слов нет у них, что ли*).

- А откуда вы знаете, что он в тюрьме уверовал? – спросил Слободан.

- Саша опубликовал все свои письма из тюрьмы, - пояснил дьякон Караваев. – Сделал такой связный электронный текст на гиперссылках. И назвал его «Возвращение к Дольменам». Правда, он сделал это подпольно, то есть без публикации адресов. Только поисковой машиной можно докопаться, люди из Конторы нашли, собрали все на диск и дали мне на экспертизу. На предмет православности воззрений Резанцева. Но это было давно, еще год назад. Странно, что ты этого не знал, ты же у нас специалист по этому псевдо-Фоме.

- Спасибо за подсказку, - поблагодарил Слободан. – Итак, никакой кармы нет, а на все воля Божья? В чем же тогда роль воли человеческой?

- Рассмотреть все аспекты бытия критически – и избрать волю Божью во всем, - отвечивал Караваев. – И поступки свои, и мысли свои – соотнести с Божьей волей. «Что любезно, что достославно – о том и помышляйте», - снова процитировал Павла Караваев. – Добровольно принять сторону Бога, даже вопреки устроениям мира, который, как известно, лежит во зле – и противится Божьей воле, водимый собственными страстями и похотями. Вот на что воля нужна человеку – противостоять разрушению извне и изнутри, уберечь душу от соблазнов.

- Это что касается стороны веры, - подвел черту под первой половиной дьякон Караваев. – Видим, что вера в реинкарнации ничем не помогает человеку, а только делает его расслабленным. Типа, нагрешил в этой жизни, ну и что, отмоюсь в следующей. Ада нет, рай нет, воскресения нет. А дьяволу радостно: вот такая прекрасная вера, все проторенной дорожкой идут в пекло – нераскаянные, возгордившиеся о себе еретики. Зачем такому пифагорейцу Христос? А незачем, ему скорее Будда в помощь. В общем, с верой разобрались, я надеюсь. Теперь вопрос второй – феномены.

- Сейчас массу книг навывускали по феноменам реинкарнации и жизни после смерти, - продолжал дьякон Караваев. – Есть две книги Ньютона. Есть Монро. Есть Ян Стивенсон, которого сейчас готовят к печати, я точно знаю. Есть Лобсанг Рампа, Моуди и другие, всех не перечислишь. Все вокруг одного: якобы прошлые жизни, которые вспоминаются под гипнозом или как бы ни с того ни с сего, особенно в Индии. Была девочка, звали ее Сварлната. А потом ее пробивает на то, что она помнит себя другой женщиной, которая умерла, и зовут ее Бийя Патак. Вспоминает дом, где жила, племянника, где ее якобы муж оставил записку и т.д. Но из чего следует, что это все – воспоминания о прошлых жизнях?

- А как это трактовать? – спросил Слободан.

- Отвечу вопросом на вопрос, - сказал дьякон Караваев. – Ты был когда-нибудь на отчитке бесов?

- Нет, - честно признался Слободан.

- Как-нибудь я тебя свожу, - пообещал дьякон Караваев. – У меня есть приятель отец Вениамин, он в церкви Рождества Богородицы на Клязьме практикует такие отчитки. Лучше

один раз увидеть, чем сто раз услышать. Мир вокруг нас полон невидимых сущностей, как бесов, так и ангелов. Ангелы ищут нам помогать, а бесы – вредить. Для этого бесы селятся в человека и начинают им водить в целях нанесения урона окружающим. В крайних случаях, человек начинает разговаривать не своим голосом, рычать, ругаться матом на священника, когда он отчитку проводит. Это самые простые случаи и лучше всего лечатся – молитвой и постом, как Христос учил. А самые опасные случаи – они маловидные. Человек бывает захвачен какими-то навязчивыми мыслями, перемежающимися настроениями. Очень часто у женщин: ни с того ни с сего – проявления нетерпимости, агрессии, срывы. И в особых случаях – видения прошлых жизней, якобы своих, со всеми подробностями. Дьявол хитер. Он подсовывает человеку программу, на которую у человека срабатывает механизм сопереживания. Типа, вот Фома вспоминает себя Робертом Шуманом. И он думает: ой, и правда, а я ведь тоже хорошо играю на пианино. Резанцев, кстати, действительно хорошо играет на пианино и поет. Но разве это аргумент? К примеру, рисовать он ни крошки не умеет, о чем всем напропалую жалуется. А номинируется на Боттичелли. Ну и где логика? Насколько Бог печется о спасении человека, столь же дьявол и ангелы его пекутся о том, чтобы человека совратить с пути истинного и погубить.

- Или, к примеру, калека, - продолжал отец Андрей. – Он, наслушавшись Фомы, говорит: это мне дали за то, что я в прошлой жизни накосячил. Соответственно, у нас с Богом расчет в ноль, можно косячить дальше. Он начинает носить свою инвалидность с гордостью, как медаль «Ветеран труда», как верное свидетельство того, что к нему у Бога претензий нет, а есть, наоборот, некоторая фора по грехам. Напивается вусмерть и замерзает под деревом. На кого списывать убытки? Ясное дело, на еретика Фому. Потому что так научил.

- Это спорный аргумент, - сказал Слободан. – Можно зайти с обратной стороны. Сколько народу было сожжено на кострах из самых что ни на есть христианских побуждений. То есть, намерения и помыслы святые, а на деле вон выходит что. Благими намерениями, как говорится. Значит, человек сам несет ответственность за набор своих убеждений и связанных с этими убеждениями поступков. И он не должен эту свою ответственность перекладывать на Бога. Типа, раз Христос принял на Себя мой грех, стало быть, я чист и могу грешить дальше.

- В теории все верно, - поддержал отец Андрей. – Свобода воли, свобода совести и все такое. На практике же выходит, что люди обладают разной мерой чутья на правду. И когда Христос говорит о том, что соблазнителью малых сих лучше повесить жернов на шею и бросить его в море, Он говорит, что не все одинаково хорошо справляются со своими соблазнами. Не все одинаково хорошо плавают и ныряют. И таким овцам нужно стадо и нужен пастырь. Который пасет овец и не дает волкам резать ягненка, посылая своих псов на его охрану. Мы с тобой, Слободан, как раз в роли таких псов и выступаем.

- А потом, следует брать во внимание, - продолжал дьякон Караваев, - какими практиками сопровождаются все эти поиски прошлых жизней. Регресс – перевод человека в измененное состояние сознания под гипнозом; снимаются защиты с души, а бесу это превосходная okazия для внедрения. Дверь открыта, заходи кто хочешь, бери что хочешь. Естественно, человек сразу начинает видеть кино и т.д. А на самом деле, душа покалечена вмешательством, агрессией. Такая же обстановка и с одитингом, который наши друзья-сайентологи проводят. И они сами прекрасно понимают, что не только распахивают бесам ворота, но и сами ставят у человека в мозгу закладки, на которые он потом срабатывает – и оказывается в торбе у этих сект и их руководителей. Ясно сказано во Второзаконии: прорицателя и ворожею истреби из народа своего. Для чего? Потому что это все – сатанинские практики, наряду с гаданиями, астрологией, экстрасенсорикой и прочей дрянью.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Таким образом, можно подвести итог, - принялся закругляться дьякон Караваев. – Первое. Убеждение о реинкарнациях неправославно. Веря в это, ты ставишь себя вне Церкви. А опыт Церкви – это опыт святых, просиявших в ней праведной жизнью и святыми чудесами. Веря в переселения душ, ты ставишь себя в оппозицию всему лучшему, что накоплено за 2000 лет веры. Это одна сторона. Вторая сторона – феномены. Доверяясь голосам о прошлых жизнях вне и внутри себя, ты потекаешь своей и чужой одержимости, культивируешь ее, возводишь в принцип. А тут наоборот: чем ярче видишь прошлые воплощения, тем вернее дорога в храм, на отчитку и покаяние, на исповедь. Вот по такой схеме предлагаю и доводить. Если хочешь, я дам тебе в дорогу свои книги. Кто заинтересуется – можешь раздать, Контора платит.

Дьякон Караваев откланялся. Слободан сидел в глубокой задумчивости, уставившись в свой лаптоп. Внезапно – о радость! – заморгал индикатор на панели. Это означало, что возобновился информационный обмен между Фомой и Андреем. Слободан быстро запустил программу слежения, ввел номер ICQ Фомы. Молчание. Значит, Мейл Ру Агент, понял Слободан, переключился. Действительно, Резанцев и Ростова чатились в Mail.Ru. Но, наблюдая за беседой, Слободан уловил, что обрадовался он рано. Начиналась радиоигра.

Привет, пискнул Фома, как оно. Три дня не мог разговаривать, извини. Я тоже не могла разговаривать три дня, пискнул Андрей. Все по Малым Бронным моталась с сотником.

Если это мне намек, то яснее не бывает, подумал Слободан.

Давай я тебе еще раз переброшу письмо Валикову, пискнул Фома. Чтобы ты вспомнила содержание, что уже говорилось ему, а что нет. Давай, пискнул Андрей.

На экране загорелось:

Передача файлов (16:49) :
Вы предложили собеседнику получить файлы.
D:\Реинкарнации\Тексты\Письмо_Валиков.doc (25 КБ)
Общий размер: 25 КБ
[Отменить отправку](#)

Тут же было видно, что собеседник согласился принимать файл. Файл ушел. Одновременно Слободан увидел, что в папке Фомы появился новый файл с именем Письмо_Валиков.doc.

Ты пока освежи в памяти, а я побегу, пискнул Фома. Нафаня зовет. Встречаемся через час. Оки, пискнул Андрей.

Что еще за Нафаня, подумал Слободан. Апостол Нафанаил? Открыл присланный файл. В нем было:

«Дима!

Когда ты снимал клип «Миксер», ты и думать не думал, что человек, висящий вниз головой на кресте – это ты. Да, ты был апостолом Петром, и ты был казнен именно таким способом – на перевернутом кресте. Это ты попросил твоих палачей перевернуть крест, потому что ты считал себя недостойным быть распятым, как твой учитель и брат – Иисус Христос.

Но ты умерал не один. Рядом с тобой гибли твои родные, твои товарищи по оружию. Вот, растягивают на косом кресте твоего брата, апостола Андрея. Рубят голову твоему соратнику, апостолу Павлу. Протыкают копьями твоего вечного оппонента, апостола Фому. (Однажды, будучи Николаем Угодником, ты разбил ему нос на Никейском соборе. Тогда его звали Арием.)

Это все происходит в разные годы, с разными людьми. Разные способы казни. Но однажды мы встречаемся все вместе. Представь себе. 17 июля 1918 года. Ночь. Подвал ипатьевского дома. Мы стоим, прижавшись друг к другу. Напротив нас – палачи с наганамы наперевес. Ты стоишь рядом с матерью, Александрой. Ты в тот роковой момент – Ольга, старшая дочь царя. А твоя тогдашняя мать Алиса – это сейчас твоя дочь, Нюша. Так меняются миры. И, когда ты говоришь о необходимости дать своей дочери аристократическое воспитание, ты чувствуешь: она – королевской крови.

*Вот, стоит последний российский император Николай Второй Романов. В ипатьевском подвале он приходится тебе отцом. Но 2000 лет назад ты, Петр, знал его как своего брата, апостола Андрея. **Вы вместе**, из жизни в жизнь. Вы убиваете, вас убивают, но это касается вас обоих – всякий раз. Иногда вы даже убиваете друг друга. Но сегодня это уже не так важно.*

Рядом с Николаем стоит доктор Боткин, лечащий врач цесаревича-гемофилика Алексея. Он узнал себя в прежние годы апостолом Павлом, Гомером, Горацием, Рембрандтом. Но сегодня, 17 июля, он гибнет в ипатьевском подвале вместе со своей семьей. Вместе с тобой, Оля.

И мог ли подумать мальчик, родившийся ровно день в день и час в час, 17 июля, в два часа ночи, получивший от матери имя убитого цесаревича (Александр = Алексей) и неизлечимую болезнь крови, что ему в наследство досталась не только несворачивающаяся кровь, но и десятки прошлых жизней, в том числе жизнь апостола Фомы. А в ипатьевском подвале он – ангел-хранитель семьи, пребывающий бестелесно, но рядом с вами, до той поры, пока не испустит дух последняя дочь – Анастасия.

*И думал ли ты, что, снимая клип «Город», ты снимаешь клип о себе самом, ушедшем на Отечественную войну с Патриарших прудов и не вернувшимся с войны? Тебя расстреливали вместе с твоими боевыми товарищами. Это снова были апостол Андрей, апостол Павел, апостол Фома. **Мы все вспомним**, до последней детали, дай только срок. И ты все вспомнишь.*

Сегодня в России найдены практически все 12 апостолов первого призыва, апостол Павел и Мария Магдалина. Рядом с тобой в Москве живут Света Ростова (Андрей), ее дочь Юля (Левий Матфей), Ира Баранова (Павел), Саша Полнолетов (Иаков Зеведеев), Стас Плюшкин (Иоанн Зеведеев), твоя дочь Настя (Иуда Алфеев), сын твоей сестры Илоны (Иаков Алфеев), Андрей Галахов (Иуда Искарот). В Питере проживают Саша Резанцев (Фома), Миша Светиков (Нафанаил), Дима Ручейков (Филипп), Надя Рябцева (Мария Магдалина). В Омске живет Симон Зилот (под вопросом). Мы не нашли последнего апостола, но мы его найдем. И еще 70 апостолов второго призыва ждут быть признанными. Найдены также люди из так называемой «итальянской группы»: Джованни Пико Мирандола, Лоренцо Медичи, Савонарола, Джулиано Медичи. Они – рядом с нами и играют огромную роль во всем происходящем.

И ты поможешь нам, Дима. Потому что ты из жизни в жизнь не терял связи с нашей группой, был одним из нас. К этой жизни ты развил в себе телепатические способности,

научился разговаривать с нами. Как Петр, ты непрерывно разговариваешь с Павлом. Но очень часто в твои мысли вкрадывается нота обиды и злобы. Тогда, 2000 лет назад, ты сильно осерчал на Павла, и до сих пор не можешь простить ему некоторые вещи. С этим надо кончать. Ведь не станет же Фома (однажды – сын Петра Первого Алексей) обижаться на Свету Ростову (в ту пору – своего отца Петра Великого) за свою мученическую смерть. И Света не станет обижаться на Сашу Резанцева за то, что он, в бытность свою Андреем Боголюбским, сжег дотла ее любимый город Киев, который он (она) основала и утвердила на горах, водрузив там еще апостолом Андреем – свой крест. Однажды мы все сильно переругались, и было это 2000 лет назад, на первом апостольском соборе. Это было очень глупо.

Потому что мы – одна семья. Мы вместе переходим из жизни в жизнь, делаем общие дела. Мы – апостолы, что означает – почтальоны. Мы приносим в мир благие главные вести, которые делают этот мир лучше. Мы носим письма Бога, написанные поверх нас самих. Мы – шероховатый пергамент для Божьих записей, и мы никогда не были святыми, как любят нас изображать на иконах и в святцах. Еще убедишься! ☺ Помнишь свой «Миксер», там ведь тоже всё с письма начиналось?

А ныне мы все встретились в России ради одной великой миссии – подготовить Второе Пришествие Иисуса Христа, нашего брата и нашего великого учителя. Мы еще до конца не осознаем параметры этой миссии. Не до конца понимаем свою роль и место. Но у нас есть еще в запасе некоторое время, чтобы определиться, сформировать верное и здоровое учение. Для себя понять, что нам принесет Христос, когда придет, чего мы от Него ждем. И что – в зоне нашей ответственности, в зоне нашей порядочности, нашей чистоты, нашего мужества, нашей смелости, нашего долга. То, что мы зафиксируем, достанется в удел миллиардам и будет переведено на все языки мира. Поэтому наша ответственность – в каждой букве, в каждом жесте. Мы уже не принадлежим себе. Чем глубже откровение, тем выше доля ответственности за коллективное происходящее.

У нас очень мало времени. Каждый день приносит нам новое открытие. Поэтому мы ждем тебя, наш брат, наш товарищ. Ты нужен нам, а мы нужны тебе. И всем вместе нам нужен Христос, Которого мы надеемся встретить, еще в этой жизни. Вместе, в группе, в разделенных мыслях и упованиях, мы кратко сильнее и кратко точнее. Разрозненно, в своем нынешнем рыхлом, засаленном, опустившемся составе, - мы не представляем для будущего никакого интереса.

Сейчас ты уже понял, что достоинство человека в том, чтобы служить высшим моментам жизни. Ты из раза в раз поешь о неразделенной любви, о не-встречах, - от места к месту, из жизни в жизнь. Но ты споешь еще и о той любви, которая разделена. Ты споешь обо всех нас и о нашем служении. Ты споешь о Главной Встрече этого тысячелетия. И это будет самая сильная лирическая тема твоего нынешнего воплощения. И именно она тебя прославит.

Мы ждем тебя.

Письмо подписали:

Светлана Ростова – ап. Андрей, Петр Первый, Лермонтов, Николай II и другие.
Ирина Баранова – ап. Павел, Гомер, Гораций, Рембрандт, доктор Боткин и другие.
Александр Резанцев – ап. Фома, Ориген, Андрей Боголюбский, Боттичелли, Шуман и другие».

Внезапно снова загорелся индикатор.

Приветики, пискнул Фома, ты еще тут?

Тута, пискнул Андрей, интуичу, в нете сижу, свои портреты монитору ☺

У меня тут мысль одна возникла, пискнул Фома. Мне один чувак рассказал по пьяни как-то раз. У него в Италии любовь, много не назвонишься. А жена у него в органах работает, поставила прослушку на все, на телефон, на комп. Так он что удумал. Купил себе наладонник и набор дешевых симок. Когда жена ложится спать, он запирается в ванной, включает наладонник, вставляет свежую симку в мобире, через блютуз выходит в Инет, стартует Асю и базарит со своей заздобой. В итоге получается дешевле, чем напрямую по мобире в Италию звонить, а заодно никто не пропадет, потому что симки все время втыкает разные.

Зыка, пискнул Андрей. Когда нас будут пасти, мы тоже так будем делать. Чтобы не палиться. ☺

Кстати, пискнул Фома, этот чувак, с которым ты столкнулась на Бронной, не объявлялся? А как он объявится, пискнул Андрей, он же совсем незнакомый нам дядька. Хотя мне показалось, что знакомый.

Если захочет - найдет, как объявиться, пискнул Фома. Заведет себе наладонник, дешевых симок в мобире, и где-нибудь из леса даст знать о себе. Мол, я тута. Например, в Асю постучится. А для верности кодовое слово какое-нибудь напишет. Например, Чечня. Или Саранск. Лучшие с самого утра.

Слободан похолодел.

Ну все, пискнул Фома, расход по мастям ☺

Покасики, пискнул Андрей. И добавил чмоку – для верности.

Они знают все, понял Слободан. До самой последней детали. И они – готовы. А к чему готов я? К радиоигре, вдруг понял он. Я готов разговаривать с ними. Значит, все правда. Раз они меня выпотрошили, буквально за один взгляд, - значит, все правда. Значит, они – те, за кого себя выдают.

Слободан ушел с работы рано. Он хотел успеть к закрытию магазина – купить себе наладонник, новую мобире и гарнитуру BlueTooth. До полночи, сидя в холостяцкой братеевской квартирке, Слободан оснащал свой новый маленький комп: ставил Офис, Асю, МейлРу, проверял блютуз, заводил себе аккаунты и электронную почту. Слободан выбрал себе никнейм Dominic, памятуя о том, что он – пес Господень и к инквизиции драных еретиков готов. Препоясался, значит. Или, наоборот, исполнился иронии к себе.

Перед сном Слободан помолился. Он просил у Аллаха и сына его Исы Христа вразумления, как жить дальше. Многое, во что однажды поверил, разлетается в куски. Значит ли это, что вере конец? Нет, не значит. То, что он видел в ШИЗО – правда. Все мои живы, никто не умер. Может, уже родились где-нибудь. Или летают ангелами, помогают людям проснуться. Действительно ли Христос и реинкарнации противоречат друг другу? Нет. Действительно ли видения прошлых жизней – от лукавого? Не похоже, иначе все только бы галлюцинации и видели. А, на самом деле, видение прошлых жизней – редкость, и далеко не всем дано. Фома, вон, ничего не видит, о чем на каждом углу жалуется. Так что логика дьякона Караваева несостоятельна. Но они скорее сдохнут, чем сознаются в своей неправоте. Эх, помогай Господь разобраться.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

В девять утра следующего дня, припарковав свою Шкоду в березовой роще, в двух километрах от дома, Слободан вышел в Инет. Фома стоял онлайн. Слободан попросил авторизации у Фомы в Mail.Ru, вписав в запрос ключевое слово «Саранск».

Доброе утро, пискнул Слободан.

Здорово, Керим, пискнул Фома. Правильно мы угадали имя?

Правильно, пискнул некто, дивясь чудесам Божьим.

Слушай, Dominic, пискнул Фома, какие у тебя на завтра планы?

Вторую половину дня пока чисто, пискнул Dominic (или как там его).

Есть предложение пересечься в Киноцентре на Баррикадной, сеанс на 17-30, пискнул Фома. Идет славный индийский триллер «Неснижаемая страсть». Купи билеты и заходи внутрь. Я тебя там найду. Приеду из Питера по такому случаю. Машину свою модную брось у офиса, добирайся пешком. Секретарше скажешь, что у тебя на Патриарших с человеком встреча.

Подтверждаю, пискнул Dominic.

Все, до завтра, пискнул Фома. Нашу переписку у себя удали, на обоих компах. В твоих же интересах. Не бойся нас, мы тоже люди.

А я и не боюсь, пискнул Dominic.

17. Орывок из дневника Фомы. Madonna del Magnificat

Как утверждает известный эзотерик Авессалом Подводный (<http://foma.ifel.ru/fr1008.htm>), любовь – не сахар, не утонченное лакомство. Любовь – анестезия. Потому что под музыку любви нам сообщают что-то очень важное о нас самих.

Как пишет погибший в ГУЛАГЕ о. Павел Флоренский (<http://foma.ifel.ru/fr1009.htm>), Богородица является Софией по преимуществу.

Как поет в спектакле «Юнона и Авось» Николай Караченцев (*язык не поворачивается сказать «пел»*), «Меня по свету гонит страшный бред, /Душой я болен с отроческих лет,/Когда на мне остановился взгляд/Казанской Божьей Матери ...»

И, наконец, Якоб Беме в своей книге «Христософия или путь ко Христу» (<http://foma.ifel.ru/fr1010.htm>) называет Софию невестой.

Итак, я любил Марию Магдалину, и об этом все знали. Но Мария ничем не могла мне ответить на мое чувство. Она прошла ту страшную школу любви, когда любят за деньги, причем в самых извращенных формах. И то, что осталось у нее на выходе, когда Христос вынул ее из петли, куда ее пытались затолкать бесы, – это ощущение выжженной земли, совершенной опустошенности. Она окунулась в ученичество Христово как в монашество. Это она послужила примером всем будущим сестрам Христовым. Таким образом, она как бы заново родилась, и никакое чувство из земного, набившего оскомину мирского репертуара, не могло в ней возникнуть на тот момент. Слишком много любви, как поет БГ (<http://foma.ifel.ru/sound/bg.mp3>).

Я признался ей однажды вечером 2000 лет назад, волнуясь, как школьник. Впоследствии я неоднократно это проделывал, из жизни в жизнь. Да и до Христа проделывал (*Соломона и царицу Савскую надо копать*). А она неоднократно, одними и теми же словами, исполненными мудрой сосредоточенности и теплоты, давала мне понять, что ничего не получится. При этом она всегда любила меня – но не как мужчину, которых у нее по

воплощениям было хоть пруд пруди, - а как брата, как парную душу, в самой глубине ее нежного сердца.

На протяжении наших совместных воплощений мы учились друг у друга всему, чему один человек может научить другого. Я говорил ей о внешнем. Читал стихи. Писал пьесы для нее, репетировал с ней ее выходы в моих постановках. Она мне позировала. И рассказывала мне – обо мне же, о моем внутреннем устройении. Давала понять, что во мне самом – не так, на какие грабли я периодически наступаю. Вот к чему я говорю о любви как об анестезии: потому что без наркоза воспринимать эту школу отставленности не было никакой возможности.

Далее. Я всю жизнь, осознанно или неосознанно, служил Святой Софии, исповедовал богородичный культ. Для меня София, как и для Флоренского, всегда была одной из ипостасей Бога, Богом – Матерью, Которую я, по слову апостола Павла, наблюдал через рассматривание творений. У меня перед глазами всегда стояли сии Две: Сама Богородица и Мария Магдалина, которые для меня были и являются проекциями Святой Софии. Так что, если апокриф «Пистис София» (<http://foma.ifel.ru/fr1011.htm>) от меня, то ничего удивительного, потом все откроется. «Песнь Песней» ведь написал! Там тоже невеста узнает жениха, жених узнает невесту, совершается тонкий алхимический брак. Парные души свидетельствуют друг о друге сами собою, сердцем, ищут друг друга в движении. Сличите «Песнь Песней», «Пистис Софию» и «Христософию» - написано об одном, в одних образах.

И, когда я, будучи Боттичелли, написал Марию Магдалину под видом Божьей Матери на полотне «Madonna del Magnificat» - для меня не было разницы между Ними Двумя в тот момент. Потому что перед глазами стояла Симонетта Веспуччи, она же Мария Магдалина, она же Мария Стюарт, она же Теодора Риччи из театра Сан-Самуэле, она же Надя Рябцева из народного театра политехнического института. Сравните фотографию, что я протаскал с собой всю тюрьму, и полотно, - у вас отпадут всякие сомнения. К счастью, все, кто были со мной рядом в Италии в те времена (*Лоренцо, Пико, Джулиано*), ее узнали. И поздравили с тем, что у меня хороший вкус и губа не дура. (*Джулиано Медичи тоже любил Симонетту Каттаны, по мужу Веспуччи, - но она рано умерла. А потом и его убили. Оба раза вся Флоренция рыдала*).

И был мне знак во всем этом. В марте 1985 года в Эрмитаж привезли картину Боттичелли «Минерва, укротившая кентавра». И мы всем театром-студией пошли смотреть. Очередь стояла, как в Мавзолей Ленина. Пока шли, проходили зал, где висели черно-белые фотографии полотен Боттичелли, что висят во Флоренции, в Уфицци. И тут я увидел Надьку – на фотографии фрагмента «Весны». Ну и давай кричать на весь музей: «Надька, Надька!» Наши сбежались смотреть – и зацокали языками: действительно, очень похожа. А я уже, конечно, тогда всю любил Надьку. И внутренне знал, что не просто похожа, а она самая и есть. А теперь и ясновидцы подтвердили. Вот так мы сами, перед очередным воплощением, развешиваем себе по кустам знаки, о которые нас торкает.

Надька встречается с новыми мужчинами, имеет от них детей, стареет, дурнеет. Но, вот, я смотрю на нее – и вижу парную душу, и то, что за ней – Софию, ипостась Богини-Матери, мудрости, красоты, гармонии. Надя мне пеняла, что я ей поклоняюсь, точно полубогине. А ведь так и было. И любовь открыла мне эту тайну. Тогда и написал ей в альбом (*говоря о себе – Боттичелли*):

*Но странная метаморфоза
Его мадоннам придана:*

*Они забвенья не выносят,
Они нисходят с полотна.*

*И тут я понял, что случилось
С твоей обычной судьбой:
В тебе Мадонна поселилась,
Живет и действует тобой.*

И Надя однажды ответила мне на эту реплику. Когда я сидел в тюрьме, пребывая в полном отчаянии, мой адвокат передал мне весточку от Нади. Надя писала: «Если во мне действительно живет Мадонна, пусть она сбережет тебя и поможет, спасет и сохранит». Сравните, что пишет Богородица Игнатию Богоносцу в аналогичной ситуации (*цитирую по Флоренскому*): «Стой в вере и поступай мужественно; и да не беспокоит тебя суровость преследования». Ну и какая после этого для меня разница между Надькой и Церковью Покрова на Нерли? А никакой: обе суть проекции Бога, Его символы.

Пушкин тоже почитал свою жену Мадонной, как «чистойшей прелести чистойшей образец», за что и схлопотал от ревностного святоши протоиерея Михаила Ардова (<http://foma.ifel.ru/fr1012.htm>). Привожу сей его текст без изъятий. Пусть перечитает, и пусть ему, святому дураку, станет стыдно.

О Боттичелли написано искусствоведами много, повторяются не резон. Известно также, что он был слаб на передок, равно как и на бэкофис, о чем имеются надежные свидетельства из первых рук (*от того, кто этот бэкофис употреблял к своему удовольствию*). Здесь можно усмотреть некий простест Саши Филлипепи (*подлинное имя художника*) против того, как удумал Бог - с ним и с Симонеттой. Обида на Бога, что носится из жизни в жизнь, бьет по печени посильнее кружки пива - и приводит к неестественному употреблению плоти.

Вспоминаю «Благовещенье» Боттичелли, на котором Богородица отворачивается от архангела, боится принимать Весть. Точно так же отворачивалась от меня и Симонетта, не хотела моей любви. Впрочем, любви Джулиано она тоже не хотела. У нее был муж, в конце концов; кажется, он торговал древесиной. Так что Симонетта рихтовала меня мама не горюй, почище всякого кентавра будет. Обмолвлюсь по дороге: Гомер (*наш Павлик*) устанавливал связь между Софией и Афиной (*Минервой, по-римски говоря*).

От богородичного культа недалеко и до идолослужения. Когда любовь поглощает тебя целиком, и ты, растворяясь в ней, теряешь личность, - ты тем самым совершаешь самоубийство, за что и бываешь наказан. Главный кармический урок, который вынес из любви к Магдалине в этом зоне: собственная душа, автономная в своем выборе, имеющая самостоятельные надежные отношения с Богом, - дороже любой Магдалины, выше смазных сапог (*в противовес разночинцу Писареву*) и выше всякого Пушкина. Когда идет война, амуры умолкают. Парная душа – не повод для того, чтобы с нею сливаться. Во-первых, полное и окончательное слитие невозможно. Во-вторых, любя Творца, разучаешься отвлекаться на тварь. И научаешься любить Творца и в твари, то есть как бы поверх головы. И для этого не нужны никакие специальные «любовные» эмоции. Кришнаиты говорят: «Посвященный видит одними и теми же глазами ученого брахмана, слона, собаку и собакоеда». В-третьих, предавая свою личность в слиянии с другой, ты совершаешь самоубийство худшее, чем просто прыгать с балкона. Ты омрачаешь свою душу, и это омрачение из жизни в жизнь придется потом выскабливать. А чего удивляться феномену сиамских близнецов? Хотел слиться – получи!

И последнее о Боттичелли. Он донельзя концептуален, аналитичен. Действует не как художник, а как философ. С упоением обрабатывает античные мотивы. Когда вынужденно переключается на христианство, как-то сникает, тускнеет. Особенно когда идет заказуха от дома Медичи. Объяснение простое: инквизиторы сожгли Савонаролу у него на глазах. Поэтому любить эту модную церковь у Саши не было никакого резона. Когда пишет Богородицу, ангелами рядом с нею помещает живых людей, без крыльев. В знак протеста. Как бы говорит: не столь человек умален от Ангелов. А, может быть, стоит и выше сих богослужебных духов. А вы людей поджариваете, негодяи.

Обобщил свой опыт в произведении под названием «Чаепитие у Прекрасной Дамы» (<http://foma.ifel.ru/fr1013.htm>). История о том, как некоторая Прекрасная Дама открывается естествоиспытателем по имени Седок и становится объектом многих вожелений. Чтобы упорядочить доступ к телу, учреждается Общество Любителей Прекрасной Дамы. Если правильно все понимать, то это история о двух вещах: о том, как из жизни в жизнь мужчины любили Марию Магдалину, и о том, как они создали из своей любви культ, структурировали ее в церковь нового типа, под флагом Розы и Креста. Вместо того чтоб идти своей дорогой и исполнять вверенное им без развлечения. Первый Надин муж ей тоже что-то пел про Даму в своих посланиях. Но, в отличие от меня, он умел водить грузовик. Поэтому-то они и выжили в тяжелые перестроечные годы, когда жрать было нечего. Комедия дель арте, одно слово. Но тут наступает Гоцци, и надо будет останавливаться отдельно.

18. Орывок из дневника Фомы. Рыбы говорят

Стояла страшная духота, как перед грозой (*летом в Италии дышать вообще нечем*). Я шел по дороге в Римини (*теперь там курорт*), облаченный в рваную рясу, подпоясанную веревкой, и звали меня монах Антоний (*позже к этому имени добавится прозвище Падуанский*). Святой Франциск из Ассизы, мой учитель и мой брат, послал меня благовествовать в Северную Италию.

Некогда (*кое-кто из наших помнит воочию*) и Христос посылал нас по двое на проповедь. Я очень хотел ходить с Филиппом, но Нафанаил пришел в бригаду раньше меня и тоже был Филиппу другом. Поэтому напарником ко мне приставили Матфея, в прошлом - налогового работника. Матфей только-только ушел со скандалом из налоговой инспекции Галилейского района, хотя ценности сдал по описи. Потом он мне в дороге много рассказывал о недостатках римского налогового права. Жалел, что не успел написать методическое пособие для молодых мытарей. Интересный парень (*сейчас – девочка Юля*). В каждой новой инкарнации выбирает новую семью. То в Светкиной семье тусуется, то в Димкиной.

Христос учил нас не полагаться на собственные силы в воскрешении мертвых и изгнании бесов. Он говорил, что просить надо у Бога, держа перед глазами Его, Иисуса, Который обеспечивает усиление молитвы. При синхронизации усилий молящихся чудо возможно. К тому же, молитва напарника усиливает молитву рядом стоящего: где двое во имя Христа, там и Христос посреди них. Провал тех или иных ожиданий – от недостатка молитвенного усердия, от маловерия. Поначалу у нас с Матюхой мало что получалось, потом пошло повеселее. С каждым новым выгнанным бесом уверенность крепла. Но, когда уверенность крепла избыточно, чудеса прекращались. Чтобы дать понять: мы – только посредники силы Божьей и сами не можем творить ничесоже. Только почтальоны, передатчики.

Конечно, выгнать беса - это полдела. Важно знать, куда он пошел. Первые наши опыты на людях походили на некий цирк: как только бес нашими усилиями выходил из бесноватого Симона, он тут же входил в ничего не подозревавшего якобы здорового Иакова. Кукарекал

Иаковом и говорил: «А я тут!»). На прямой вопрос, зачем он скачет, как блоха, из человека в человека, бес отвечал неожиданно: «А где мне, по-вашему, жить?» «А хоть бы и в свиньях!» - выпалил Матюха (*припомнил аналогичный случай в Гадарах*). Бес лицом Иакова прищурился, сплюнул и сказал: «Ты сам-то, мытарь, хоть пробовал в свиньях жить, чтоб такое советовать?». Поэтому, видя подобные последствия, мы в какой-то момент сфокусировались только на исцелениях и проповедях Царствия Небесного. И лишь в тех крайних случаях, когда наблюдалась явная одержимость пациента, сопровождавшаяся функциональными расстройствами, – прибегали к экзорцизму.

А однажды мы научились связывать самочувствие человека с теми косяками, которые он напорол. Одному вывели камни из желчного пузыря, а потом сказали: иди с тещей помирись, она тоже человек. А то как бы не случилось с тобой чего похуже. Как-то раз был вообще уникальный случай. Приводят к нам немую девочку лет десяти. Мать плачет. Я спрашиваю: с какого возраста она немая. Мать отвечает: с рождения. Я спрашиваю: как зовут ребенка. Мать отвечает: Ривка. А у меня картинка идет: стоит эта Ривка, только взрослая, и немного на себя не похожая, и, размахивая руками, кричит на свою маленькую дочь. Та лицо закрывает, как бы защищается от матери, а эта руки ребенку от лица отрывает и орет, брызжа слюною. Как бы убивает ребенка словом, агрессия зашкаливает. Я говорю матери: на твоей дочери грех, его надо выводить. Два раза в день, утром и вечером, вставай с дочерью на молитву и проси прощения за сделанное. Говори за нее: я, Ривка, прошу у Бога прощения за то, что кричала на свою дочь в прошлой жизни – и этим ее убивала. И не просто тараторь, а сердце прикладывай к молитве. Ривка в прошлой жизни была твоей бабкой. А у матери твоей, на которую она кричала, из-за этого всю жизнь глаз дергался. Та свою мать возненавидела и прокляла в сердце своем. И пошла ненависть по кругу, как родовое проклятие. Верно, подтверждает женщина, у матери глаз дергался. Чудны дела твои, Господи! Молись, говорю, пока не отмолишь. Как заговорит (*а заговорит она скоро, если ты не зеленишься*) – пусть сама начинает молиться теми же словами, и так молится года три. Если ослабит усилия, перестанет молиться – онемеет и до конца жизни проходит так. А ей надо замуж выходить, там близнецы будут. А иначе кто ее, калеку такую, возьмет. И тебе внуков не нянчить. Так что старайся. Мать плачет, благодарит нас. А я ей: Бога благодари. Через месяц возвращались через этот же город. Заговорила!

Опыт апостольства научил нас действовать в условиях непрерывно сознаваемой опасности. Нас могли побить или забросать камнями в любой из деревень. И поэтому мы привыкли проповедовать, сознавая, что проповедь наша может оказаться последней. Мы догадывались, что умрем не своей смертью, и подспудно готовились к такому исходу. Боролись со своей трусостью, кто как умел – не всегда успешно, как водится.

Но я отвлекся. Итак, я шел в Римини. Франциск дал мне подробные инструкции. Римини задыхалась в лапах катарской ереси, как, впрочем, и весь север. Поэтому местный настоятель кафедрального собора ждал поддержки от меньших братьев как манны небесной. Подробно все чудеса, что я совершил в Римини во имя Господне, описаны здесь: <http://foma.ifel.ru/fr1014.htm> . Но внешние, разумеется, знают только половину правды. Вторая половина правды выглядит так.

Я шел в Римини, чтобы предотвратить большое кровопролитие. Потому что в Риме всерьез рассматривался вопрос о посылке войск. Чем кончается проповедь на языке оружия, было хорошо известно на мавританских примерах (*мы с братьями ходили в Африку на проповедь и чудом остались в живых*). Отголоски лангедокских войн на юге Франции также доносились до нас. Как папа Гонорий Третий расправляется со своими идейными врагами, нам было ведомо.

В глазах папского двора и высокопоставленных прелатов орден святого Франциска представлялся чем-то вроде ереси. Папа подписал Франциску разрешительную грамоту, скрипя зубами, притом взяв с Франциска клятву безоговорочного послушания папе, нынешнему и будущему (*боялся*). И лишь потому подписал, что не нашел противоречий с Евангелием, с бедностью Христовой. Практика меньших братьев, устав, основанный на Госпоже Бедности, многим кололи глаза. И, прежде всего – церковным функционерам, уже привыкшим к роскоши, европейской кухне, соколиной охоте, шитым золотом рясам, парадным выездам и тому подобному. Пропасть между церковью и паствой росла, и нам предстояло латать эти дыры, чтобы не полилась кровь. Впрочем, наши усилия были тщетны: инквизиция уже понемногу набирала обороты, ее было не остановить. Прелаты нас сильно недолго любили и даже презирали. Мы, впрочем, тоже не оставались в долгу. Во всех своих публичных проповедях я налегал на богатство, негодным образом составленное; особенно же позорным называл такое богатство в руках духовных лиц, в то время как люди помирали с голоду по деревням в недород.

И главное, невидимое миру, обстоятельство, тайная пружина моих поступков. Я шел в Римини, чтобы доподлинно узнать все аспекты альбигойского учения. И мы, францисканцы, и еретики катары, пришли в этот мир по одной и той же причине – как реакция на негодяйство официальной церкви и на тотальную зараженность мира злом. Но мы пошли евангельским путем, а катары – своим собственным. По слухам, там было намешано много разных учений – двоеначалие Мани, гностицизм ранних христиан-коптов, и даже пифагорейство, с его множественностью воплощений. Во всем этом хотелось разобраться. Интуитивно я понимал, что катары держат свою часть правды. Что они выставляют из своей среды лучших представителей, которые, пребывая в строгой аскезе, успешно бьются за свою веру на диспутах и в народных собраниях, даже под страхом тюрьмы и смерти. Что официальная церковь, удержи она истину во всей полноте, никогда бы не дошла бы до такой ручки, до такого позора. Поэтому я хотел получить сведения из первых рук. Это был магнит и серьезный повод работать именно на севере Италии, где альбигойство было представлено наиболее ярко. Потом я искал тех же ответов уже в Тулузе – в самом логове, что называется.

В Римини первейшим авторитетом в делах веры слыл некий Бонильо, которого местные уважительно называли учителем. Разумеется, он был катаром. Сначала на мое появление в городе Бонильо среагировал безразлично: попом больше, попом меньше. Первые несколько дней я проповедовал безо всякого успеха. Люди насмехались надо мною. И, когда здоровое учение перестало работать, в ход пошли чудеса. Франциск проповедовал птицам, а я произнес напутствие рыбам, и те повысовывали головы из моря. Это все хорошо описано, поэтому я не останавливаюсь подробно. Также хорошо известна история с ослом Бонильо, которого я заставил преклониться пред Святыми Дарами.

Разумеется, произведенные чудеса вызвали большой энтузиазм. Кафедральный собор вновь забился верующими. Все поспешно и шумно возвращались в традиционную веру, словно дети из пионерского лагеря, где они провели лето, в массовом порядке исповедуя грех катарской ереси. Уговоры Бонильо не поддаваться на провокации успеха не возымели. И тогда Бонильо пригласил меня в гости, на что я с радостью согласился. Я не рассчитывал склонить Бонильо в свою веру, слишком все было запущено; мне была нужна информация.

- Хорошая работа, вчера и сегодня - говорит Бонильо, когда мы уселись за стол в его доме на окраине города. – Если это цирк, то на самом высоком уровне. Прошу тебя, дай мне один-два рецепта твоих фокусов – век буду за тебя Бога молить. Обещаю не показывать в тех местах, где у тебя планируются гастроли.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Это не фокусы, а самые что ни на есть чудеса Господни, - говорю я. – И мне твоих молитв не надо: от них толку не будет, ни тебе, не мне.

- Давай мы с тобой так условимся, минорит, - говорит Бонильо. – Каждый из нас верит в свое и почитает веру другого за ересь, и это не изменится. Негоже нам впаривать свои убеждения друг другу, точно ярмарочные торговцы пытаются сбыть простофилям свой залежалый товар. Ты применил современные маркетинговые ходы, которыми я не владею. Что ж, 1:0 в твою пользу. Но меня ты не убедил, я не простачок. Давай просто сверим позиции; я выслушаю, во что веришь ты, и наоборот. Вина выпьешь?

- А воды нет у тебя? - спрашиваю я. – А то боюсь захмелеть. На голодный желудок это быстро.

- Как угодно, - говорит Бонильо. Наливает мне воды из кувшина, а себе вина (*официальная версия с моим отравлением вином в доме Бонильо не выдерживает критики*). – Твое здоровье, меньший братец. – Выпивает, морщится. Видимо, вино кислое попало.

- Давай я задам первый вопрос, - говорит Бонильо. – Твой Бог добр?

- Добр и благ, - отвечаю я.

- Ты книгу Иова читал? – Бонильо спрашивает.

- Читал, - отвечаю.

- А теперь смотри, - говорит Бонильо. – Однажды бог встречает дьявола. И они заключают спор о том, насколько праведен и устойчив Иов, раб божий. Пари, как на ипподроме. В результате Иов теряет богатство, семью, здоровье. И он садится в пепел и начинает жаловаться, а его друзья подступают к нему и начинают утешать – кстати, абсолютно бесполезно. Иов уверен в том, что правда на его стороне, и что казни, которые на него насылаются, он терпит безвинно. В конце концов, бог начинает учить Иова уму-разуму из облака, причем таким тоном, словно барин делает выговор зазевавшемуся конюху. И где тут пресловутая доброта божия? И о каком благе идет речь, если гибнут дети, которые просто попали под замес? Что это за благодетель такой, о котором сам Иов свидетельствует (9.22-23): «Все одно; поэтому я сказал, что Он губит непорочного и виновного. Если этого поражает Он мечом вдруг, то пытке невинных посмеивается».

- Я тебе отвечу, - говорю я. – Ты читаешь Библию как справочник, из которого хочешь извлечь ответы на любую наперед взятую оказию. Когда разбираешь сцену беседы Бога и дьявола, тебе идут картинки, как в документальном кино. Вот, благообразный дедушка с седой бородой на своей скамеечке. А вот, какой-то размалеванный урод в черном камзоле с хвостиком. И они «беседуют». Не вернее было бы подразумевать аллегория, чем обвинять Бога в азарте? Неужто ты и впрямь думаешь, что Богу неведомо сердце человеческое, и Он возьмется биться об заклад с дьяволом на человеческую душу?

- Я читаю, как написано, - говорит Бонильо холодно. – И читаю, что бог отдает Иова дьяволу как бы в аренду: «Вот, он в руке твоей; только душу его сбереги». Своими же руками отдает на растерзание. Хорош! Ладно, договаривай свою версию. Но пока неубедительно выступаешь, с рыбами у тебя лучше получилось.

- Чем богаты, - говорю я. – Давай пока оставим небеса в покое. Разберем историю простого человека, Иова. Живет человек себе, не тужит. И тут на него вдруг начинают сыпаться

неприятности, как из рога изобилия. Это как у русских пословица: беда одна не ходит. И имущество разграбляется, и дети гибнут, и сам захворал. Что делает простой человек? Начинает грозить небу кулаком. Типа, подымать руку на Божий промысел. Вместо того, чтобы сесть и задуматься: за что мне все это. Иов, вместо того, чтобы покаяться и переосмыслить свои пути, начинает в голос оправдываться. Зовет адвоката, который выступил бы посредником на суде между ним и Богом. Настаивает на своей праведности. И, тем самым, косвенно признает за собой отсутствие нужды в покаянии, в метанойе. Книга – Иова. Скорее всего, Иов ее и написал. И он изложил в ней свою точку зрения на вопрос, свою судебную этику. Что Бог злопамятен, что Он нуждается в уплате за грех и готов убивать невинных ради доказательства Своей правоты. Слишком человеческий текст. Бог – это Любовь, а не Кара и Суд. Вот тебе и весь мой ответ.

- Не знаю, не знаю, - чешет Бонильо в затылке, крикает. – Заяви ты такую трактовку на любом из ваших соборов, - мигом бы записали в еретики. Вы, монахи, лихо наострились вертеть Библией в разные стороны. Где вам выгодно, вы настаиваете на букве. Где невыгодно брать букву – принимаете как аллегория. Да и чему удивляться: если уж вы моего осла научили кланяться ...

- Говорю, что думаю, - перебиваю я его. – Теперь моя очередь спрашивать. Твой Бог зол?

- Еще бы, - без запинки отвечает Бонильо. – Равно как и твой. Высунь нос в окно – и убедишься.

- А поточнее? – спрашиваю.

- Вселенная суть творение злокозненного Бога, - отвечает Бонильо. – Рассмотрю любое творение – и увидишь, насколько ему здесь хреново живется. Мы все – заложники в этом наихудшем из миров. Нас выбрасывают в мир из утробы, как разведчиков на парашюте, где вместо парашютного фала выступает пуповина. Иногда мы не успеваем даже пискнуть, как сразу умираем. Те, кому довелось пожить подольше, всю дорогу вынуждены бороться за существование, принимая за основу те стартовые условия, которыми их наградила безмозглая природа, вечно брюхатая и вечно бессмысленная, как пьяная деревенская баба. Вон, вчера шел по дороге за город. И вижу: скачет всадник, а тут же из-за плетня выскакивает собака и начинает на этого всадника гавкать. Несется за лошадью, попадает под копыта. Хруст сломанных костей. Собака остается подыхать прямо на дороге, да еще и не сразу умирает, а со страданием. Помочь я ей ничем не мог, разве что добить, чтоб не мучалась. Вопрос: на хрена было этой собаке появляться на свет божий, чтобы вот так умирать? Кто ее ждал здесь, на этом свете, кому она сдалась – вечно голодная, грязная, никому не нужная дворовая собачонка, родившаяся где-нибудь под забором от заведомо неизвестного папаши-кобеля?

- Здесь все пропитано какой-то злой бессмыслицей, - продолжает Бонильо. – Если не град побил посевы, значит, пришла чума и выкосила все деревни в округе. Болезнь есть, а лекарств – нет. Напротив меня живет башмачник Лукино. Повитуха уронила его на пол, сломала ногу. Нога срослась криво, не углядели. В результате он всю жизнь ковыляет кое-как, и ни жены у него, ни детей. Сам себя обслуживает, во всех смыслах слова. Бедствует. И, если бы не подаваемое нашей церковью утешение – давно бы повесился, и не сколько даже от бедности, сколько от беспросветной тоски.

- А святоши, конечно, уже нашли причину всему, - продолжает Бонильо. – У них на все один ответ: кара Господня да десница Господня. Впарили тупому населению про кару, рай и ад – и довольны: задурили лохов. А когда у них аргументы кончаются, и здоровое учение начинается

братъ верх над ихней болтовней, они выписывают из столицы колдунов, навроде тебя, с фокусами да с подковырками. И тут начинается вакханалия: рыбы разговаривают, ослы кланяются, птицы летают в небе в форме букв ХВ, что означает «Христос Воскресе». Наши, конечно, верещат и плачут от восторга. При этом в мире решительно ничего не меняется: люди как болели и бедствовали, так и продолжается. А если и эти ортодоксальные финты не срабатывают, - посылают войска, как вышло в Тулузе, когда какой-то урод кричал: «Режьте всех, Господь своих узнает!». Ты со своим цирком вернулся в столицу, а мне здесь за тобой подтирать. Потому что публика, конечно, быстро смекнет, что ты их надурил. Они-то думают (и ты, простец, думаешь), что тебе Бог помогал с рыбами, а на самом деле – князь мира сего тебе помогал, а ты ни сном ни духом. Чудеса – они потому и чудеса, что они идут вразрез с повседневной жизнью. Значит, они неестественны, и нам с этих чудес нет ровно никакого толку – ни для научения и утешения, ни для спасения души, ни для изменения этого говенного мира к лучшему. И мне придется удерживать людей, чтобы они не подожгли собор, с настоятелем в придачу.

- Скажи мне только одно, - говорю я. – Ужели в этом мире нет ровно ничего такого, что можно было бы признать добрым?

- Разумеется, есть, - отвечает Бонильо. – Душа человеческая, очищенная страданием, покаянием и молитвой.

- Ну и кто же хозяин этой душе? – спрашиваю я. – Неужели злой бог?

- Нет, - Бонильо отвечает. – Хозяин доброй душе – Бог Добрый.

- Значит, есть еще и такой?! – спрашиваю. Хлопаю в ладоши от радости. – Классно! Стало быть, Богов – два? Злой и Добрый?

- Ты все правильно уяснил, минорит, - говорит Бонильо. – Об этом я и толкую. Этот мир нам не родина, мы здесь по ошибке. Все в нас ищет освобождения, пребывания в небесном царствии, у Отца, Который суть Добрый Бог. Христос, Новый Адам, приходил от Доброго Отца. Но злой мир не принял Христа и распял Его. Как бы в насмешку над Христом, такие, как ты, молятся якобы святому кресту, который должен быть трижды презрен как орудие пытки и казни. Мы понимаем, что мы попали в западню. Наша цель – вырваться из этой западни на волю. Мы сознаем, что сможем это сделать только посмертно. Поэтому надо хорошо подготовиться. У нас своя церковь и свои учителя. Мы не принимаем священства от ничтожных апостолов, которые предали Христа в самую трудную Его минуту. Мы принимаем священство от Самого Бога, Духом, по благодати. Очистив себя, мы напутствуем братьев на смерть чином консоламентум. Мы верим, что принявший консоламентум не узрит смерти вовек и вырвется из этой западни, куда его уловил дьявол.

- А вы и в прошлые жизни верите? – спрашиваю.

- Верим, - отвечает Бонильо, - как в механизм повторного уловления души дьяволом. Для катара родиться заново – большое несчастье.

- Ну, тогда и о башмачнике Лукино не надо так переживать, - говорю я. – Если у него по прошлым жизням косяки, то можно предположить, что в этой жизни он их просто отрабатывает. Почему нет? Ориген это видел именно так. Это учение не было поддержано церковью, но кто знает... - Тут я делаю паузу. Меня осенило. Возникла некая идея, которую еще требовалось много и много додумывать. Но это было озарение.

- Не бойся, минорит, я никому не скажу, - говорит Бонильо. Он не понимает, что случилось со мной в эту минуту. – Если Ориген был прав, то ваша церковь – это полное фуфло, несмотря на все так называемые святые чудеса. Это ты хотел сказать?

- Нет, учитель Бонильо, - говорю я. – Если Ориген был прав, то обе наши церкви – полное фуфло. Гипотеза злого бога не нужна, если человек из жизни в жизнь учится чему-то новому. Учеба предполагает трудности, и этих трудностей с избытком, но человек все равно старается удержать то лучшее, что в нем есть. И не противовес злу, а во имя добра, почувствуй разницу. Да, мир несовершен и жесток, но это несовершенство – не фатально. Более того: оно промыслительно заложено Добрым Богом как повод к росту, к преодолению. Видя заросшую сорняками землю, мы беремся за мотыгу, не так ли? В Болонье я недавно разговаривал с одним историком. Они произвели раскопки и нашли предметы жизни древнего человека: каменные орудия, осколки глиняной посуды и прочее. Насколько же убогой была жизнь наших пращуров, и сколь больше нашего они имели оснований роптать на незащищенность, одетые в плохо обработанные и кое-как сшитые звериные шкуры, грязные и голодные. А теперь посмотри на наше положение. Мы живем в каменных домах, обрабатываем землю и дерево плугами и мотыгами из железа, более-менее сносно одеты (о себе не говорю). Вот-вот изобретут книгопечатание. Рано или поздно, я верю, научатся справляться с чумой и проказой, медицина не стоит на месте. Так что во все времена есть повод пороптать – вместо того, чтобы извлекать уроки из происходящего.

- Представь себе лучшее из того, что есть в этом погибающем мире, - говорю я. – Любовался ли ты закатом? Слушал ли, как колошматит ливень по твоей крыше, а ты сидишь дома и греешься у очага? Радовался ли ты первому снегу? Тому, как шумит море? Как стрекочет цикада в сумерках? А летние звезды на ночном небе, в кулак величиной? Ты и вправду считаешь, что злой бог сотворил все это? Тогда ты не только несчастен, но и слеп. Радуюсь смерти и призывая ее, ты брезгуешь жизнью и боишься жить. Вот где главная-то неправда порылась.

- Посмотри внутрь себя, учитель Бонильо, - говорю я. – И только на минуту представь себе, что религия катаров – это тупик, ошибка. Но ты скорее дашь себя обжарить на костре, чем согласишься с этим, чем дашь себя переубедить. И хуже этого: ты предпочтешь, чтобы запылало Римини со всем его содержимым, во имя светлых идей манизма-катаризма. Я пришел для того, чтобы сказать тебе: войска папы на подступах. Они ждут только команды «фас». Если вы будете упрямы, то мера зла неизмеримо возрастет. Ты первым почувствуешь дыхание злого бога на своей шкуре. Тебе это сдалось?

- Не надо нас пугать, монашек, - отвечает Бонильо с достоинством. – Смерть решит все наши проблемы, и мы к ней всегда готовы.

- Вы все сделаете для того, чтобы красиво умереть, - говорю я. – И ровно ничего для того, чтобы осмысленно дожить определенное вам. Считаете, что этот мир – западня. А почему бы не счесть этот мир местом для обучения, для шлифовки лучших человеческих качеств? Хочу сказать и о себе, - добавляю я под конец беседы. Потому что ясно, что больше обсуждать уже нечего. Главное, ради чего я пришел в Римини, состоялось: я получил ответ. – Когда-то меня звали Фернандо, по происхождению я португалец, отсюда и акцент. Мои родители были потомственные дворяне, они были зажиточными людьми. Но я всю эту зажиточность почел тщетой ради Христа. Если бы я захотел быть монахом, я бы остался в монастыре. Но судьба сулила мне иное. Я покинул родные места, покинул монастырь, где прошла моя юность, и вышел на проповедь, вслед за Франциском, которого я считаю лучшим из людей, после Христа. У нас ничего нет, кроме наших побитых молью ряс. Мы бедны, и эта бедность – лучшая нам защита от злого бога. Мы ничего не имеем, но всем обладаем, как Павел говорит.

- Прощай, учитель Бонильо, - говорю я. – Спасибо за гостеприимство. Надеюсь, ты одумаешься. Я тоже буду думать. Не все, что ты сказал, неправда. Но, как ни крути, неправды все-таки больше. Уныния на Бога и отчаянья – с избытком, и это тупик. Трусость жить, исполняя свое служение, – это тупик. Твоя вера не устоит, помани мое слово. Но как бы там ни было – береги себя и тех, кто тебе дорог.

- Прощай, минорит, - говорит Бонильо. – Ступай вослед доброго Бога. Ты лучше той церкви, от имени которой так складно звонишь. Жаль, что ты не с нами. Мы ищем, и ты ищешь. Тем мы и схожи.

И я ушел. Инквизиция настигла Римини только через десять лет (*учитель Бонильо с остатками преданных ему людей ушел в подполье и тем самым сохранил жизнь – себе и еще множеству других. Послушался меня, что отрадно*). Я не дожил до этих гнусных времен, и слава Богу.

В оставшуюся мне недолгую жизнь я работал на выборных должностях в Ордене, побывал провинциалом Южной Франции (*едва не погиб в Тулузе*) и в Романьи. На этих постах успел вкусить неволи и кнута, причем от своих же братьев. Умер я в неполные 37 лет, от тяжелой болезни (*организм оказался совершенно изношен, в свои тридцать с хвостом я выглядел глубоким стариком*). Сразу же после известия о моей смерти к моей постели потянулись простые люди. Многие захотели взять от меня что-то на сувениры, для пушей святости. Первой разошлась ряса, затем в ход пошло и тело. Если бы не подросла охрана, то мощей могло бы и не хватить.

Не желая оставлять мои останки в покое, люди папы провели сначала одну, а затем и вторую эксгумацию. Сначала они обнаружили нетленность моего языка. Он и сейчас пребывает в колбе, установленной в падуанском соборе моего имени (*видел я эту колбу, когда ездил на экскурсию в Падуя, в 1994 году. Внушает!*). Во второй раз ребята засвидетельствовали нетленность моего неба. Рад за них.

Гробница святого Антония в падуанском соборе огорожена малахитовой стеной. По поверью, всякий, просящий у малахитовой стены, получает – стараниями св. Антония. Не знаю, как все, а я получил. Просил за Бабаевский храм, и факт исполнения просьб налицо. Надо этот анекдот сообщить митрополиту Евтихию. То-то он обрадуется!

19. Отрывок из дневника Фомы. Венеция, храм Святой Софии

Карминовым платком Венеция покрыта из черепичных крыши. Вниманию пишта представлены мостки, никак не огороды, паласы, сквозняки, а также небосводы.

Нам надо было отдохнуть. Нас сильно прищемили по целому ряду прошлых жизней. Магдалине за пару инкарнаций до этого отрубили голову. Она была Марией Стюарт, и ей снесли голову только после третьего удара (*у палача дрожали руки – до этого рубить королеве голову не отваживался никто*). Бродский сильно посмеялся над этой коллизией в своих 20 стансах. На Босуэлла будем его скоблить. Так что в Мир Душ Мария возвращалась растрепанная, как после погрома.

Мне тоже перепало, Алексеем Петровичем Романовым (*«он тоже Баскервиль, скажите пожалуйста»*). Папа снимал колокола, переплавлял на пушки. Собственноручно рубил головы. Пьянствовал несусветно, страшно, и меня спаивал. Затолкал маму в монастырь, как в склеп (*мама Евдокия недавно участвовала в конкурсе Евровидения от Украины*). Гламура было мало. Я горевал. А под конец жизни, по глупости своей великой, сдал на исповеди несколько человек (*прямо как в фильме «Овод»*). Тут же было доложено, погибли люди. Меня подвесили и забили плетью. Перед смертью успел проклясть папу и страну, которую папа реформировал железом, кнутами и кровью. Потом пожалел о сказанном, да поздно: слово не воробей. В результате был вынужден раздваиваться: одной ногой рождаться на земле в 1913 году, а другой ногой – бесплотным ангелом – летать над семьей Романовых, пользоваться царевича-гемофилика через хитро-тупорылого мужика, вплоть до самого расстрела – карму себе чистить таким образом. Летать летал над царевичем, бедолажкой, а толку было мало. В итоге в этой жизни имею болезнь Виллебранда, кровотечения с самого детства, сколько себя помню. И Россия переломилась пополам, как сухая хворостина. Не до конца, сталбыть, прочистился. Но это уже потом.

А сейчас менеджеры по карме в специализированном духовном госпитале рихтуют мне астрал и причмокивают. В этот раз жестковато с тобой обошлись, говорят. Наверное, следующую жизнь пропустишь. Перекури малость. Не, говорю, ребята, отлеживаться – это не наш метод. Просто надо будет подыскать себе что-нибудь поспокойнее на этот раз, желательно, со своей смертью. Без дворцов и без церквей. Только свежий воздух, прогулки перед сном, пилюлю да в люлю.

После зала славы и беседы с Хранителями (*доклад - как обычно, коротенько, минут на сорок*) лечу к своему Гиду. Здорово, Федотыч, говорю, какие виды на урожай (*я зову его так для простоты, в Мире Душ у него сложное имя, типа Эуоэвиээнель, как у эльфа*). Вариантов тьма, Федотыч отвечает. Если не хочешь по политической части, чтоб тебя порвали, может, литература и искусство. Годится, говорю, и чего. Есть вакансия драматурга, Федотыч говорит (*это мы с ним уже в зале будущих жизней картинку смотрим*). Граф, зовут Карло Гоцци. Очень известный, написал уйму превосходных пьес, но текста у этих пьес пока нет, ты должен написать, если захочешь. А страна какая, спрашиваю. Италия, Федотыч отвечает, ты там уже работал, так что без проблем. В этот раз будете с Магдалиной зависать на курорте. Я обрадовался: не каждый раз удается с ней пересечься по жизням. Последний раз, когда шел Джоном Ноксом, все получилось у нас с Марией Стюарт через жопу, надо как-то сглаживать. Тут Магдалина подлетает: привет, Федотыч, чего вызывал (*она еще свою текущую инкарнацию не до конца дотянула, так что общается с нами через эфирный двойник*). Поедешь с Фомой в Италию, Федотыч интересуется. Я бы съездила, Магдалина отвечает, если он приставать не будет. А сама лукаво так смотрит на меня, и я понимаю: на этот раз все будет просто блестяще, и родится у нас мальчик. Правда, вне брака. Ну тогда подбирайте себе окружение, Федотыч говорит, кто мужем пойдет, кто детьми, кто братьями-сестрами. А какие будут кристаллы, спрашиваю. В этот раз у Магдалины все лицо будет в маленьких таких оспинках, говорит Федотыч. И она будет беременная, когда первый раз ты ее увидишь. Так ты ее и узнаешь. А я как его узнаю, Магдалина спрашивает. Как всегда, Федотыч отвечает. Будет цитатами обволакивать, остроумием своим блистать, сделает из тебя, провинциальной дурочки, настоящую звезду первой величины. Влюбишься, как кошка. Правда, потом поставишь ему рога. Но это ему обязательно надо добавлять в меню, а то он засахарится. Везде, где вы парно выступаете, он отрабатывает урок на Определение и Творчество, в терминах Стива Ротера и Группы, а ты ставишь ему энергетические блоки, на правах черного катализатора. Все ему да ему, Магдалина ворчит, а обо мне-то кто позаботится, в плане духовного роста? Позаботятся, Федотыч отвечает. Будут баловать, купать в аплодисментах, трахать почем зря. И драматург этот, старая развалина, тоже

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

подключится. В общем, театр у вас там будет. Комедия дель арте. Он будет Пьеро из себя корчить, а ты – Коломбину. Раек у вас такой наметится, как в фильме Марселя Карне.

Да, нам надо было отдохнуть. И Венеции надо было отдохнуть. Она уже одержала все свои великие победы. Мощи святого Марка были вывезены из Александрии генуэзскими пиратами еще пятьсот лет назад (*догадываюсь, что Нафаня принимал в этом участие*) и торжественно водружены в алтарь одноименного собора. Сотни лет Венеция торговала, воевала, строила, отвоевывала сушу у моря, вымирала от чумы несколько раз, развлекалась. В этой жизни, когда впервые посетил Венецию, записал такое:

*Кишели, жили, умирали,
За слоем слой ложились в ряд,
У моря сушу отбирали,
Церквями наполняя град.*

*Арабы, римляне, евреи,
В полсантиметре от воды,
Вели постройки как хотели,
Под знаком видимой беды.*

*На мост Риальто заступали,
Ночами прятались в дома,
А там ждала, не разбирая,
Неумолимая чума.*

*На карнавальном раскардаше,
Под маской позабыв себя,
Барахтались в любовной каше,
И похмелялись, разлюбя.*

*Мы наблюдаем завершенье
Тогдашних действий и страстей.
Настало время отрезвленья
От многовековых затей.*

*А престарелые туристы,
Артрит в отеле захватя,
Сползают с мостиков так быстро,
Что только фантики летят.*

И вот теперь, после всех напряжений, Венеция захотела расслабиться, и в этом смысле у нас с Венецией совпало. Пожелав себе праздника, Венеция придумала Карнавал. А я придумал комедию дель арте как театральный жанр. Прежде сия комедия превосходно разыгрывалась на венецианских пьядеттах известными и любимыми масками. Я же добавил в это буйство второй уровень: немного литературы, немного фантазии, немного театра как специфического искусства.

В результате вышло так: Венеция, основанная на островах, явила собой грандиозную каменную симфонию, Лабиринт, пронизанный спиралью водных каналов в гранитной оправе. Лабиринт сей плавал в стихиях Адриатики и Карнавала с утра до вечера, шесть месяцев в году, весь восемнадцатый век, прерываясь только на католические посты. Карнавальное кружение нашло себе центр. Это был театрик Сан-Самуэле, в котором труппа Сакки разыгрывала пьесы, что я специально для них писал. Тридцать пять лет при полном аншлаге

– это тебе не мелочь по карманам тырить. Мы понимали, что работаем в балаганчике, который является частью большего театра – Театра Венеции и Театра Господа Бога. Все взоры разумной вселенной были прикованы к нам, и мы не имели права подвести, ударить лицом в грязь. Мы играли, любили и прожигали эту жизнь во все тяжкие, со всей ответственностью и на полном доверии к происходящему с нами и с городом.

При этом мы понимали, что, пребывая на театре, мы занимаемся богослужением в храме святой Софии. Театр вовсе не представлялся нам иллюзией. Напротив: исповедуя Театр, мы полагали его гораздо более концентрированным видом реальности, чем сама реальность. Реальность была грубее и назойливее, но она проступала хаотично, в ней были дыры. Мы брали эту рыхлую реальность, швыряли ее в перегонный куб нашего творческого отношения - и получали на выходе реальность нового образца: более тонкую, более надежную и более светлую в своей основе. Овладев реальностью такого рода, этим волшебным веществом, своеобразным эликсиром бессмертия, адепт вооружался против внешнего горя и хаоса, облачаясь в броню юмора, в накидку легкости и иронии, в шлем космического понимания.

Мы были заводом по производству воздушных шаров нашей надежды. Маска – это не только одеяние, это архетип. Из жизни в жизнь, из реальности в реальность, мы разыгрываем примерно одни и те же жизненные положения, комического или трагического свойства. Вне зависимости от жанра пьесы, нам предписывается играть хорошо: ловить выгодный свет, знать свой текст, четко отрабатывать мизансцену. Если же текст изначально не написан, то тебе велят включать интуицию и импровизационный раж. Категорически запрещается: убегать со сцены в гримерную, подставлять партнера под вожжи, лажать и зажиматься. Требуется – любоваться, любить, действовать во всю свою мощь, импровизировать от души. И если где-то от излишнего усердия ляпнешь какую-нибудь чушь, то тебе это спишут, и не надо волноваться.

Традиционные храмы быстро почувствовали конкуренцию с нашей стороны. Аббат Кьяри, который, пребывая в монастыре, умудрялся еще писать скушные морализаторские пьесы с дешевым финалом. У меня дедушка тоже был драматургом по этой жизни, все про кооперативы писал агитки: «Мы на горе всем буржуям мировой рабочий кооператив раздуем!». Та еще шняга. Вот и Кьяри повсюду лез со своей убогой философией: типа, мойте руки перед едой, не трахайте кого попало, бойтесь гнева божьего, и т.д. Крепко попутал баню с вахтой, проповедь и литературу. И еще был один паренек, Карло Гольдони его звали. Настаивал на том, что театр – искусство реалистическое, и в своих формах должен повторять проявления самой жизни. Соответственно, сказки и вымыслы запрещаются. На этом в свое время МХАТ погиб, как принято говорить на театре. А я это называю - вонючий реализм. Следующий шаг – это натурализм, ДК имени Цурюпы при заводе «Красная синька», Клуб. В «Чаепитии» эта тема, нестыковка Театра и Клуба, у меня прослеживается. И мы конкурировали, конкурировали до посинения. В конце концов, мы их уделали. Кьяри уехал в Америку, а Гольдони – в Париж. Поле было свободно, победа осталась за нами, можно было резвиться в полный рост.

Итак, я встретил Теодору и ее мужа в доме у Сакки на Великий пост 1771 года. Они были бедные, Сакки предложил им на двоих стипендию 520 дукатов в год (*сумма, ничтожная по тем временам*). У Теодоры уже был сын, она ждала второго. Муж ее, добрейший человек, проспал всю встречу; он прихрапывал, и поэтому Теодоре приходилось толкать его в бок. Теодора читала кусочек из «Гамлета», читала свежо, но несколько монотонно.

- Пойдите, - говорю. – Давайте попробуем сделать это дель арте. Теодора, представь себя Гамлетом, спасенным после кораблекрушения, а я буду за могильщика. Мы – маски. Делаем импровизацию на известный текст, предполагая, что «Гамлет» - это комедия. Я еще возьму

Горацио, а Сакки пусть играет все остальное – маму Гертруду, Лаэрта, Офелию в гробу, и так далее. Череп Йорика – роль без текста, потому пусть ее сыграет твой спящий муженек.

- Тогда соблаговолите разъяснить, в чем тут комедия, - говорит Теодора. – Герой хоронит любимую девушку, беременную от себя же, скорее всего, - и сам на волосок от смерти. Где тут юмор? Коли вы разъясните, то я сыграю, не сомневайтесь.

- Все очень просто, - отвечаю я. – Представим себе, что Гамлет, да и все прочие – бессмертны, включая Йорика. Вот, завершился спектакль, и актеры выходят на поклонны. Вспомни оговорку Полония: «Я был Цезарем в Капитолии. Брут убил меня». Он ведь говорит об этом, будучи еще совершенно живой и здоровый. И после того, как его Гамлет заколол, выходит на аплодисменты. Актер, сыгравший Полония, когда-нибудь умрет. Но Полонию умереть уже не суждено. В этом – залог бессмертия нашего дела. Наша комедия бессмертнее нашей же жизни. Итак, никакой трагедии нет. Тогда давайте разберем, где юмор, раз нет трагедии. Во-первых, слишком много крови. Когда ее льют ведрами, животики можно надорвать от хохота. Во-вторых, герой чудом избегает смерти в море, чтобы все равно принять ее на земле. Стало быть, Гамлет слеп. Он действует под напором стихий, с оглядкой на своего папашу, прежнего короля (Сакки сыграет и папашу, ему не привыкать). Соответственно, Гамлет ищет на свою же попку приключений. Все его отговаривают, а он прет, как танк. Понятно? Работаем!

Чтобы помочь Теодоре, мы с Сакки вышли на авансцену (*в прихожую*) - рассказывать про свои маски. Комедия дель арте требует прологов. Они выходят и докладывают зрителю, что за каша тут заваривается. Первым вышел Сакки.

- Вообще-то, обычно я играю Бригеллу, - начал он издали. – Но сегодня меня товарищи попросили сыграть мертвую беременную Офелию. Я сначала отказывался, а потом подумал: настоящий актер не боится трудностей. Он может и тумбочку сыграть, коли пребудет охота. Итак, я Офелия. Лежу в гробу и жду Гамлета, чтобы сказать ему: зря ты, Гамлетик, вернулся на родину, прикнокнут тебя здесь.

С этими словами Сакки улегся на пол, скрестил руки на животе и застыл. При этом он, надув что есть мочи брюхо, издавал странные звуки, навряд ли храпа (*так и не понял, это он храпел или пукал*). Видимо, давал понять залу, что Офелия-то, хоть и мертвая, да не совсем. Вышел я.

- У меня сегодня две роли, - сказал я. – Во-первых, я играю Горацио, друга принца. Я прекрасно понимаю, что Гамлета укокошат, потому что ему так на роду написано. Но, все равно, интересно посмотреть, чем все закончится. Может, я об этом еще напишу в своих мемуарах. А также я играю могильщика. Работа пыльная, но платят хорошо. Сначала я могильщик.

С этими словами я принялся кидать воображаемую землю воображаемой лопатой, прикрикивая при этом, как на базаре: «Могилы свежие! Могилы свежие! Оградки! Каменные надгробья с вашим текстом – любим, помним, скорбим! Фотографии на эмали! Все под ключ! Подзахоронения! Эксгумации!» И тому подобный вздор.

У Теодоры уже был опыт работы в комедиях дель арте. Поэтому она воспользовалась шумом, что мы с Сакки производили, как фоном, на котором дала свой собственный пролог. Как она стремительно преобразилась! Вместо хрупкой стеснительной девчонки я увидел подростка – угловатого, ершистого, типичного обдолбанного пэтэушника. Поменялась манера: сейчас Теодора цедила слова с хрипотцой, пыталась засунуть руки в несуществующие панталоны, ерошила себе волосы (*предусмотрительно вынул из них пару заколок*).

Теодора. Я играю принца Гамлета (*сплевывает на пол*). Они думали, что меня так просто отправить в мир иной. Фигосли вносили! (*целует себе фигу и отвешивает ее залу*). Нашли кому доверить – Розенкранцу с Гильденстерном, еле выговорил. Этих долбоебов только за смертью и посылать. Да я сам закопаю кого хошь в этом сраном королевстве. Мне папа дал наказ, а папашка у меня был вам и не снилось! Настоящий король, а не этот хрен с горы, который шас заправляет. Я вам точно говорю: будет мокрота!

Гоци. Могилки свежие! Веночки-цветочки! Под ключ!

Теодора. А вот и могильщик. Очень кстати! (*Могильщику*). Здорово, дед.

Гоци. Рою могилки для вашей милости, оградки починяю.

Теодора. Для моей милости пока не надо. Я тебя еще сто раз переживу, не в обиду будь сказано. А ты быстро работаешь? Сможешь нарыть еще пару могил наскороту?

Гоци. Коли накинете пару-тройку датских крон за срочный заказец, то с превеликим нашим с вами удовольствием.

Теодора. А то надо будет прикопать здесь пару уродов (*сплевывает*). А это что у тебя тут за череп? (*Хватает своего муженька за щеки и трясет, как грушу. Тот, разумеется, просыпается, ничего не соображает*).

Гоци. Так это ж Йорик, первый шут на кухне вашей милости.

Теодора. Ты смотри - Йорик! (*Ухмыляется*) А я ведь говорил ему: ну хули ты смеешься все время? (*Целует муженька в лоб*). Вот и досмеялся, паразит! (*Смотрит на Сакки*). А это что за утопленница? Подожди, я сам угадаю (*Склоняется над ним*). Господи ... это же Офелия! Да вы чо тут, обурели, в натуре? Феля ... Фелечка ... (*трясет Сакки за грудки*). Офелию убили! Горацио! Они убили Офелию! Да я жить не буду!! Это ты убил Офелию! (*вцепляется в Могильщика*). Я прикончу тебя как падаль!

Сакки (*приподымается на локте*). Гама, не смей его трогать! (*Падает, как подкошенный*).

Гоци (*отчаянно, со страхом*). Это не я!!!

Теодора. А хто?! Вы тут одна шайка-лейка! Завалили – тут же снежком-то и припорошили, безотходная технология!

Сакки (*опять приподымается на локте, inferнальным грудным голосом*). Гамлюша, не он это. Я сама споткнулась, упала в ручей, плавать не умею, вода холодная.

Теодора (*раздраженно*). Феля, не наговаривай на себя. Мы с тобой с детства ходим на подводное плаванье. Ну, раз это не дедок, значит, опять те же паразиты из замка. Хана им, лопнуло мое терпение.

Сакки (*хватает Гамлета за платье*). Гамлик, вали кого хочешь, но главное – не трогай маму. Маму не трогай! Тебе папа запретил.

И так далее. Все фиглярствовали, каждый на свой манер, периодически кололись и надрывали животики от хохота. Вот так ковался современный театральный капустник - в том виде, как мы его знаем сегодня. Я смотрел, как работает Теодора, - и влюблялся в ее азарт, в ее кипучую молодость. Я, старое трухлявое полено (*мне было 50, когда мы с ней познакомились*), прозревал в себе что-то такое, на что не смел и надеяться. Я влюбился. Вот когда пригодилась моя фраза: «Я жажду смерти – или Турандот». Я вел себя, словно герой из поэмы Ерофеева «Москва-Петушки», который изо всех сил захотел известную арфистку Ольгу Эрдели. А когда ему взамен Эрдели предложили Веронику Дулову, он пообещал удавить ее струной от арфы. В общем, Теодора была мне нужна, как воздух. Я изо всех сил принялся шлифовать ее талант. Где-то через полгода мы стали любовниками. Ее муженек, совершеннейшая тюха-матюха, вероятно, обо все догадывался, но вида не подавал. Через два года Теодора была признана самой выдающейся актрисой Венеции, а еще через пару лет у нас родился мальчик. Чтобы сохранить статус-кво и возможность общения с моим сыном в последующем, я выступил ему крестным отцом. И мы были счастливы.

Беда подступила, как слезы к глазам, как поет Эдита Пьеха. В нашу жизнь вклинился Пьетро Антонио Гратароль, секретарь Сената и посол одной малоизвестной мне страны. Гратароль оказался записным театралом, надушенным хлыщом и ловеласом, все наши актрисы были от него без ума. Он таскался за кулисы и закармливал дамочек неаполитанскими конфетами – ликер в шоколаде. А однажды он увлек Теодору – мою Теодору! И она, как загипнотизированный кролик, повелась на его ухаживания, на его одеколон, на его напыщенные мелодекламации. Она переспала с ним, а мне сказала, что не спала. Прямо как в Библии: отерла рот и сказала, что не ела. Ее муженек, когда прознал об адюльтере (*ему довели добрые люди*), заявил, что его терпение лопнуло, и потребовал у Теодоры развода. Забрал сыновей (*включая и моего*) и уехал в Геную. (*Лет через двадцать Теодора нашла его там и вынудила этого безвольного идиота принять ее в дом. Если бы на его месте был я, она бы получила не приют, а хорошего пинка под зад. А в итоге получилось так, что она продала ему плешь до самой его смерти. Пережила меня лет на двадцать, если не ошибаюсь.*)

Я вдруг почувствовал себя старым и беспомощным. Рухнула еще одна большая иллюзия. Я считал Теодору своим другом, своим соратником. Мы много сделали, работая бок о бок, для подъема нашего славного искусства. Мы вместе переживали взлеты и провалы наших начинаний. А сегодня все рухнуло. И те большие минусы личности Теодоры, на которые я прежде закрывал глаза, любя ее, - все вылезло наружу во всей своей неприглядности. Я стал замечать за ней жеманство, капризы и кривляния. Казалось, все, что она наработала со мной, было пущено по ветру, и вместо даровитой актрисы и развитой сильной личности мне пришлось застать пустышку (*под покровом наспех заученных манер*) и лицемерку (*проворно кующую свое благополучие за чужой счет*). Я сказал Сакки, что больше с Теодорой работать не буду. Сакки воспринял эту весть, скрепя сердце, но вынужден был покориться.

Теперь надо было разобраться с Гратаролем. У меня в работе была пьеса под названием «Любовные снадобья». Гратароль, как я понимал внутри себя, был только поводом для Теодоры проявить ее худшие качества. По большому счету, он был всего лишь орудием. Лучшее во мне понимало эту коллизию, худшее же требовало мщения. И худшее победило. Я ввел в свою пьесу персонаж по имени Дон Адон. Я снабдил этого Адона всеми узнаваемыми приметам Гратароля: близость к Совету дождей, любовь к театру, напыщенные изречения. Получился совершенный идиот, этакая пародия на человека. Я передал Сакки манускрипт, и Сакки отнес его в цензуру. Гратароль (*через третьи руки*) прослышал, что готовится постановка с его участием, и предложил мне приостановить показ. И не подумаю, сказал я. Теодора узнала своего хахалю в Доне Адоне, и восторгам ее не было границ. Похож, приговаривала она – и заливалась смехом.

На следующий день вся просвещенная Венеция сбежалась смотреть на новоявленного Адона в моей сказке. Публика редела от восторга, Адона бисировали. Гратароль, осмеянный на все Адриатическое побережье, был в бешенстве. На самом верху ему посоветовали сильно не кипятиться, поскольку это всего лишь театр (*так ему объяснили*). Он запальчиво послал в жопу больших людей. Его чуть не посадили в тюрьму Пьомби у моста Вздохов, и он вынужден был бежать из Венеции в тапках, одетых на босу ногу (*приказ о его ночном аресте запаздал всего лишь на полчаса*). Теодора, потеряв любовника, была вне себя. Я же, удовлетворив свою жажду мщения, втайне потирал руки. Мерзкий старикашка, чего с меня взять. Где были тогда мои графские манеры, моя обходительность, мое великодушие? С уходом Теодоры все это сошло на нет; я обрюзг, перестал следить за собой. Слинял, одним словом.

Однажды, где-то через полгода после известных событий, Теодора нашла себе нового спонсора. Это был богатей Франсуа Пелисье, из самого города Парижу (*Венецию он посетил*

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

по делам коммерции). Плененный искусством маленькой интриганки Риччи, месье Пелисье наделал Теодоре комплиментов, осыпал подарками, снабдил ее деньгами на дорогу в Париж и уехал. Теодора, не колеблясь, последовала за ним. Прощаясь со мной, она плакала. Я держался до последнего. Плакал я навзрыд, но уже потом, когда лодка Теодоры отчалила от подъезда моего дома.

С этого момента на театре Сан-Самуэле можно было поставить крест. Сборы начали падать. Сначала мы стали обнаруживать в зале пустые кресла. Затем проплешины стали заметнее. Наконец, к нам просто перестали ходить, и мы закрылись. Расставаясь, Сакки обнял меня и расцеловал в обе щеки. Старик наелся луку, так что прощание вышло смазанным. Еще через несколько лет Венецию оккупировали войска Наполеона. Первым делом, они поперли наших коней с собора Святого Марка. И тут уже началась полная безвкусица; какая там комедия дель арте, жрать было нечего.

Я умер, позабыт-позаброшен, в своем доме. Возвращаясь в Мир Душ, я еще задолго до места встречи услышал громоподобные аплодисменты. Это аплодировали мне. Теодора была в первых рядах. Но – о ужас! – это была не Магдалина! Эта была наша хорошая знакомая Люэлинь (*сейчас она воплощена Ариной Сиропченко, играет Турандот в спектакле «PRO Турандот», реж. А. Мозуций, «Приют Комедианта» на Садовой*).

- Недопонял, - сказал я мысленно. – Люэлинь! Так это была ты! А где же Магдалина?

И, только я это подумал, как из-за спины одного из многочисленных родственников показался ... Гратароль! Нет, Магдалина! Господи, какое разочарование.

- Федотыч! – мысленно заголосил я на всю вселенную. Так кличут жену, когда намылят голову, и заканчивается горячая вода. – Федотыч!!!

- Ну и чего мы так раскричались, - Федотыч тут как тут. – Что случилось, Карло?

- Но ты же обещал! – У меня истерика.

- Карло, успокойся, - мягко говорит Федотыч, - это же всего лишь навсегда театр. Это игра!

- Извини, Карло, - тут уже Магдалина вставляется. – Мы не хотели тебя расстраивать с самого начала. Зато у тебя получилась насыщенная биография. Если бы я была Теодорой, ты не стал бы Гоцци, помяни мое слово.

Я гляжу в глаза Магдалины. Я вижу в ней тысячи и тысячи совместно прожитых жизней. Наши парные воплощения никогда не были спокойными. Мы всегда давали друг другу прикурить, еще со времен атлантов, задолго до нынешней эпохи. В одних воплощениях я ставил Магдалину в тупик, в других она брала реванш. Мы учили друг друга - и, чаще всего, учили болью. А затем многие жизни вынимали друг у друга занозы из-под кожи. Любовь – если она была – выполняла роль анестезии, и больше ничего.

Когда-нибудь я научусь смотреть в эти глаза – и не корчиться от многотысячелетней тоски. Однажды я признаю все это – Театром. И тогда моя эволюция потечет по другому руслу. И тогда я напишу вот такие стишки:

*Весна в Венеции. И что же?
Дворец подсвечивают Дожей,*

*Кругом Сан-Марко колоколен
Любой круговорот позволен.*

*С толпой смешавшись, заблудиться.
Вослед, в преддверьи Боттичелли,
Продрогнуть, даже простудиться
В отсыревающем отеле.*

*Под масками, неизъяснимы,
Как персонажи, мы частичны.
На мостиках - неуловимы,
В церквях - возвышенно-античны.*

*Реальто или Сан-Джованни,
Полночью или полным днем,
Вернутся к нам в воспоминаньях,
Останутся. Лишь мы - уйдем.*

20. Слободан встречается с Фомой

В киноцентре на Красной Пресне было малоллюдно. И время было никакое (*рабочее*), да и сам фильм (*чушь несусветная*). Слободан быстро различил Фому, сидящего в холле за столиком кафе. Подошел. Фома пил кофе.

- Привет, Фома, - сказал Слободан.

Фома поднялся из-за стола, крепко пожал руку Слободану.

- Рад тебя видеть, - сказал он. – Как к тебе обращаться?

- Зови Слободан, - отвечал Слободан. – Так будет проще.

- Хорошо, - сказал Фома. – Кто начнет? Я или ты?

- Начинай ты, - сказал Слободан. – Расскажешь, как вы меня вычислили. Потом я расскажу, что знаю.

- ОК, - сказал Фома. – Будешь что-нибудь? Сок, кофе?

- Я бы кофе выпил, - сказал Слободан. – Капуччино.

- Тогда подожди, я закажу, - сказал Фома. Встал из-за стола, подошел к барной стойке. Вернулся: «сейчас принесут, я себе тоже заказал».

- Все вышло случайно, да не случайно, - начал свой разговор Фома. – Никто и не думал, что вы на Малой Бронной офис решите соорудить. Когда первые сообщения о «Молодой православной России» в прессе пошли, я сразу Светке сказал: вот, это по нашу душу. Одной рукой будут подпорки под трухлявую церковь ставить, а другой рукой давить инакомыслящих. Мы особенно вами не занимались: просто всю информацию, что на сайте было, скачали, в том числе и фотографии. Поэтому Светке и показалось, что были знакомы.

- В общем, - продолжал Фома, - когда вы со Светкой столкнулись на улице, у нее пошли картинки. Имя «Керим» пришло уже позже. Картины такие: война, бомбежка, ты бежишь. Потом: ты сидишь в лагере, стоишь на проверке, зимой, в лагерном ватнике. Текст идет: Саранск, Мордовия. При этом она видит твое лицо, и знает, что оно твое, но сейчас у тебя другое лицо, и ее это сразу поразило. Значит, пластическая операция. Про то, что ты из «Молодой православной России», пришло тоже потом. Светка рылась лихорадочно, сверяла все фотки. И потом, что она увидела, и что ее насторожило больше всего – это закладки. Ты что-нибудь слышал про технологию «Восход»?

- Нет, - сказал Слободан.

- Тогда поясню, - сказал Фома. – Я однажды на тюремной больничке сидел с одним дедушкой, который зарезал свою бабушку, двенадцать ножевых ранений нанес в состоянии аффекта. А дело в том, что до этого за полгода у дедушки было сильное воспаление легких. И ему прописали какие-то антибиотики, которые начали давать последствия в области мозга. Его не предупредили, что категорически нельзя их водкой запивать. А дедушка однажды взял и запил. Сидят они, значит, с бабушкой, мирно квасят, потом у него в мозгу провал, а потом он очухивается, и видит себя в растрепанном виде, и бабушку, лежащую перед ним в луже крови. Ну, его сразу отправляют в Москву на дурку, в Сербского – чтобы подтвердить невменяемость. Недели две он там покувыркался, потом возвращается и рассказывает странные вещи. Говорит: меня подключили к какому-то аппарату, наушники одели, проводами опутали, и вдруг я слышу, что как бы вслух говорю. То есть все, что я в данный момент думаю, говорится в радиоприемник. Ну, его тогда на смех подняли: типа, опять тебя, дед, заклинило. А он уперся: да не вру я! И я как-то сразу ему поверил. Значит, понял я, есть такие приборы, которые мысли читают. Кто прежде всего заинтересован в таких приборах? Разумеется, силовые структуры, которые их испытывают на умалишенных.

Принесли кофе.

- Потом я читал специальную литературу, - продолжал Фома. – Например, возможно с помощью специальных посылок в среднечастотном диапазоне, переводить человека в измененное состояние сознания. В одно ухо подается 200 герц, а в другое – 210. Мозг самопроизвольно ловит разницу в 10 герц и ее начинает переваривать. Соответственно, посылая разные частоты в разные места человеческого организма, можно считывать ответ и его декодировать. Думаю, что они экстрасенсов привлекали, чтобы вырабатывать образцы и накапливать их в свою библиотеку мыслеформ. Думает, скажем, экстрасенс, «масло». Сильно думает, мусолит это масло в своем мозгу. Соответственно, машина посылает волны, а компьютер их сводит, выделяя некоторый типовой волновой образец «масла». Потом этот образец уточняется на множестве добровольцев.

- А потом я поговорил с одним парнем из Конторы, - продолжал Фома, - и он мои догадки подтвердил, под большим секретом. Сказал, что фаза чтения мыслей пройдена, сейчас ведутся работы по навязыванию мыслеобразов. Человек вводится в измененное состояние сознания, а затем ему на этой волне проецируется определенная последовательность установок. Человека кодируют. Это и называется – технология «Восход». Светка сказала, что у тебя закладки ставились в момент того сна, когда она видела бомбежку. Был у тебя такой сон?

- Был, - отвечал Слободан.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Ну тогда расскажи мне этот сон, и мы его разберем, - сказал Фома. – Поищем, где там закладки.

- Я лучше расскажу все с самого начала, - сказал Слободан.

И он начал рассказывать. Фома внимательно слушал, иногда задавая уточняющие вопросы.

- Давай все-таки посмотрим подробнее твои сны, - сказал он.

Слободан начал пересказывать сны. Про бомбежку, Асет, Сашу и Христа. Фома задумался.

- Я боюсь, - сказал он наконец, - что ни я, ни Светка не скажем, что в твоих этих снах было встречей с близкими, а что – закладками. Сцена с адом и Христом напоминает такую закладку, - слишком она отдает ортодоксальной бредятиной, - но так, навскидку, не скажешь. Надо тебя погружать в гипноз и специально расспрашивать. А сейчас даже париться нет резона. Но закладки стоят, стопудово.

- Скажу одно, - продолжал Фома. – Ты прошел специализированную обработку по технологии «Восход». Причем они сильно продвинулись, раз научились это делать дистанционно. Излучатели и датчики, скорее всего, были вмонтированы в стену и в шхонарь, а аппарат стоял в соседней хате. Они дождались, когда ты уснешь (сличили по биоритмам), а затем принялись тебя обрабатывать. Сместили в измененное состояние сознания, посмотрели, что за кино ты видишь, а затем за сутки в перерыве между двумя снами спроектировали последовательность, которую будут внедрять. Им нужно было, чтобы ты любой ценой загремел в ШИЗО, где у них уже было все готово. Вот Пенталгин и помог. Я так думаю, что его главным и единственным заданием в Саранской зоне был ты. Ему нужно было подгадать момент, чтобы тебя вывести из себя, развести на драку, оскорбить. Конечно, он не ожидал, что ты так среагируешь. Рожа-то у него, чай, не казенная. А ты ему борщом.

Слободан молчал, переваривая в себе всю вновь полученную информацию. Фома не мешал ему. Так прошло минут пять.

- Мы, честно говоря, сильно обделались, когда Светка принесла на хвосте новость о встрече с тобой, - прервал, наконец, Фома затянувшееся молчание. – Сразу перешли на запасную частоту – на наладонники с блютузом, как я и писал. Свели контакты до минимума. Начали интуичить, пробивать. Нашли тебя в «Молодой православной России». Тогда все встало на места: Контора и ее козни. Начали прояснять модель. И быстро ее выкупили. Ты знаешь, что такое «псы Господни»?

- Да, - сказал Слободан. – У меня и в Асе такой ник.

- Слушай, а я и не дотумкал с первого раза, - разочарованно произнес Фома. – Действительно. Вот маразм! Да, с чувством юмора у тебя все в порядке. Надеюсь, что и со здравым смыслом – тоже.

- Я к чему спросил, - продолжал Фома. – Уже понятно, что тебя при помощи хитроумных мусорских технологий превратили в кануса Господня. Их, наверное, самих подмывало узнать: способен ли чечен, донельзя враждебный режиму, с помощью нехитрой магии превратиться в оплот православия, в Господнего Шарика, который готов порвать на тряпки любую ересь? Это вопрос на потенциальные возможности зомбирования: способна ли Контора в принципе создать такой вариант психотронного оружия, чтобы переводить в измененное состояние сознания и программировать в нужном направлении достаточно

большое количество людей. Если да, то задача управления Россией для них будет решена в принципе. И ты им дал понять, что такие возможности налицо.

- Святой Доминик, - продолжал Фома, - был очень неплохим человеком. Я с ним пересекался, когда ходил Антонием Падуанским. Просто он с самого начала сделал ставку на защиту, на проативные технологии. Называется: не умеешь – научим, не хочешь – заставим. При этом, он настаивал на примате слова для вразумления еретиков. Но ребята из доминиканских монастырей, которые шли сразу по его стопам и составили костяк инквизиции, расценили по-другому. Сказали себе, что дыба и костер – надежнее всяких дискуссий. И костры запылали. А вот теперь скажи мне, - продолжал Фома с грустью, пополам перемешанной с раздражением, - какая мне разница, кто меня пытается? Безмозглый римский наемник по приказу императора, германский фашист, французский инквизитор или расейский поп-негодяй, который морит меня голодом в подвале соловецкого монастыря (каламбур: поп-культура, которая попой исполнителя прокладывает себе дорогу)? Нет мне никакой разницы, и никогда не было. И в верах у меня нет никакого различия. Как сказал некогда Пастернак, стиль произведения – это дыра в воздушном шаре, которая мешает ему летать. И то же самое и в отношении конфессий: все знают, как надо летать, и проповедуют полеты, но сам никто не летает, только ползают.

- А как насчет Благодатного Огня? – спросил Слободан. – Который только православные могут получать?

- То, что этот Огонь поступает по расписанию в установленный день, как газпромовский факел в дома работников Крайнего Севера, вызывает некоторые подозрения, - парировал Фома. – Тем более если его получает дедушка, только что застуканный на махинациях с церковной недвижимостью. По мне так это – соблазн, соблазн остановиться и сказать: «я нашел!» И не надо истин, не надо философий и диспутов, достаточно просто радостного умиления оттого, что сначала синие блики по Кувуклии бегают, а затем зажигаются свечи, которые первую минуту не обжигают. Как там Павел говорил: если даже Ангел пришел, чтобы говорить другое – да будет анафема.

- И потом, - дополнил Фома. – Католикам или тем же армянам, к которым Огонь не поступает – вешаться, что ли? Или разом нырять в ортодоксию, предавая прежние свои установки – ради подключения к Духовному Газпрому? Множественность вер и церквей – это дьявольская или Божья работа? Не отвечай, подумай над этим на досуге.

- Я, - продолжал Фома, - все свои жизни стоял за здоровое учение, против идеологической дедовщины, на которой основываются все империи. Я против империй, потому что в Царствие Небесное входят поодиночке или малыми группами, но уж никак не империями. Также я против диктата чудес. Главный фокусник и Санта-Клаус этого мира господин Угодник (чуть не сказал – Укупник) засветил мне в рыло на Никейском соборе как раз потому, что понимал: его картонные фокусы ничто перед правотой здорового учения. Поэтому мне так и попадало всю дорогу. Я был самым беспокойным из апостолов, самым пронырливым, все хотел доискаться до последних ответов, на слово никому и ничему не веря. Поэтому на мне лежит епитимья. Я вынужден, абсолютно и свято веруя в реинкарнации, внетелесные переживания и в иной трансперсональный опыт, оставаться совершенно пустым и бесплодным в этом плане, ходить, словно бы с завязанными глазами, верить чужому опыту и чужому кино наяву. Чтобы следующий раз не тыкать свои «персты» куда попало.

- Христос - это не куда попало, - поправил Слободан Фому.

©Анри Дидим. Дневник апостола Фомы. Книга 1. Апостолы возвращаются

- Это было для красного словца, - ответил Фома. - Точно так же наказана и Вамбина. Чтобы следующий раз не тыкать своим сотническим копьём «куда попало». Но, кажется, мы подходим к тому пункту, когда все счета начинают приниматься к оплате и закрываться. Как в случае детоубийцы Фриды из «Мастера и Маргариты» - перестанут подавать платок. И я начну смотреть кино, и Вамбина перестанет западать на кровь, и у Ирки месячные будут не такими бурными, и у Светки пройдет ее астма. Шествие 2017 года должно состояться, с тем или иным составом участников. Чтобы нас подготовить, нам всем в кратчайшие сроки предложили почистить карму. Поэтому мне – тюрьма, Ирке – ее Хармен и бедность, Светке – ее болезни, Вамбине – ее морок. Пока не прочистимся до самых кончиков, на встречу с Христом выйти не сможем.

- А вы нашли последнего апостола из двенадцати? – спросил Слободан.

- Нашли, - сказал Фома. – Но это большой секрет. Он останется в запасе до тех пор, пока мы не будем в полной уверенности, что нас не порвут – ты и твои люди. Матфий, был выбран по жребию после гибели Искарриота. Идет с ним на шествии последней парой. В прошлых жизнях был королевой Марго и Леонардо да Винчи. Если нас заметут и посадят в торбу, он сделает все как надо. Опубликует наши архивы, соберет уцелевшие остатки семидесяти и начнет с самого начала.

- А Мария Магдалина усматривается на шествии? – спросил Слободан.

- Не усматривается, - сказал Фома. Улыбнулся. – Она мне сказала, что ни на какие шествия ни с кем ходить не будет. Что ж, это ее право. Посмотрит трансляцию дома, по телевизору. Думаю, что Христос захочет ее увидеть воочию. Нагрянем к ней домой на Лиговский, раз она так. Бухалова возьмем, сырку попросим порезать в магазине, колбаски. Ну как обычно в таких случаях.

- Давай теперь о главном поговорим, - сказал Фома. – Что ты собираешься делать дальше?

- Честно сказать, я не знаю, - признался Слободан. – Если я перестану на них работать, меня просто разберут на запчасти, вот и все. А выйти из игры – не получится. Найдут довольно быстро, а дальше то же самое. Но против вас я работать не буду больше, шабаш.

- Вывод напрашивается сам собой, - сказал Фома. – Нужно продолжать работать на нас, но под эгидой Конторы. За то время, пока ты болтаешься на перепутье, мы тебе заготовим запасной аэродром. Визу, хазу, ксиву. И у самих пластические хирурги найдутся. А, чтобы ты был продуктивен, мы тебе будем давать реальную инфу, включим в коммуникацию. Ну и ты нам, конечно. Будешь двойным агентом, как в кино. Правда, у ментов есть твои подлинные пальцы. Это проблема. В ЦАБ придется залезать. Ну да ладно: свет не без добрых людей.

- Мне надо подумать, - сказал Слободан.

- На здоровье, - сказал Фома. – Подумать надо, и нам тоже. Я не Николай Иванович, раком ставить тебя не собираюсь.

- Кстати, о Николае Ивановиче, - продолжал Фома. – Есть такой новозаветный персонаж, называется первосвященник Каиафа. Тот был абсолютно убежден, что Христа убить просто необходимо. Чтобы уберечь народ от интервенции. В результате: Христа убили, а Иерусалим все одно спасти не удалось – сравняли с землей, перебили уйму народу. Тут такая же история. Человек свято уверен в том, что надо, пользуясь инструментами традиционной веры,

остановить китайскую экспансию. Даже ценой избиения Христа и Его апостолов. Которые пришли как раз ради того, чтобы дать России шанс ответить на глобальные вызовы. Для этого он себе сконструировал пса Господня. Ты – Механический Пес из романа Брэдбери. Тебя запрограммировали на наш код. Наша совместная задача – перепрограммировать этот код и направить тебя в нужное русло.

- Надо, - продолжал Фома, - аккуратно дать понять Николаю Ивановичу, что он не на тех поставил. Сама по себе идея создания движения – абсолютно здравая. Потому что должен быть кто-то, кто в этой стране отвечает за идеологию. Причем за идеологию полноценную, основанную на здоровом учении. Отрывка Конторы, типа движения «Наши» - это не идеология, это мрачный гэбистский джаз. Надо дать Николаю Ивановичу понять, что ставка на РПЦ при таком раскладе – абсолютно беспонтовая.

- Он это знает, - сказал Слободан. – Но он рассчитывает реновировать РПЦ, через успехи, достигнутые на ее периферии, в ордене. Потому что не видит идеологической альтернативы. За неимением гербовой пишут на простой, как он говорит.

- Его упования на реновацию РПЦ напрасны - сказал Фома. – Две тысячи лет назад эти ребята пошли по кривой дорожке, и у них в мозгах такой клин, что дешевле включить бульдозер, чем пытаться что-то менять. К тому же они настолько тесно срослись с гэбухой, что их самостоятельная роль во всем этом деле – под большим вопросом. Использовать их как жидкий клей «Момент» для строительства новых пирамид – вполне понятно. Если, конечно, мы намерены строить новую империю, основанную на костях. Но, боюсь, что у этой затеи продолжения не будет. Сроки сжатые. Китай действительно прет на нас, и он размажет по стенке любую империю на своем пути. Вспомни, как пала Византия. В том и ценность момента: если Россия и устоит, то только на новой основе. Если заново строить империю на костях, то Россия рухнет. И поделом ей тогда. Будем столицу нового учения основывать в Норвегии, на уровне 30-го меридиана, лет эдак через 300. Назовем ее Вадсе. Аккурат возле норвежско-китайской границы. Читал об этом?

- Да, мне сделали справку, - сказал Слободан. – Там, кстати, проходит, что твой духовник о. Фома Благоев вознамерился строить мультиконфессиональную часовню в Энской области, посвященную 30-му меридиану. Рядом с его домом, под Опочкой, аккуратно на меридиане. И что у него из-за этого с митрополитом Евтихием распри.

- Посмотри еще вот здесь, - сказал Фома. Вынул ручку из внутреннего кармана пиджака, размашисто написал на салфетке: <http://foma.ifel.ru/fr1007.htm> . - Недавно выложил. Витя Курляндский - талантливый парень, угадал. Но ему была ведома только одна половина правды. Отец Фома – не верит нам. Его проблема. У него сильные египетские завязки, из жрецов. Однажды был Климентом Александрийским, моим учителем. Мы же владеем другой половиной правды: у всех столиц, расположенных на 30-м меридиане – один основатель, один духовный патрон. Светка.

- Я уже это понял, - сказал Слободан. – А что, Константин подтвердился по ней?

- Подтвердился, - сказал Фома. - Ирка, она же Евсевий Кесарийский, вспоминает его так: «он в каждой новой жизни всё так же вращает во гневе глазами... К нему всегда прилипает Великий, его любят в народе и боятся снова и снова». Хочу сказать одно. Безотносительно того, осыплют нас почестями или разрежут на куски, мы во всех своих новых воплощениях делали и будем делать одно и то же. Основывать столицы, проектировать и возводить храмы, наполнять библиотеки своими трудами, биться до крови на вселенских соборах, царить и

княжить, писать картины, стихи и музыку, сидеть в тюрьмах и гореть за свою веру. Ты «Властелин Колец» смотрел?

- Да, - сказал Слободан.

- Тогда ты поймешь аналогию, - сказал Фома. – Вот есть королевство Гондор, трон в котором до времени пустует. Гондор – это Россия. У Гондора есть блюстититель престола – противный подозрительный наместник Денетор. Денетор – это Контора. Денетор думает, что он будет сидеть на троне вечно, и что странник с Севера, Арагорн, сын Араторна, не имеет никаких прав на престол. Арагорн – это мы. Мы 2000 лет царили и княжили, одно время мы находились в безвестности или занимались частными делами. В ипатьевском подвале нас замесили почти всех, в один присест. Возможно, к этому все и шло, и кармическая справедливость такого шага понятна. Но теперь все знаки за то, что трон Гондора должен принять нового наследника Исилдура. И Контора – если она позиционирует себя как честный престолоблюститель, а не как узурпатор, – должна помочь нам вернуться на царство. Для этого она должна заняться устройством элиты нового образца, что она сейчас и делает, большое ей спасибо. Следующий шаг, когда элита окрепнет, - переподчинить ее нам. Возможно, одна из целей прихода Христа в этот раз – подтвердить наши полномочия. Элита уйдет под нас, мы уйдем под Христа. Таким образом, восстановится новая духовная российская иерархия, встанет новая аристократия, где принципы будут командовать благами, а не наоборот. Мы на это уповаем.

- Будете Настю Валикову в президенты двигать? – осведомился Слободан.

- И ее тоже, - сказал Фома. – А еще помним о царевиче Алексее. Он не воплощен, но готовится, у нас с ним телемост. Если Настя будет президентом, то однажды она будет готова передать власть законному государю и восстановить монархию. Алексей к этому готов. Я, честно говоря, себя подозревал на Алексея (болезнь крови, родился 17 июля, имя и все такое – типа, знаки). Но после того, как нашел в себе О.Генри, тема ушла. Ну и нисколько не жаль. Вот, публика называет Николая Второго Николашкой, а Алису Гессенскую – немкой. Но ведь ни у кого не повернется язык назвать Петра Великого Петрушкой. А поскольку Петр и Николай – одна душа, равно как Настя и Алиса, то и здесь злые языки надо бы попридержать. Светка рулит русским зоном как администратор, а Димка Валиков – как духовный лидер (Чудотворец потому что). А я у них, выходит, зам по идеологии. Вроде как ты в своем ордене, но с другой стороны баррикад. Соответственно, цари в Россию должны прийти из нынешних семей Валикова и Ростовской. И если Конторе удастся удержаться от террора, то сделанное ей зачтется, а за старое спроса не будет.

- А мне непонятно это, - сказал Слободан. – Тянете на престол старую гвардию. А что, в ней, собственно, хорошего? Косяк на косяке. Либо – избыток власти и крови (как у Петра), либо – избыток слабости и крови (как у Николая). Чем эта-то публика лучше нынешней во власти? Никогда не думали о людях, все использовали их как рабов для смазки пирамид. Почему не дать порулить кому-то еще?

- Не надо монстров из нас делать, - отвечал Фома. – Всегда хотели как лучше – а получалось как всегда. Саша Полнолетов, в бытность свою Александром Первым Благословенным, даже конституцию хотел даровать. Не справился с управлением страной, разжалован под видом смерти в Таганроге. В результате, начали мутить «знатоки» (декабристы, то есть), и пошла реакция. Все раскачивают эту лодку, никто не думает о последствиях. Но мы все учимся, у нас – многотысячелетний опыт управления миром. Моисей у нас – Светка, из жизни в жизнь евреев по пустыне гоняет. Чтобы поскорее обрести землю обетованную; мы так устали скитаться, ты себе не представляешь.

Повисла пауза.

- Ну все, Слободан, - подытожил Фома, - пора мне. Хочу еще Ирку со Светкой повидать перед отъездом. Перескажу им наш разговор, пусть тоже думают. Надеюсь, увидимся еще.

- Я тоже надеюсь, - сказал Слободан. – Приятно было познакомиться.

- Кстати, - сказал Фома, вставая со своего стула. – Светка видит тебя где-то в первых рядах семидесяти на шествии. Это еще не точно, но шансы очень хорошие. Зашли свои фотки мне при оказии, а я уже – ей.

Фома ушел. Слободан проводил его взглядом.

- Черт! – вдруг вырвалось у него. – Совсем забыл про Пфельда спросить. Ладно, в следующий раз.

21. Орывок из дневника Фомы. Все еще только начинается

*Апостолы - в царях, цари - в крови народной.
Вернется эта кровь на головы царей.
Они ее прольют, и вновь, душой свободной
Взовьются прямо ввысь, до самых эмпирей.*

*Увидятся с Христом. Его живое слово
Апостолы вернут в народный обиход -
И сядут на престол. Все повторится снова.
Сансары колесо проходит оборот.*

Когда говорю себе « я был в прошлой жизни тем-то и тем-то», ловлю встречный вопрос: «а кто этот «я», собственно?». Кажется, очевидно. Вот они, мои руки-ноги, мои мысли. Мое тело. То, что напрашивается первым.

Но потом выясняется, что тело-то не мое, а взято напрокат. За пять месяцев до моего рождения я получил это тело в утробе матери, а в нем – хлопотливого соседа с его собственной простенькой рефлексией. Я сказал ему: будем теперь вместе развиваться. Он сначала возражал, а потом привык. Так что нас тут минимум двое. И тот, который в моем изношенном болезнями каркасе отвечает за эмоции – не я, а сущность низкого порядка, которая непонятно куда девается после смерти тела. Я – ведущий, он – ведомый. И вся эволюционная недостаточность, все низшие ступени – оттуда. Как там у Павла: «делаю не я, а живущий во мне грех». Да не грех, а внутренний Шариков делает: тот, который всего хочет и всего боится, потому что миллионы лет эволюции даром не проходят. И в эти минуты я почти беспомощен. У Высоцкого находим очень точное:

*Во мне два «я», два полюса планеты,
Два разных человека, два врага.
Когда один стремится на балеты,
Другой стремится прямо на бега.*

Придумал притчу, которую рассказываю на многочисленных кладбищах оставшимся в живых друзьям. Скачет кавалерист с донесением к верховному командованию, везет пакет. Идет война. Периодически под всадником убивают лошадь. Но на любом постоялом дворе, в любом кавалерийском дивизионе по пути следования, всаднику выдают свежую, отдохнувшую коняшку. Он садится на нее и скачет дальше. При этом содержание пакета никому не известно. Аналогия понятна, надеюсь. Лошадь – это наше тело с пристегнутым к нему элементом, всадник – наша душа, пакет – наша миссия на тысячу жизней вперед, а верховное командование – Бог.

Но модель может быть и сложнее. Если правы не Ньютон и Рампа, а Монро и Поляков. Если нет метемпсихоза в банальном смысле слова, а есть палингенезия в смысле притчи о десяти девах, ждущих жениха. Что к телу и к элементалу мы добавляем немножко своей души, и возникает клон, который ждет нас на тонких планах. Когда братва соберется со своим духом (*в прямом смысле сказанного*), и придет время переходить с уровня на уровень, мы все – Боттичелли, Арий, Фома, Шуман и другие – веселой стайкой полетим в новое духовное небо. Воротимся к Господу с подарочком, как Монро это называет. Что за подарочек? Подаренные Господу новые впечатления, новый опыт, полученный нами. Усложнишь себя – усложнишь и Бога, под этим девизом мы живем. Без нас Он не полон, вот в чем главное основание нашего достоинства и нашей миссии. Мы – сотрудничаем с Источником, мы - партнеры. В противном случае, вся эта каша с метемпсихозами напоминала бы дурной автомат и была бы недостойна Создателя. Говорю это как Якоб Беме. Угодно принять – примите; неужгодно – тусуйтесь по возможности, как в тюрьме говорят.

Еще раз повторюсь. Раб Божий – не канаец, это уровень один. Наемник Божий единогодешаго часа – не канаец, это уровень два. Сын Божий – это то, на что мы сегодня номинируемся, уровень три. Но – без патерналистских, слишком человеческих примесей. Типа, стоять посреди дороги с полным памперсом говна и жаловаться: «Папа, я опять обосрался!». Или висеть на кресте и плакать: «Папа, почему ты меня бросил?». Никто никого не бросал. Я и Отец – одно и заодно, и это – навсегда, покуда очередной сон Брахмы не разлучит нас.

В конце концов, детали модели не так уж и важны. Мы растем над собой из жизни в жизнь, мы копим опыт – вот что важно. И все мои предшественники-клоны, все те, кто прошел этот путь до меня, одобрительно кивают мне и подбадривают. Говорят: чуй свою неразрывную связь с Источником, ничего не бойся, действуй на свой риск, люби этот мир и ближнего в нем, приходи на помощь вовремя, не позволяй себя дурить химерами массового сознания, консультируй пирамидостроителей, но сам пирамид не строй, это не твое. Они подставляют мне свое плечо, я на него опираюсь. Своеобразная разновидность ренты. Господь сеял, я растил. Можем мы с Ним приступить к сбору урожая, или вечер испорчен? ☺

Готовится прорыв в нашем самосознании, растет частота вибраций, и, с этой точки зрения, все еще только начинается. Миллионы лет жили как с закрытыми глазами, готовы были поверить хоть в табуретку о трех ножках, лишь бы помогла выжить. (*Недавно стоял на такой табуретке, вкручивал лампочку. Загрел и сильно зашиб ногу*). Сегодня акценты меняются. Выжить, уцелеть любой ценой – это уже не задача. Развиться, состояться, принести плод, выучить выбранный собою же урок, реализовать этап, подмести за собой кармический мусор – вот задача. И наша частная локальная смерть не имеет решающего значения. Володя Шарапов на войне это понимал. И мы, когда нас на той же самой войне забрасывали в тыл к немцам – тоже очень хорошо это понимали. Последние 2000 лет мы жили как разведчики, и так будет продолжаться еще некоторое время, пока нам не скажут, как новомодным Йоганам Вайсам из кинофильма «Щит и Меч». Мы им: «нам за линию фронта надо». А они нам: «нет линии, и нет фронта». Эх, побыстрее бы.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ